

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Бродский Владимир Игоревич

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В УЧЕНИИ КАРЛА ШМИТТА:
ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Специальность: 5.4.1. Теория, методология и история социологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Дуденкова Ирина Васильевна

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КАРЛ ШМИТТ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА: ИСТОКИ, ИНТЕНЦИИ, РЕШЕНИЯ	31
§ 1. Генезис: «Гоббсова проблема» — гоббсово решение.	31
§ 2. Развитие: проблема социального порядка в классической немецкой социологии.....	39
§ 3. Рецепт: Карл Шмитт как мыслитель порядка.....	52
ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАК ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА.....	79
§ 1. Политическая теология до «Политической теологии»: «Политический романтизм», «Диктатура» и проблема порядка.	79
§ 2. Политическая теология чрезвычайного положения. Суверенное решение как источник и гарантия порядка.	102
§ 3. Политическая теология как социология юридических понятий: мыслить с Вебером против самого Вебера.....	114
ГЛАВА III. ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	142
§ 1. На пути к политической общности.....	142
§ 2. Политическая общность в системе координат stasis/polemos	159
§ 3. Теория партизана и проблема (бес)порядка.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	203
I. Источники на русском языке.....	203
II. Источники на иностранном языке.....	204
III. Книги на русском языке	205
IV. Книги на иностранных языках.....	207
V. Научные статьи на русском языке.....	209
VI. Научные статьи на иностранных языках	213
VII. Диссертационные исследования.....	217
VIII. Сборники, статьи в сборниках, главы в монографиях на русском языке	217
IX. Сборники, статьи в сборниках, главы в монографиях на иностранных языках.....	220
X. Научные статьи автора	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Карл Шмитт — один из самых значимых социальных мыслителей XX века, учение которого становится все более востребованным и обсуждаемым в настоящее время. Фундаментальность и масштаб теоретических проектов немецкого ученого оправдывает закрепившееся за ним неофициальное звание «Гоббса XX века»¹. Если английский мыслитель может быть рассмотрен как один из праотцов современной социальной науки, то Шмитт — как ее ярчайший представитель.

Специфическим предметом социологии является *социальный порядок*², а ее история в значительной степени совпадает с историей поиска решений «Гоббсовой проблемы», в широком смысле представляющей собой «вопрос о причинах возникновения, стабильного существования и возможного краха социального порядка»³. Несмотря на то, что «Гоббсова проблема» находит «Гоббсово решение» в трактате «Левиафан», вся следующая за ним интеллектуальная традиция продолжает ставить вопрос о порядке, предлагая новые подходы и решения⁴. Учение Карла Шмитта — не исключение. Теоретическое наследие немецкого автора столь неоднородно и многогранно, что при первом рассмотрении может показаться хаотичным набором высказываний. Тем не менее сочинения Шмитта подобны «островам архипелага, соединенным друг с другом под поверхностью воды»⁵. Фундаментальную связь между ними создает работа с проблемой порядка, ведущаяся Шмиттом на протяжении всей жизни. Разнообразие и противоречивость

¹ Михайловский А. В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 159; Thomsen J. A. Carl Schmitt – The Hobbesian of the 20th Century? // Social Thought & Research. 1997. Vol. 20. №. 1/2. P. 5–28.

² Корбут А. М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 10

³ Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №. 3. С. 123.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Schupmann B. A. Carl Schmitt's State and Constitutional Theory: A Critical Analysis. New York, 2017. P. 28.

ее результатов объясняется тем, что Шмитт мыслит кризисно⁶, реагируя на многочисленные потрясения XX века. Вместе с тем инициируемые ими рассуждения не теряют актуальность в наши дни, предвосхищая вызовы, с которыми сталкивается современное человечество.

Одно из наиболее известных произведений немецкого автора «Политическая теология» посвящено феномену чрезвычайного положения. Исключение рассматривается Шмиттом в качестве особой социально-политической ситуации, в условиях которой общественный порядок устанавливается путем принятия прямых политических решений, а не посредством применения правовых норм, иерархия которых восходит к положениям основного закона. Так, несколько лет назад человечество столкнулось с практикой установления чрезвычайных порядков на фоне глобальной пандемии COVID-19, приведшей к временному ограничению конституционных прав и генезису альтернативной социальной регулярности, элементы которой успешно интегрировались в новую пост-пандемийную нормальность.

Одним из ключевых аспектов «Политической теологии» является проект *социологии юридических понятий*⁷, основанный на идее структурной аналогии между государственно-правовым и религиозно-метафизическим мышлением⁸. Важнейшим элементом этого исследования является прояснение связи между понятиями суверенитета в юриспруденции и чуда в теологии, позволяющее уточнить содержание концепта, закладывающего основу современного понимания государственности. Вопрос о суверенитете является одним из наиболее широко обсуждаемых в актуальной социально-политической риторике, что создает прямую

⁶ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2021. С. 190.

⁷ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 39.

⁸ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 57–59

необходимость в актуализации *социологии* этого понятия, проект которой разрабатывается Шмиттом на страницах «Политической теологии».

Произведения, относящиеся к полю социальных наук, могут как проходить, так и проваливать проверку временем. Примером второго случая может служить опубликованная в 1989 году статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Ее центральный тезис, указывающий на то, что «у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив»⁹ с высоты 2025 года выглядит растерявшим всякую актуальность и убедительность. Наиболее известное произведение Шмитта — «Понятие политического»¹⁰ — напротив, представляет собой текст, тезисы которого продолжают находить подтверждения спустя почти век после первой публикации. Основная идея сочинения, которая состоит в том, что политическая вражда, предполагающая готовность сторон к открытому вооруженному конфликту, является «непреложным социологическим фактом»¹¹, целиком и полностью соответствует актуальной повестке дня. Однако ценность «Понятия политического» не ограничивается удачным созвучием нерву эпохи. Наиболее известное сочинение Шмитта открывает новые пространства и перспективы исследования социального порядка. Идея того, что весь набор «понятий, посредством которых концептуализируется существующий социальный порядок (“общество”, “государство”, “класс”, “диктатура” и т. д.), остается непонятен вне военной оптики»¹², позволяет глубже осмыслить природу и любые актуальные формы порядка, задавая установку на привлечение релевантных контекстов, связанных с политическими противостояниями.

Ни «Политическая теология», «Понятие политического» не являются замкнутыми на себе произведениями. Оба сочинения становятся центрами

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

¹⁰ Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 281–356.

¹¹ Кильдюшов О. В. Война и социальный порядок: ultima ratio или conditio humana? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2016. Т. 80. №. 1. С. 19

¹² Там же. С. 21.

продуктивных интеллектуальных пространств, которым принадлежат и другие работы Шмитта. Цепочки высказываний приводят немецкого ученого к двум продолжениям — «Политической теологии II»¹³ и «Теории партизана»¹⁴, имеющей статус промежуточного замечания к понятию политического. Оба текста развивают рассуждения Шмитта о социальном порядке и затрагивают темы, обладающие особой актуальностью для наших дней. «Теория партизана» исследует феномен воинской иррегулярности, представленность которого в вооруженных конфликтах по всему миру растет с каждым годом. Для Шмитта проблема партизана — это, прежде всего, проблема столкновения регулярности и иррегулярности, *порядка и беспорядка*. Результаты исследований Шмитта позволяют предположить, что поддержка иррегулярных формирований покровительствующими политическими порядками, оказывается действенной, но крайне рискованной мерой, что также подтверждается эпизодами новейшей истории. «Политическая теология II» — разностороннее произведение, обращающееся к целому ряду проблем, создающих угрозу порядку. В фокусе внимания Шмитта оказывается и уничтожение институциональных «юрисдикций» государства и церкви, и распространение культа прогресса ради самого прогресса, и проблематичность партийности как причины прихода общественного *беспокойства* на смену общественному покою. Особо следует отметить актуализацию проблемы напряжения между легальностью и легитимностью, которую Шмитт впервые затрагивает в одноименном произведении 1932 года¹⁵. Этот конфликт, видящийся немецкому мыслителю бомбой замедленного действия, заложенной в основании современных порядков, наблюдаем сегодня на примере многочисленных конституционных кризисов, сопровождающихся масштабными общественными волнениями.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что теоретическое наследие Шмитта содержит результаты глубоких и разносторонних исследований

¹³ Шмитт К. Политическая теология II / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб., 2024. 215 С.

¹⁴ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М., 2007. 301 С.

¹⁵ Шмитт К. Легальность и легитимность / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. П. Шурбелева, А. Ф. Филиппова под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2024. 316 С.

природы общественного порядка и современных вызовов, угрожающих его стабильности. Поскольку большинство проблем, которым посвящены работы немецкого ученого сохраняют актуальность по сей день, труды Шмитта продолжают быть предметом внимания отечественных и зарубежных исследователей. Не так важно, рассматривается социальная реальность как живущая «по Шмитту» или не «по Шмитту»¹⁶, и выбирает ли ученый опцию мыслить со Шмиттом, против Шмитта или «вместе с ним против него самого»¹⁷. Главное, что именно «Гоббс XX века» занимает сегодня положение референтной фигуры, которую невозможно игнорировать, работая в поле социальных дисциплин.

Рецепции учения Шмитта несколько десятилетий препятствовала репутация интеллектуала, запятнавшего свою биографию сотрудничеством с нацистским режимом. Факт того, что Шмитт сохраняет партийный билет НСДАП вплоть до краха Третьего Рейха и публикует несколько одиозных сочинений в 1930-е годы, не следует замалчивать или обходить стороной. Вместе с тем в современной науке складывается консенсус на предмет того, что короткий период активного сотрудничества Шмитта с нацистским режимом (ученый попадает в опалу уже в середине 1930-х), едва ли объясняется его убеждениями. Множество свидетельств указывает на то, что накануне прихода нацистов к власти Шмитт испытывает тревогу по поводу этой перспективы¹⁸. В послесловии 1958 года к вышедшей в 1932

¹⁶ Каспэ С. И. Не по Шмитту: политическая теология современных войн // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5 (123). С. 96-107.

¹⁷ «Таким образом, я предлагаю “мыслить со Шмиттом против самого Шмитта”...» (*Mouffe C. On the Political. New York, 2005. P. 14*).

¹⁸ Показательным примером может служить дневниковая запись, датированная 1932 годом: «Тот, кто 31 июля [на выборах в Рейхстаг] позволит национал-социалистам завоевать большинство, сам не будучи национал-социалистом и усматривая в этой партии лишь меньшее зло, тот поступит глупо. Он даст этому мировоззренчески и политически еще далеко не зрелому движению возможность изменить конституцию, ввести государственную церковь, распустить профсоюзы и т. д. Он полностью отдаст Германию на волю этой группы. Поэтому, в некоторых случаях, до сих пор было правильно поддерживать гитлеровское движение сопротивления, но 31 июля это становится опасно, потому что 51 процент голосов даст НСДАП “политическую премию” с непредсказуемыми последствиями» (Цит. по Филиппов А. Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем., заключит. статья и сост. А. Ф. Филиппова. М., 2000. С. 301)

году «Легальности и легитимности» Шмитт отмечает, что текст представлял собой «отчаянную попытку» спасти Веймарскую конституцию¹⁹, и читателю несложно догадаться, что речь идет о ее спасении *от* враждебных действовавшему порядку радикалов — нацистов и коммунистов. Не все ремарки Шмитта, касающиеся собственного прошлого, заслуживают доверия, однако содержание «Легальности и легитимности» дает основания для интерпретации, соответствующей признанию, сделанному ученым в послевоенном послесловии.

Шмитт «прославился» не только как «Гоббс XX века», но и как «коронный юрист Третьего Рейха». Однако прозвище, появившееся с легкой руки публициста Вальдемара Гуриана²⁰, содержит фактическую ошибку: в деле «Пруссия против Рейха», принесшем ученому подобную «славу», Шмитт защищает Веймарскую республику, а не нацистский режим, фактическое становление которого происходит позже. Хорошо известен и факт оказания Шмиттом помощи еврейскому интеллектуалу Лео Штраусу, позволившей молодому ученому покинуть Германию и тем самым спасшей ему жизнь. Вышеперечисленные детали не снимают со Шмитта ответственность за поступки, заслуживающие самого резкого осуждения, и не реабилитируют его личность. С другой стороны, попытки сделать карьеру при нацистах (потерпевшие оглушительный провал) не отменяют того факта, что Шмитт воспринимает крах Веймарской республики как общественно-политическую катастрофу. Рассмотрение серии работ о Гоббсе, публикуемых Шмиттом в 1930-х годах, в качестве опыта переживания и осмысления произошедшей трагедии, образует одну из задач, стоящую перед данным исследованием.

Степень разработанности темы. Учение Шмитта становится предметом широкого обсуждения уже на этапе своего формирования. Среди большого количества рецензий на работы Шмитта особенно выделяется опубликованный в

¹⁹ Шмитт К. Легальность и легитимность. С. 214.

²⁰ Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта // Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. С. 469.

1932 году текст Лео Штрауса, посвященный «Понятию политического»²¹. Между двумя мыслителями возникает дискуссия, продолжающая быть предметом широкого интереса исследователей²². Публикация «Политической теологии» инициирует не менее активную реакцию со стороны современников Шмитта. Особую роль в этом контексте играет работа Эрика Петерсона «Монотеизм как политическая проблема»²³, преследующая цель «упразднить» политическую теологию как перспективный исследовательский проект под авторством Шмитта. Именно эта работа провоцирует Шмитта на критический ответ, дающий начало «Политической теологии II». Если Петерсон справедливо назван «бывшим другом как врагом» Шмитта²⁴, то Якоб Таубес может быть рассмотрен в роли «бывшего врага как друга». Содержательный диалог, ведущийся между Шмиттом и исследователем иудаизма Таубесом в послевоенные годы, становится основой сборника текстов «Ad Carl Schmitt»²⁵, многие материалы которого посвящены Шмитту уже как автору обеих «Политических теологий».

В настоящее время учение Карла Шмитта является предметом все более растущего числа разносторонних исследований, ведущихся как российскими, так и зарубежными учеными. Одним из важных показателей востребованности теоретического наследия немецкого автора является выход посвященного ему оксфордского сборника, объединяющего целый ряд значимых работ, используемых автором диссертации. Особенно следует выделить опубликованные в сборнике

²¹ Штраус Л. Замечания к «Понятию политического Карла Шмитта» / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. А. В. Михайловского. М., 2012. С. 109–142.

²² Дмитриев Т. А. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. №. 3. С. 26–40; Михайловский А. В. Политическая философия vs политическая теология. О книге Хайнриха Майера // Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. А. В. Михайловского. М.: Издательская группа «Скимень», 2012. С. 167–191.

²³ Peterson E. Der Monotheismus als Politisches Problem; ein Beitrag zur Geschichte der Politischen Theologie im Imperium Romanum. Leipzig: Jacob Hegner, 1935. – 158 S.

²⁴ Кильдюшов О. В. Завершение легенды: Карл Шмитт в конце 1960-х годов // Шмитт К. Политическая теология II / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб., 2024. С. 9.

²⁵ Таубес Я. Ad Carl Schmitt. Сопряжение противостремительного / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 187 с.

статьи о шмиттовском понимании диктатуры²⁶ и демократии²⁷, а также вводный текст, в котором немецкий ученый представлен как мыслитель порядка²⁸. Вступительная статья содержит перспективные направления мысли, но сталкивается с ограничениями, заданными жанром обзорного текста. Более крупная западная работа, претендующая на раскрытие теоретического потенциала, позволяющего увидеть в Шмитте «мистика порядка»²⁹, ограничивается общей реконструкцией учения Шмитта, не углубляющейся в заявленную тему. Англоязычные монографии МакКормика³⁰ и Сломп³¹ ставят задачу систематизировать воззрения Шмитта и справляются с ней лучше, чем работа Херреро. Прочие важные тексты МакКормика, заслуживающего быть названным одним из наиболее значимых западных исследователей Шмитта, также выступают в роли источников, на которые опирается автор диссертации³². Ценные англоязычные работы, посвященные наследию Шмитту, регулярно публикуются в журнале «Telos». В их числе как уже прошедшие проверку временем статьи, так и недавно вышедшие тексты³³. Оригинальные интерпретации текстов Шмитта

²⁶ Kelly D. Carl Schmitt's Political Theory of Dictatorship // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 217–244

²⁷ Rasch W. Carl Schmitt's Defense of Democracy // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford, 2016. P. 312–337.

²⁸ Meierhenrich J., Simons O. «A Fanatic of Order in an Epoch of Confusing Turmoil»: The Political, Legal, and Cultural Thought of Carl Schmitt // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford, 2016. P. 3–70

²⁹ Herrero M. The Political Discourse of Carl Schmitt: A Mystic of Order. London and Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 279 p.

³⁰ McCormick J. P. Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Against Politics as Technology. New York: Cambridge University Press, 1997. 352 p.

³¹ Slomp G. Carl Schmitt and the Politics of Hostility, Violence and Terror. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 182 p.

³² McCormick J. P. The Dilemmas of Dictatorship: Carl Schmitt and Constitutional Emergency Powers // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. 1997. Vol. 10. №. 1. P. 163–187; McCormick J. P. Transcending Weber's Categories of Modernity? The Early Lukács and Schmitt on the Rationalization Thesis // New German Critique. 1998. №. 75. P. 133–177

³³ Bendersky J. W. Carl Schmitt and the Conservative Revolution // Telos. 1987. Vol. 1987. №. 72. P. 27–42; Norris A. Carl Schmitt on Friends, Enemies and the Political // Telos. 1998. Vol. Summer 1998. №. 112. P. 68–88; Patch W. L. Carl Schmitt, Rousseau, and the French Revolution // Telos. 2024. Vol. Fall 2024. №. 208. P. 43–64; Pan D. Myth and the Sovereignty of the People in Carl Schmitt's The Crisis of Parliamentary Democracy // Telos. 2024. Vol. Fall 2024. №. 208. P. 87–100.

содержатся в работах таких значимых зарубежных мыслителей как Жак Деррида³⁴, Джорджо Агамбен³⁵ и Славой Жижек³⁶.

Интерес отечественной науки к фигуре и учению Шмитта возникает уже в Российской Империи и не угасает в советское время, несмотря на сложности идеологического характера³⁷. Первые попытки социологического прочтения Шмитта предприняты Б. Э. Быховским еще в 1935 году³⁸. Работа «Карл Шмитт. (Монографический обзор)» вводит в русскоязычную дискуссию несколько важных произведений немецкого ученого и отвечает на его критику марксизма.

Стремительный рост интереса к учению Шмитта в нашей стране наблюдается с 1990-х годов и во многом связан с научной работой социолога А. Ф. Филиппова. Ученый является переводчиком ключевых работ Шмитта, редактором-составителем объединяющих их сборников и автором цикла исследований, на который опирается уже не одно поколение шмиттоведов. Работы А. Ф. Филиппова «Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа»³⁹, «Техника диктатуры: к логике политической социологии»⁴⁰, «Критика Левиафана»⁴¹, «К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта»⁴² и «К истории понятия политического:

³⁴ *Derrida J. The Politics of Friendship / Tr. by George Collins. London and New York, 2005. 308 p.*

³⁵ *Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение / пер. с ит. М. Велижева, О. Дубицкой, И. Левиной, П. Соколова. М., 2011. 148 с.; Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с итал. Д. Фарафоновой, Е. Смагиной под ред. Д. Раскова, А. Погребняка, Д. Фарафоновой. М., 2019. 548 с.; Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2 / Пер. с итал. С. Ермакова. СПб., 2021. 188 с.*

³⁶ *Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М., 2014. 528 с.*

³⁷ *Киселев М. Карл Шмитт в СССР // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 276–309.*

³⁸ *Быховский Б. Э. Карл Шмитт. (Монографический обзор) // Вестник Коммунистической академии. – 1935. – № 7. – С. 44–53.*

³⁹ *Филиппов А. Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. С. 259–314.*

⁴⁰ *Филиппов А. Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии // Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. С. 277–322*

⁴¹ *Филиппов А. Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 5–100.*

⁴² *Филиппов А. Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 41–52.*

прошлое одного проекта»⁴³ видятся автору исследования образующими парадигму, в которой развивается российская «шмиттиана».

Заметный вклад в русскоязычную дискуссию о наследии Шмитта сделан и отечественным социологом О. В. Кильдюшовым. Результаты исследований ученого успешно реконструируют различные стороны работы Шмитта с проблемой порядка⁴⁴, актуализируют их для современного социально-политического контекста⁴⁵, проливают свет на шмиттовскую рецепцию учения Вебера⁴⁶.

Важная роль в политико-философском осмыслении произведений Шмитта и их восприятия в новейшей истории мысли принадлежит работам А. В. Михайловского⁴⁷. Одна из ключевых статей ученого предлагает точную и исчерпывающую периодизацию творчества Шмитта, открытую использованию в исследованиях любого профиля. Политико-философское направление работы с наследием Шмитта продолжается в исследованиях В. В. Башкова⁴⁸, Д. В. Попова⁴⁹, А. В. Яркеева⁵⁰. Реконструкция и критика учения Шмитта образуют важную

⁴³ Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. С. 433–551.

⁴⁴ Кильдюшов О. В. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 7–26; Кильдюшов О. В. Война и социальный порядок: ultima ratio или conditio humana? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко). С. 6–32.

⁴⁵ Кильдюшов О. В. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М., 2010. С. 7–32.

⁴⁶ Кильдюшов О. В. Завершение легенды: Карл Шмитт в конце 1960-х годов. С. 5–42.

⁴⁷ Михайловский А. В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического. С. 158–171; Михайловский А. В. Политическая теология Карла Шмитта // Взаимодействие духовного и светского образования в России на примере Московской духовной академии / под ред. И. Д. Шленова. Сергиев Посад, 2015. С. 168–205.

⁴⁸ Башков В. В. От Кьеркегора к Шмитту: к политико-теологической актуальности повторения // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №. 1. С. 25–49; Башков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. СПб., 2022. 314 с.

⁴⁹ Попов Д. В. Апофатический и катафатический пути советской политической теологии // Социология власти. 2022. Т. 34. №. 2. С. 44–71; Попов Д. В. Полиция как континуум возможностей в биополитической модели государственного управления // Актуальные проблемы полицейского права. Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 54–59. Popov D. Katechon: On the Political and Theological Foundations of International Justice // Russian Sociological Review. 2023. Vol. 22. №. 4. P. 13–25.

⁵⁰ Яркеев А. В. Политический миф в учении Карла Шмитта // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. №. 2. С. 10–23; Яркеев А. В. Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. Т. 16. №2. С. 5–13; Яркеев А. В. К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном // Социологическое

составляющую произведений С. И. Каспэ⁵¹, принадлежащих области современной политологии.

Юридическое направление научной работы с наследием Шмитта представлено исследованиями В. Е. Кондурова⁵². Выводы, сделанные российским правоведом в отношении методологических и концептуальных оснований учения Шмитта, обладают высокой ценностью не только для юриспруденции, но и для других областей знания, предметом которых выступают теоретические проекты немецкого ученого.

Специфическая интерпретация учения Шмитта предложена российским философом и социологом А. Г. Дугиным. Работа «Карл Шмитт: 5 уроков для России»⁵³ представляет собой одну из первых попыток приложения выводов шмиттовских произведений к обстоятельствам новейшей истории нашей страны и перспективам ее дальнейшего развития. Признавая значимость данного

обозрение. 2022. Т. 21. №. 2. С. 189-213. *Яркеев А. В.* Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. №1. С. 135–159.

⁵¹ *Каспэ С. И.* Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданского просвещения, 2016. 216 с.; *Каспэ С. И.* «Любовь во время войны». Против автономии политического // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. №. 1. С. 13–61; *Каспэ С. И.* Не по Шмитту: политическая теология современных войн.

⁵² *Кондуров В. Е.* Тотальное государство в учении Карла Шмитта // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. Т. 12. №. 2. С. 155–160; *Кондуров В. Е.* Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. №. 5. С. 63–91. *Кондуров В. Е.* Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод. С. 49–78; *Кондуров В. Е.* Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. 442 с.; *Кондуров В. Е.* Политическая теология международного права: грани и границы метода // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №. 1. С. 50-71. Несколько русскоязычных диссертаций, посвященных учению Шмитта, также имеют юридическую направленность: *Гаранов Е. Н.* Государственно-правовая теория Карла Шмитта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2007. 197 с.; *Лапшин К. Н.* Учение о государстве в трудах Карла Шмитта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Краснодарский университет МВД РФ. Краснодар, 2012. 193 с. Философские науки представлены следующими диссертационными исследованиями: *Росси Е. А.* Человек и общество в социальной философии К. Шмитта: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. 163 с.; *Юрлова М. Д.* Концептуализация политического субъекта в консенсусных и диссенсусных моделях демократии: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Сев. (Арктический) федеральный университет. Архангельск, 2013. 140 с. Таким образом, настоящая работа представляет собой первую посвященную учению Шмитта кандидатскую диссертацию по социологическим наукам.

⁵³ *Дугин А. Г.* Карл Шмитт: 5 уроков для России // Философия права. 2000. №. 2. С. 76–81.

произведения для отечественной науки, нельзя не отметить, что оно несвободно от неточностей, способных существенно повлиять на определение роли и значения проблемы социального порядка в учении Карла Шмитта. Критические замечания в отношении одного из тезисов работы представлены в основном тексте диссертации. Некоторые работы, напрямую посвященные теме социального порядка в произведениях Шмитта, либо безосновательно экстраполируют выводы, относящиеся к одному из периодов творчества Шмитта на все его наследие, либо берут ложный след⁵⁴.

Научная работа, предметом которой выступает учение Карла Шмитта, ведется по всему миру в рамках целого ряда социально-гуманитарных дисциплин. Результаты многих отечественных и зарубежных исследований подготавливают надежную почву для дальнейших шагов. Вместе с тем целостной и систематичной реконструкции работы Шмитта с проблемой социального порядка, охватывающей все периоды его творчества, на сегодняшний день не существует.

Объектом настоящего исследования является теоретическое наследие немецкого ученого Карла Шмитта, рассматриваемое в контексте истории рецепции «Гоббсовой проблемы» в немецкой социологии. **Предметом исследования** выступает система воззрений Шмитта на пути учреждения, условия стабильного существования и причины возможного краха социального порядка.

⁵⁴ Примером первого случая является исследование К. Г. Мальцева и Е. А. Зайцевой (*Мальцев К. Г., Зайцева Е. А.* К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «Социального порядка» [трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта] часть 2: децизионизм К. Шмитта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. №. 4 [44]. С. 103–114). Работа отождествляет проект Шмитта с децизионизмом и отталкивается от следующей установки: «... поскольку доказательств “дистанцирования” от “установки децизионизма” Шмитта, зафиксированного в текстах, мы не знаем, то и будем придерживаться мнения о ее (установки) конститутивном значении для методологии Шмитта» (*Там же.* С. 110). Нам остается лишь предложить авторам обратить внимание на произведение Шмитта «О трех видах юридического мышления», переведенное на русский язык в 2010 году. Примером второго случая выступает работа «Тяжелая доля исключения: почему Карл Шмитт попрощался с Гоббсом» итальянских ученых М. Кроче и А. Сальваторе (*Croce M., Salvatore A.* After Exception: Carl Schmitt’s Legal Institutionalism and the Repudiation of Exceptionalism // *Ratio Juris.* 2016. Vol. 29. № 3. P. 410–426). Вторая глава диссертации содержит развернутое полемическое высказывание, касающееся работы итальянских коллег.

Целью исследования является проблемно-теоретическая систематизация взглядов Шмитта на социальный порядок и историко-социологическая реконструкция процессов их формирования, развития и переосмысления.

Задачами исследования, предопределившими структуру работы, стали:

1. Исследование генезиса «Гоббсовой проблемы» и ее рецепции в немецкой социологии. Установление связи между проблемой и дихотомией *Gemeinschaft* (общность) — *Gesellschaft* (общество).
2. Выявление основных теоретических и библиографических контекстов, которым принадлежит работа Шмитта с проблемой социального порядка.
3. Реконструкция разработанных Шмиттом формальных механизмов, делающих возможным учреждение, поддержание и позитивное преобразование социального порядка.
4. Опровержение тезиса А. Сальваторе (*A. Salvatore*) и М. Кроче (*M. Croce*) о зависимости успеха устанавливающего порядок суверенного решения от его способности влиять на «форму жизни» сообщества.
5. Системный анализ проекта политической теологии Карла Шмитта как полемического ответа на выводы социологии религии Макса Вебера.
6. Реконструкция эволюции взглядов Шмитта на угрозы единству и порядку, исходящие от «общественных величин».
7. Сравнительный анализ моделей развития общности, принадлежащих учениям Карла Шмитта и Фердинанда Тённиса.
8. Критический анализ причин, делающих проблематичным использование Шмиттом греческого различия *stasis/polemos*. Рассмотрение выявленного противоречия в качестве отражения теоретических трудностей, с которыми сталкивается шмиттовское использование концепта *общности*.
9. Исследование описанных в «Теории партизана» глобальных трансформаций, приводящих к деструкции фундаментальных оснований социального порядка.

10. Выявление связи между основными тезисами последней крупной работы Шмитта «Политическая теология II» и более ранними попытками решения проблемы социального порядка.

Методологическую основу исследования составляет методология историко-социологической реконструкции, позволяющая проследить эволюцию конкретного социологического учения посредством выявления относящихся к нему ключевых проблем, понятий и аргументов, а также переживаемых им внутренних трансформаций. Методологический аппарат историко-социологической реконструкции объединяет в себе ряд конкретных эвристических инструментов, используемых в настоящем исследовании. Критический анализ источников применяется в целях реконструкции логики рассуждения Карла Шмитта и прояснения содержания используемых им аргументов. Примером использования данного метода может служить обнаружение автором внутреннего противоречия, возникающего в связи с обращением Шмитта к платоновской дихотомии *stasis/polemos* как к проявлению различения частной и публичной вражды. Данной проблеме посвящен второй параграф третьей главы. Концептуальный анализ позволяет раскрыть содержание основных понятий, относящихся к шмиттовскому учению, исследовать образуемые ими связи, изучить возникающие механизмы соответствия. Использование этого метода может быть проиллюстрировано анализом структурной аналогии между шмиттовскими версиями понятий религиозной репрезентации и политической репрезентации, проведенным в третьем параграфе второй главы. Компаративный анализ позволяет обнаружить сходства и различия между подходом Шмитта и других авторов, а также между взглядами ученого на разных этапах собственного творчества. Примерами могут служить проведенные автором сравнения позиции Шмитта с учениями двух классиков социологии — Макса Вебера и Фердинанда Тённиса.

Теоретическую базу работы в части постановки проблемы социального порядка и анализа истории ее рецепции в немецкой социологии образуют серии

релевантных работ А. Ф. Филиппова⁵⁵ и О. В. Кильдюшова⁵⁶. Оба ученых представляют Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, на базе которого возникла полноценная научная школа, с которой связаны и другие авторы, фигурирующие в настоящей работе.

В исследовании проекта политической теологии как учения о социальном порядке автор опирается на методологические и общетеоретические замечания, ставшие результатом исследований В. Е. Кондурова⁵⁷, а также полемизирует с итальянскими учеными М. Кроче (*M. Croce*) и А. Сальваторе (*A. Salvatore*)⁵⁸. Рассмотрение политической теологии Шмитта как исследовательской программы, призванной дать ответ на социологию религии Макса Вебера, осуществляется автором с опорой на работы О. В. Кильдюшова⁵⁹.

Критический анализ текстов, принадлежащих теоретическому контексту, заданному «Понятием политического», проводится во взаимодействии с работами таких авторов как А. Ф. Филиппов, В. В. Башков, А. Е. Яркеев, А. А. Глухов, Ж.

⁵⁵ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2002. №. 1. С. 146–169; Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть вторая) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2002. №. 2. С. 97–117; Филиппов А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб., 2002. С. 386–446; Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма // Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М., 2008. С. 99–143.

⁵⁶ Кильдюшов О. В. Категориальная дихотомия *Gemeinschaft/Gesellschaft* в социологической классике: Теннис — Вебер — Фрайер — Парсонс // Вестник российского университета Дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23. №. 1. С. 9–25; Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 122–149; Кильдюшов О. В. Война и социальный порядок: *ultima ratio* или *conditio humana*? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко). С. 6–32.

⁵⁷ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод. С. 49–78; Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. 442 с.

⁵⁸ *Croce M., Salvatore A. After Exception: Carl Schmitt's Legal Institutionalism and the Repudiation of Exceptionalism*. P. 1105–1119.

⁵⁹ Кильдюшов О. В. Макс Вебер и политическая теология Фридриха Наумана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 657–669; Кильдюшов О. В. Социология религии как теория социального порядка (к выходу по-русски исследования Макса Вебера «Конфуцианство и даосизм») // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2016. Т. 83. №4. С. 188–198.

Деррида (*J. Derrida*), Дж. Агамбен (*G. Agamben*), Дж. Маккормик (*J. P. McCormick*) и др.

Изучение «Теории партизана» как одного из позднейших высказываний Шмитта, посвященных проблеме социального порядка, продолжает исследования Т. А. Дмитриева⁶⁰, Р. Гаше (*R. Gasché*)⁶¹ и М. Шульцке (*M. Schulzke*)⁶².

Теоретическую основу исследования также составили труды таких зарубежных авторов, как Э.-В. Бёкенфёрде (*E.-W. Böckenförde*), Г. Сломп (*G. Slomp*), А. Каливас (*A. Kalyvas*), Е. Кеннеди (*E. Kennedy*), Т. Кочи (*T. Kochi*), Д. Бейтс (*D. Bates*), Дж. Бендерски (*J. W. Bendersky*), Р. Меринг (*R. Mehring*), Д. Келли (*D. Kelly*), В. Раш (*W. Rasch*), Д. Вилла (*D. Villa*), М. Мардер (*M. Marder*) и др.; а также работы отечественных исследователей — А. М. Корбута, А. В. Марей, А. В. Михайловского, Б. В. Назмутдинова, М. С. Фетисова, С. И. Каспэ, М. Д. Юрловой (Марей), А. Н. Малинкина и др.

Научная новизна настоящей работы состоит в рассмотрении учения Шмитта о социальном порядке через призму категориальной дихотомии *Gemeinschaft/Gesellschaft*, представляющей собой главный продукт рецепции «Гоббсовой проблемы» в немецкой социологии. На сегодняшний день связь идейного наследия Шмитта с теоретическим контекстом, заданным понятиями *общности* и *общества*, фиксируется в научной литературе лишь в формате эпизодических комментариев. Таким образом, диссертация представляет собой первое теоретико-социологическое исследование, интерпретирующее эволюцию взглядов Шмитта как последовательность взаимосвязанных попыток обнаружить и осмыслить пути сохранения политической *общности* в условиях усиления диссоциирующих тенденций, исходящих от *общества*. Осуществленная реконструкция представляет собой теоретико-социологическую пересборку учения

⁶⁰ Дмитриев Т. А. Теория партизана вчера и сегодня // Шмитт К. Теория партизана / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М., 2007. С. 203–300.

⁶¹ Gasché R. The Partisan and the Philosopher // CR: The New Centennial Review. 2004. Vol. 4. № 3. P. 9–34.

⁶² Schulzke M. Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War // Journal of International Political Theory. 2016. Vol. 12. № 3. P. 345–364.

Шмитта, основанную на обнаружении в нем двух фундаментальных проектов, идейными центрами которых являются «Политическая теология» и «Понятие политического». Первый рассматривается в работе как область поиска *формальных* решений проблемы социального порядка, второй — как пространство исследования социальной *субстанции* политической общности. Работа вводит в исследовательский оборот релевантной теме диссертации поздний текст Шмитта «Противопоставление общности и общества как пример двухчастного различения. Размышления о структуре и судьбе таких антитез» («*Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen*»)⁶³, оставшийся вне поля зрения российских ученых до настоящего момента.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интерес Карла Шмитта к проблеме социального порядка, образующей одно из центральных тематических полей теоретической социологии, лежит в основе работы немецкого ученого на всех этапах творчества и провоцирует серию глубоких исследований, обладающих колоссальным значением для социальной науки. В поле зрения Шмитта оказываются все аспекты того, что на языке конвенциональной истории социологии принято называть «Гоббсовской проблемой», — вопросы генезиса, стабилизации, кризиса и возможного коллапса социального порядка. Мыслитель обнаруживает ранее не обсуждавшиеся стороны и перспективы проблемы, а также подключает к ее решению теоретические ресурсы юриспруденции и политической философии. Оригинальность подхода Шмитта обуславливает результативные выводы его исследований, обогащающие социологический дискурс. Все это позволяет говорить о Карле Шмитте как о крупной фигуре, работающей в теоретическом поле социологии как науки об общественной действительности.

⁶³ *Schmitt C. Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen // Estudios Juridico-Sociales. Homenaje à Profesor Luis Legaz y Lacambra. Zaragoza, 1960. S.165–176*

2. Учение Шмитта развивается в системе координат, заданной понятиями *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Шмитт стремится найти способ сохранения народа в качестве политической *общности* в условиях усиления диссоциирующих тенденций, исходящих от *общества*. Вместе с тем Шмитту не удается преодолеть парадигму *Gesellschaft*: его версия *общности* отличается неустойчивостью и возможностью полного разрыва внутренних связей, предполагает *конститутивный* характер внешней вражды, а также допускает объединение со вчерашним врагом на фоне общей угрозы. Все эти характеристики отдаляют шмиттовское понятие политической общности от классической (тённисовской) версии концепта *Gemeinschaft*, сближая его с *Gesellschaft*.
3. Проект политической теологии Карла Шмитта представляет собой полемический ответ на социологию религии Макса Вебера. В нескольких произведениях, принадлежащих политико-теологическому контексту, Шмитт пытается оспорить выводы классика социологии, согласно которым процессы рационализации и секуляризации уничтожают саму возможность социального порядка. Тезису об исчезновении метафизико-теологического измерения человеческого существования, звучащему в «главном труде Макса Вебера»⁶⁴, Шмитт противопоставляет идею становления религии техничности, означающую продолжение *борьбы духа с духом*, положительный исход которой способен обеспечить порядок надежным основанием.
4. Теоретический проект, начало которому дает «Понятие политического», напрямую связывает поддержание социального порядка с действием принципа *protego ergo oblige* — защищаю, следовательно, обязываю.

⁶⁴ Речь о работе «Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира» (*Вебер М.* Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб., 2017. С. 399–445.), высокий статус которой отмечен одним из наиболее авторитетных вебероведов Ф. Тенбруком (см. *Тенбрук Ф.* Главный труд Макса Вебера / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 76–121).

«Теория партизана», продолжающая наиболее известное произведение Шмитта в жанре промежуточного замечания, фиксирует потерю государством монополии на политическое. Расширение масштабов агрессии, исходящей от иррегулярных революционных формирований, ставит под вопрос дальнейшее существование «замиранных» пространств, в границах которых порядок поддерживается в соответствии с формулой *protego ergo oblige*.

5. Развитие учения Карла Шмитта содержит несколько ключевых линий рассуждения, реализующих различные, но дополняющие друг друга подходы к «Гоббсовской проблеме». Одна из них связана с формальной стороной социального порядка, другая — с его человеческой субстанцией. Каждый следующий этап творчества Шмитта продолжает следовать этим исследовательским стратегиям, но характеризуется все большим пессимизмом. «Политическая теология II» — последнее крупное сочинение Шмитта и апогей указанной тенденции. В этом произведении Шмитт фиксирует окончательную победу общества над государством, которой не смогли помешать его собственные интеллектуальные проекты. Бесконечная погоня за новым, в которую вовлекается современный человек, *беспорядочно* агрессивна. Данный тезис дополняет выводы других текстов позднего Шмитта, в которых агрессивность рассматривается в качестве антитезы и главной угрозы порядку. Подобные условия уничтожают саму возможность существования стабильных социально-политических структур. Так, последнее высказывание Шмитта указывает на усиление его пессимизма относительно перспектив решения проблемы социального порядка.

Все вынесенные на защиту положения соответствуют п. 4 паспорта научной специальности 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»: история зарубежной социологической мысли, включая западноевропейские, американские, восточные социологические школы.

Теоретическая и практическая значимость результатов работы.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она представляет собой первую целостную реконструкцию воззрений Шмитта на проблему социального порядка, охватывающую все периоды его творчества. В работе осуществляется оригинальная пересборка учения Шмитта, основанная на прочерчивании двух пересекающихся смысловых линий, ключевыми точками которых являются «Политическая теология» и «Понятие политического». Рассмотрение творческого наследия Шмитта через призму категориальной дихотомии *Gemeinschaft/Gesellschaft* позволяет определить место и роль Карла Шмитта в немецкой социологической традиции.

Работа Шмитта с проблемой социального порядка — яркая страница в истории поиска социологического ответа на «Гоббсов вопрос». Актуализация результатов исследований Шмитта способна расширить дискуссию, ведущуюся вокруг проблемы социального порядка в современной теоретической социологии. Само словосочетание «Гоббсова проблема», синонимичное термину «проблема социального порядка», является продуктом социологической мысли XX века, будучи введенным в научный оборот основоположником структурного функционализма Толкоттом Парсонсом. Американский социолог реконструирует не только вопрос, лежащий в основании «Левиафана», но и данный Гоббсом ответ⁶⁵. Согласно Парсонсу, в учении Гоббса «порядок конституируется на основе свободной реализации частных устремлений», что говорит о сконструированной в «Левиафане» модели как о сугубо утилитаристской системе, «в которой отсутствуют обязательные нормы и все акторы преследуют собственные цели, рационально выбирая наиболее эффективные средства их достижения»⁶⁶. Вынося за скобки вопрос о точности предложенной Парсонсом реконструкции, отметим, что американский социолог находит Гоббсово решение проблематичным и

⁶⁵ Parsons T. The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. New York, 1968 [1937]. P. 89–95.

⁶⁶ Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 133.

предлагает собственную альтернативу. Ответ самого Парсонса на вопрос о том, как возможен социальный порядок, состоит в том, что «упорядоченная социальная жизнь становится возможной <...> благодаря постулированию признаваемого всеми ценностного порядка»⁶⁷. Позиция Парсонса, указывающая на конституирующий потенциал ценностей, может быть противопоставлена подходу позднего Шмитта, согласно которому противоречия между ценностными системами способны дать начало войне против всех (апогею и квинтэссенции *беспорядка*), по сравнению с которой Гоббсова *bellum omnium contra omnes* покажется детской игрой⁶⁸.

Результаты работы Парсонса с проблемой социального порядка становятся предметом рефлексии другого великого социолога второй половины XX века — Никласа Лумана, теоретическое наследие которого широко обсуждается в современной науке. Немецкий ученый выделяет два способа постановки Гоббсовой проблемы — традиционный и альтернативный. Первый фокусируется на девиантном поведении индивида и подталкивает к поиску средств, пресекающих связанную с ним общественную опасность. Несмотря на существенные различия между предложенными решениями, Луман связывает с ним как Гоббса, так и Парсонса. Второй подход представлен самим Луманом. Разработанная им альтернатива отталкивается от сомнения «в том, что принципиальная проблема конституирования социального порядка заключается в устранении того, что ему угрожает, или тех, кто не способен к нему адаптироваться»⁶⁹. Луман фокусируется на более фундаментальном вопросе об условиях возможности порядка и выстраивает свой ответ вокруг механизма двойной контингенции⁷⁰. На первый взгляд, это решение прокладывает совсем иной вектор по отношению к Шмитту,

⁶⁷ Там же. С. 136.

⁶⁸ Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. Berlin, 2011. S. 39.

⁶⁹ Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 137.

⁷⁰ «Социальный порядок образуется тогда, когда кто-то задает время, запускает действие, делает предложение или самопрезентацию и тем самым ставит других перед необходимостью реагировать» (Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М., 2007. С. 332). Подробнее о двойной контингенции см. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. С. 23–27.

чья работа с проблемой порядка тяготеет к первому контексту. В действительности все обстоит совсем иначе — учение Лумана не просто открыто сближению с теоретическим наследием Шмитта, но и обнаруживает его предметное влияние. Присущий теории систем Лумана онтологический плюрализм восходит к идее множественности областей человеческого существования, озвученной Шмиттом в «Понятии политического»⁷¹. Тезис «Гоббса XX века», согласно которому каждая из сфер (этика, эстетика, экономика и т. д.) имеет в своем основании бинарную оппозицию (добро — зло, прекрасное — безобразное, выгода — убыток и т. д.), образует фундамент важнейшего положения теории систем Лумана, согласно которому каждая из общественных систем (политическая, экономическая и т. д.) кодирует действительность исходя из собственного базового различия⁷². Вместе с тем ученые отмечают и существенные различия между подходами Шмитта и Лумана, в том числе — тот факт, что в первом случае *политическое* (как область различения коллективного друга и врага) мыслится как способное возникнуть на любой почве, а во втором — рассматривается как самостоятельная и замкнутая общественная система⁷³. Результаты настоящей работы могут быть использованы в исследованиях, целью которых является уточнение сходств и различий, возникающих между учениями Шмитта и Лумана⁷⁴.

Основным положением фундаментального произведения Шмитта «Учение о конституции» является формула политического единства, представляющая собой

⁷¹ Филиппов А. Ф. Политологические взгляды Карла Шмитта и их влияние на современную политическую науку // Философские основания теории международных отношений. Вып. 1: Сб. обзоров / под ред. В. И. Шамшурина. М., 1987. С. 67.

⁷² Головин Н. А. Социология Н. Лумана — этап развития общей теории социальных систем // Социологические исследования. 2014. №. 2. С. 90.

⁷³ Rasch W. Locating the political: Schmitt, Mouffe, Luhmann, and the Possibility of Pluralism // International Review of Sociology. 1997. Vol. 7. №. 1. P. 110–111.

⁷⁴ Данная дискуссия развивается в следующих работах: Thornhill C. Niklas Luhmann, Carl Schmitt and the Modern Form of the Political // European Journal of Social Theory. 2007. Vol. 10. №. 4. P. 499–522; Wirtz T. Entscheidung. Niklas Luhmann und Carl Schmitt // Widerstände der Systemtheorie: kulturtheoretische Analysen zum Werk von Niklas Luhmann / hrsg. von A. Koschorke und C. Vismann. Berlin, 1999. S. 175–197; Hirsch M. Täuschung und Enttäuschung. Staat und Politik bei Niklas Luhmann und Carl Schmitt // Die Staaten der Weltgesellschaft. Niklas Luhmanns Staatsverständnis / Hrsg. von Neves M., Voigt R. Baden-Baden, 2007. S. 19–45; Scholz L. Begegnungen im Vorraum der Macht. Carl Schmitt und Niklas Luhmann // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 2011. Vol. 59. №. 3. S. 359–368.

сумму принципов политической репрезентации и самоидентичности народа, основанной на его социальной гомогенности⁷⁵. Печально известные факты биографии Шмитта могут подтолкнуть к тому, чтобы увидеть во втором слагаемом установку на расовую чистоту. Вместе с тем шмиттовская гомогенность представляет собой *переменную*, способную быть наполненной *любым* конкретным содержанием⁷⁶. Отсутствие предзаданных условий означает то, что, если гомогенность не дана, «она может быть создана, произведена, как бы ни трактовался этот процесс: как подтверждение, восстановление или первоначальное производство народа из разрозненных индивидов»⁷⁷. Шмитт не дает конкретных инструкций, следование которым могло бы произвести на свет искомую гомогенность, что подталкивает к вопросу о том, насколько востребованными в заданном контексте могут оказаться интеллектуальные ресурсы, производимые традицией *социального конструктивизма*. Стоящие у ее истоков социологи Питер Л. Бергер и Томас Лукман полагают, что социальная реальность творится и легитимируется при помощи символических процессов, общая механика которых имеет форму *сигнификации* или обозначения. Сигнификация представляет собой процедуру придания значения объектам, действиям, событиям и понятиям через использование языка и конкретных символов. Наиболее масштабным продуктом подобных процессов является возникновение символического универсума — «матрицы всех социально объективированных и субъективно реальных значений»⁷⁸. Может ли искомая Шмиттом гомогенность создаваться в лоне этой парадигмы и эффективно ею поддерживаться — интригующий вопрос, возникающий на перекрестке двух традиций.

⁷⁵ Шмитт К. Учение о конституции / пер с нем. О. В. Кильдюшова. М., 2010. С. 40–42.

⁷⁶ В частности, Шмитт всерьез рассматривает попытку создания *классовой* гомогенности в рамках советского эксперимента: «Большевистская политика советской республики попыталась заменить национальную гомогенность на гомогенность одного класса — пролетариата» (*Там же*. С. 82).

⁷⁷ Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе // Шмитт К. Легальность и легитимность / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. П. Шурбелева, А. Ф. Филиппова под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2024. С. 287.

⁷⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995. С. 158.

Современная теоретическая социология включает в себя еще один масштабный проект, в основании которого лежит проблема социального порядка. Речь идет об этнометодологии — актуальной исследовательской парадигме, разработанной учеником Толкотта Парсонса — Гарольдом Гарфинкелем⁷⁹. Особенностью подхода Гарфинкеля является представление о том, что социальный порядок обладает *ситуативным* характером и всякий раз производится *действиями* участников социальной ситуации. Нормы, часто рассматриваемые учеными в качестве основных структурных элементов социального порядка, с точки зрения Гарфинкеля, обладают ограниченным потенциалом. Пользуясь ими как *инструкциями*, участники ситуации «вынуждены добавлять к своим описаниям и действиям “и так далее”, поскольку ни одно описание и ни одно действие не может находиться в отношении полного соответствия с той обстановкой, которая является предметом описания или действия»⁸⁰. Если у Шмитта как автора «Политической теологии» «под общее правило» нельзя подвести исключительный случай, становящийся предметом решения о чрезвычайном положении⁸¹, то в этнометодологическом контексте *всякий* случай мыслится как в той или иной степени исключительный. В отличие от своего учителя Парсонса, различающего нормативный и фактический порядок, «Гарфинкель исходит из того, что повседневные действия упорядочены, однако порядок находится не *за* действиями, а *в* них»⁸². Интересно, что Шмитт 1930-х гг. противопоставляет *мышление о конкретных порядках*, на позиции которого он становится в этот период, юридическому нормативизму, отождествляющему порядок с бесперебойным соблюдением «заранее определенных <...> всеобщих правил»⁸³. Нормативистская модель, напоминающая систему движения поездов в соответствии с

⁷⁹ См. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. З. Замчук и др. СПб., 2007. 334 с.

⁸⁰ Корбут А. М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие. С. 22.

⁸¹ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 9–10.

⁸² Корбут А. М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие. С. 22.

⁸³ Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М., 2013. С. 318.

предварительно заданным расписанием, не соответствует областям социальной жизни, принимающим институциональную форму. В семьях, сословиях, гильдиях, церквях и армиях (список может быть продолжен) «понятия того, что является нормальным, нормальным типом и нормальной ситуацией *заклучены в них самих* (курсив мой — В. Б.), и их понятие нормальности не исчерпывается — как в технизированном обществе транспортных сообщений — выполнением предсказуемой функции регулирования, устанавливающего нормы»⁸⁴. Безусловно, предложенное Шмиттом противопоставление разводит по разные стороны баррикад два *юридических* подхода, а описываемое им мышление о конкретных *порядках* обнаруживает их в институтах, а не на «микроуровне» конкретных социальных ситуаций. Тем не менее общий для Гарфинкеля и Шмитта (прежде всего, как автора работы «О трех видах юридического мышления») отказ мыслить порядок в качестве системы готовых инструкций, заслуживает внимания социальных ученых.

Таким образом, материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке научных работ, посвященных проблематике социального порядка и учению Карла Шмитта, а также учебно-методических пособий и курсов лекций по истории социологии, политической социологии и социальной философии.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования основных выводов и содержания работы для анализа современной социально-политической ситуации как в России, так и в мире.

Апробация научных результатов осуществлялась посредством:

1) докладов, выступлений и обсуждений основных положений работы на научных конференциях, в частности:

– Международная конференция «III Соловьевские историко-философские чтения “Культура – национальное достояние народа: в рамках Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России”» (Москва, ФУ

⁸⁴ Там же. С. 319.

при Правительстве РФ, 1–2 декабря 2022 г.); тема доклада: «Поворот к историческому в позднем творчестве Карла Шмитта»;

– Международная конференция «Векторы 2024» (Москва, МВШСЭН, 18 – 20 апреля 2024 г.); приветственное слово организатора секции «Политическая теология: теории и практики чрезвычайного»;

– Международная конференция «Политический язык и языки политических теорий» (Москва, НИУ ВШЭ, 22–26 апреля 2024 г.); тема доклада: «Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете “Теории партизана” Карла Шмитта: новые перспективы»;

– Международная конференция «Политическая теология III: время, оставшееся до нового начала» (Москва, НИУ ВШЭ, 24–25 мая 2024 г.); тема доклада: «Политическая теология как призвание и профессия: Макс Вебер и Карл Шмитт у порога конца времен»;

– Всероссийская конференция «Политическая наука в эпоху глобальных перемен: теория и практика» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 23 ноября 2024 г.); тема доклада: «Общность и общество в учении Карла Шмитта»;

– Международная конференция «Политическая теология IV: Теология без спасения: истоки, ресурсы, перспективы» (Москва, НИУ ВШЭ, 23–24 мая 2025 г.); тема доклада: «Не спасется никто: политическая теология К. Шмитта после Веймара»;

2) публикации трех статей в периодических изданиях, рекомендованных ученым советом РАНХиГС при Президенте РФ для публикации статей по социологическим наукам:

– Бродский В. И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. 2022. Т. 34. №. 3–4. С. 72–101 (категория К1 Перечня ВАК);

– Бродский В. И. Война во время любви: размышление над статьей С. И. Каспэ в свете различения частной и публичной вражды в учении Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. №. 3. С. 147–171 (категория К1 Перечня ВАК, Q1 Scopus);

– Бродский В. И. Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. №. 2. С. 308–334 (категория К1 Перечня ВАК, Q3 Scopus).

3) публикации одной статьи в периодическом издании категории К2 Перечня ВАК:

– Бродский В. И. Политическая теология как призвание и профессия: Макс Вебер и Карл Шмитт // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9. № 1. С. 13–47 (Q1 Scopus);

4) публикации одной статьи, в периодическом издании не входящем в Перечень ВАК, но индексируемом в Scopus:

– Бродский В. И. Политическая онтология Карла Шмитта: тождество и репрезентация как способы самоутверждения политической экзистенции // Stasis. 2023. Т. 11. №. 1–2. С. 174–216 (Q3 Scopus).

5) использования материалов диссертационного исследования в рамках учебных дисциплин:

– «Академическое чтение» для студентов 2 курса бакалавриата направления «Современная социальная теория» в МВШСЭН;

– «Системы государственных управлений в политических и социологических теориях» для студентов 1 курса магистратуры направления «Стратегический менеджмент и публичная политика» в РАНХиГС при Президенте РФ;

– «История политической мысли» для студентов 1 курса магистратуры направления «Стратегический менеджмент и публичная политика» в РАНХиГС при Президенте РФ.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА I. КАРЛ ШМИТТ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА: ИСТОКИ, ИНТЕНЦИИ, РЕШЕНИЯ

§ 1. Генезис: «Гоббсова проблема» — гоббсово решение.

«Более того, есть все основания считать, что ключевые понятия современности являются понятиями порядка...»⁸⁵

О. В. Кильдюшов.

Проблема социального порядка образует наиболее фундаментальное основание социологии. В современном научном дискурсе она известна как «Гоббсова проблема», поскольку именно в учении английского мыслителя социальный порядок впервые рассматривается не как априорная данность, а как *результат* решения задачи, содержащей проблематичные вводные данные. Вместе с тем своей формулировкой проблема обязана американскому социологу Толкотту Парсонсу⁸⁶. В работе «Структура социального действия» Парсонс реконструирует рассуждения Гоббса⁸⁷, отправная точка которых может быть передана следующим образом: «Как возможен социальный порядок» (если дано множество своекорыстных изолированных индивидов)?⁸⁸ Это вопрошание отсылает к описанному Гоббсом естественному (догосударственному или *дообщественному*) состоянию, характеризующемуся перманентной войной, ведущейся между

⁸⁵ *Кильдюшов О. В.* Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории. С. 126.

⁸⁶ «Таким образом, строго говоря, “Гоббсова проблема” была сформулирована вовсе не английским политэмигрантом в Париже в 1651 году, а американским теоретиком структурного функционализма в Гарварде в 1937, тем не менее она заслуженно носит имя Гоббса, поскольку именно он, исходя из своего реалистического (“пессимистического”) взгляда на человеческую природу (“негативной антропологии”) впервые в столь артикулированной форме поставил вопрос об условиях возможности социальной жизни по ту сторону всякого нормативизма, характерного для предшествующих модусов описания человеческих обществ» (*Там же*. С. 124.).

⁸⁷ *Parsons T.* The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. P. 89–95.

⁸⁸ *Филиппов А. Ф.* Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая). С. 156. Впоследствии, обращаясь к проблеме социального порядка, автор будет использовать (или подразумевать) «расшифровку», предложенную А. Ф. Филипповым.

преследующими собственные цели индивидами — *войной всех против всех*⁸⁹. Данная модель не претендует на историческую достоверность (Гоббс почти не обращается к реальным историческим событиям) и представляет собой продукт *идеализации действительности*⁹⁰, использующийся в составе аргумента в пользу легитимности государственной власти и в качестве образа, сосредотачивающего в себе все угрозы, которые несет в себе распад политического порядка.

Удивительно, но генезис идущей в естественном состоянии войны всех против всех связан с обязанностью человека *всегда искать мира*, предписанной ему первым естественным законом⁹¹. Второй частью этого закона является право защищать себя всеми возможными средствами. Именно оно — корень права всех на все, проистекающего из того, что в естественном состоянии «нет ничего, чего он (человек — В.Б.) не мог бы использовать в качестве средства для спасения от врагов»⁹². Право на все распространяется и на жизнь другого человека, которую в естественном состоянии можно отнять, не совершая несправедливости⁹³. На этом фоне возникает тотальное взаимное *недоверие*: всякий видит в любом другом потенциальную угрозу собственной жизни и здоровью. Нападение первым в этих условиях — рациональная стратегия выживания.

Право всех на все делает возможной ситуацию, при которой один и тот же ресурс может стать предметом одновременных претензий со стороны двух или более людей (каждый из которых в этот момент *по праву* считает его *своим*). Все участники эпизода действует *своекорыстно*, будучи движимыми *собственными*

⁸⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. и лат. Н. Федорова, А. Гутермана под ред. А. В. Соколова. М., 1991. С. 95.

⁹⁰ Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 111.

⁹¹ Там же. С. 99.

⁹² Там же.

⁹³ В естественном состоянии вообще нет и не может быть ничего, что могло бы быть признано несправедливым: «Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями» (Там же. С. 97).

целями, состоящими «главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении»⁹⁴. Столкновение интересов превращает людей во *врагов*, стремящихся «погубить или покорить друг друга»⁹⁵. Так проявляют себя две из трех вынесенных Гоббсом причин войны — соперничество и недоверие (третья в списке — жажда славы)⁹⁶.

В естественном состоянии никто не *исключен* из пользования ресурсами, которые некто считает своими. Даже тело человека нельзя назвать в полной мере *собственным*, поскольку любой другой *вправе* воспользоваться им по своему усмотрению. Единственный фактор, позволяющий осуществить исключение — собственная физическая сила — не дает носителю никаких *гарантий*. На этом фоне Гоббс делает справедливый вывод о том, что в естественном состоянии «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»⁹⁷.

Гоббсово *state of nature* — ситуация *перманентной экзистенциальной опасности*, отражающаяся в человеческом сознании вечным страхом насильственной смерти. Очевидная необходимость ее преодоления ставит предельно простой вопрос — *каким образом?* Как возможно относительно безопасное, мирное *сосуществование* «людей Гоббса»⁹⁸ — носителей природы, характеризующейся подталкивающим к «антропологическому пессимизму» гипертрофированным своекорыстием, совершенно не располагающим к естественному возникновению социального отношения как такового?⁹⁹ Именно здесь берет начало история проблемы социального порядка, и вместе с ней — история современной социологической науки.

⁹⁴ Там же. С. 94.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 95.

⁹⁷ Там же. С. 96.

⁹⁸ Подробнее о концепте «людей Гоббса» см. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 113–122.

⁹⁹ Именно поэтому «Гоббсова проблема в социологии — это не просто проблема возможности социального порядка. Это еще проблема неестественности социального» (Филиппов А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 430.).

Решение самого английского мыслителя хорошо известно: «социальный порядок есть там, где есть государство, основанное на соглашении большинства граждан, во главе с избранным представителем или собранием»¹⁰⁰. Люди Гоббса эгоистичны, но рациональны и договороспособны. Разум подсказывает им, что причина *экзистенциальной опасности*, в которой они себя обнаруживают, состоит в *праве всех на все*. Следующим шагом становится договора каждого с каждым¹⁰¹, в результате которого это право отчуждается ими в пользу *суверена*: «Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой»¹⁰². Главным инструментом установления и поддержания порядка в руках суверена становится гражданский закон¹⁰³ — именно благодаря нему человек, ставший *подданным*, наконец получает свое тело (а также материальные ресурсы) в полноценную *собственность*, поскольку из пользования им *гарантированно* исключаются остальные. Источник гарантий — государство, «соединяющее в себе Бога, человека, зверя и машину»¹⁰⁴ — одновременно вселяет уверенность и *страх*. Осознание того, что своекорыстному, но рациональному «человеку Гоббса» из числа недоброжелателей также ведомо это чувство, позволяет подданному перестать ожидать нападения из-за каждого угла. *Всеобщий* характер страха наказания за нарушение изданных сувереном законов дает подданному

¹⁰⁰ Корбут А. М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие. С. 24.

¹⁰¹ Идею *отчуждения* права подсказывает второй естественный закон: «... в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе» (Гоббс Т. Левиафан. С. 99.). При этом от права можно не просто отказываться, а переносить: Перенесение имеется в том случае, когда отказывающийся желает, чтобы благо этого права досталось определенному лицу или лицам». Именно эта процедура реализуется при заключении общественного договора (Там же. С. 100).

¹⁰² Гоббс Т. Левиафан. С. 133.

¹⁰³ При этом Гоббс настойчиво подчеркивает, что сам суверен не подчинен гражданским законам. Один из его аргументов состоит в том, что в противном случае над сувереном появляется новый суверен в лице судьи, другой — в том, что так суверен оказывается подчиненным самому себе, а подобное подчинение, в сущности, представляет собой полную свободу (Гоббс Т. Левиафан. С. 253.). Суверен — *источник и гарант порядка*, а не подчиненный ему объект.

¹⁰⁴ Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб., 2006. С. 148.

возможность рассчитывать на безопасное взаимодействие с окружающими и *планировать* как минимум ближайшее будущее. Гарантируемые сувереном права собственности позволяют заключать контракты, ожидая справедливого *выполнения обещания* другой стороной. Так человеческие действия становятся согласованными и относительно предсказуемыми, приобретая характерную *регулярность*. В современной социологии социальная регулярность признана одной из важнейших характеристик социального порядка. Однако следует подчеркнуть, что два феномена (регулярность и порядок) не отождествляются — первый рассматривается как элемент, входящий в структуру последнего: «*Социальный порядок не тождествен ни простой регулярности действий, ни даже простой согласованности поведения множества людей. В подлинном смысле слова о нем (как бы он ни назывался: “обществом”, “сообществом”, “государством”, “социальной системой” или просто совокупностью упорядоченных действий и т. п.) можно говорить лишь тогда, когда имеет место непростая, неочевидная связь смыслополагания и внешнего принуждения*»¹⁰⁵. Отмеченная в процитированном фрагменте важная сторона проблемы социального порядка также берет начало в учении Томаса Гоббса. Отталкиваясь от тезисов английского мыслителя, нельзя не сделать вывод о том, что социальная регулярность невозможна вне системы государственного принуждения. Несколько упрощая, можно резюмировать, что государство *силой* подавляет своекорыстие подданных, испытывающих соблазн нарушить закон, — *силой*, гарантированно превосходящей силу любого потенциального нарушителя порядка¹⁰⁶. Однако, как справедливо отмечает А. Ф. Филиппов, Гоббсу «мало сказать: суверен всех сильнее»¹⁰⁷. Ему необходимо, чтобы

¹⁰⁵ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая). С. 162–163.

¹⁰⁶ «Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов» (Гоббс Т. Левиафан. С. 133.).

¹⁰⁷ Филиппов А. Ф. Критика Левиафана. С. 68.

подданные признали, что суверен использует эту силу *по праву*; распознали *смысл* собственного повиновения, состоящий в том, что «общее решение повиноваться суверену, принятое когда-то давно, имеет актуальное значение здесь и сейчас, потому что в лице суверена репрезентировано это общее решение»¹⁰⁸. Таким образом в проблематику социального порядка тесно вплетается тема *политической репрезентации*: в предложенной Гоббсом конструкции поданный рассматривает государственное принуждение не как чуждую, *внешнюю*, произвольную силу, а как «единую волю составленного из множества сограждан государства»¹⁰⁹ — *волю всех (включая его собственную)*, репрезентируемую сувереном. Только в этих условиях использование силы характеризует *порядок*, а не его *отсутствие*. Альтернативой может служить гипотетическая ситуация, в рамках которой в естественном состоянии некое лицо за счет колоссального преимущества в физической силе эффективно принуждает группу людей следовать установленным им предписаниям. В этих условиях принуждение остается частью войны всех против всех — примером успешного пользования телами других, проистекающего из права на все.

Произвольное принуждение характеризует естественное, *дообщественное* состояние. В условиях порядка принуждение приобретает централизованную и *санкционированную* форму, *принимается* людьми как продукт их общей воли. Учитывая то, что характер принуждения образует водораздел между порядком и его отсутствием, одним из аспектов «Гоббсовой проблемы» становится вопрос о *легитимности*. «Философ из Малмсбери» еще не говорит на этом языке, но его интеллектуальные решения — один из источников формирования концепта и связанного с ним направления социологической мысли. Современная социология соглашается с тем, что «легитимность должна рассматриваться как особая характеристика приверженности действующих к социальному порядку»,

¹⁰⁸ Там же. С. 69.

¹⁰⁹ Там же.

относящаяся к «принципам и способам его самообоснования»¹¹⁰. Данная установка принимается автором диссертационного исследования. Проблема социального порядка рассматривается в работе в тесной связи с теоретическим контекстом, заданным понятием *легитимности* и его спутником — концептом *легальности*.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что основным мотивом создания социального порядка в учении Гоббса является страх насильственной смерти, возникающий на фоне *враждебности*, характеризующей взаимоотношения своекорыстных индивидов в условиях естественного состояния. В отсутствии порядка индивид пребывает в ситуации перманентной экзистенциальной угрозы. Общее нежелание «бедной, беспросветной, тупой и кратковременной»¹¹¹ жизни мотивирует людей заключить договор об отчуждении права на все в пользу суверена. Социальный порядок возникает вместе с государством и уничтожается в случае его распада. Политическая власть поддерживает социальный порядок силовыми средствами. Враждебность не исчезает из человеческого существования, но перестает быть его *тканью*¹¹². Антропология гражданского состояния сохраняет «негативный» характер: своекорыстие остается важнейшей стороной человеческой природы, однако ее носители обретают возможность безопасного сосуществования друг с другом. Страх наказания мотивирует подданных следовать установленным сувереном нормам, система которых образует основание социальной регулярности.

История «Гоббсовой проблемы» берет начало в «Левиафане», но не заканчивается на великом произведении «философа из Малсбери». Абсолютно справедливым является указание российского исследователя О. В. Кильдюшова на

¹¹⁰ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть вторая). С. 103.

¹¹¹ Гоббс Т. Левиафан. С. 96.

¹¹² Гоббс обращает внимание на то, что даже в гражданском состоянии человек склонен предпринимать меры предосторожности, опасаясь злонамеренных действий со стороны окружающих: «Да и внутри самих государств, где существуют законы и злодеев ожидает кара, мы видим, что каждый гражданин никогда не отправляется в путь, не взяв с собой оружия для самозащиты, и не отправляется спать, не заперев не только двери от своих сограждан, но и сундуки и шкапулки от своих домашних» (Гоббс Т. Левиафан. С. 278.)

то, что «вся следующая за “Левиафаном” интеллектуальная традиция может быть понята как попытка решения ключевой для индивидуализирующего Модерна проблемы стабильности общественного порядка»¹¹³. В числе философов-классиков, предлагавших свои решения проблемы, присутствуют такие мыслители как Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Дэвид Юм, Иммануил Кант¹¹⁴. Вопрос порядка становится важнейшим вызовом, поиск ответа на который способствует развитию социологической науки: «проблемы переходят из политической философии Гоббса в собственно социологию»¹¹⁵, усложняясь и обогащаясь в новом контексте. Особенно яркая и продуктивная рецепция «Гоббсова вопроса» отличает классическую немецкую социологию. В частности, характерное для «Гоббсовой проблемы» теоретическое напряжение обнаруживается в политической социологии Макса Вебера¹¹⁶. Напрямую работает с теоретическим наследием Гоббса его большой знаток Фридрих Тённис, которого по праву называют «переоткрывателем» проблемы в классической социологии¹¹⁷. В работе «Общность и общество»¹¹⁸ берет начало целая традиция рецепции «Гоббсовой проблемы» в немецкой социологии. Ей принадлежит учение еще одного знакового немецкого автора — Ханса Фрайера,

¹¹³ Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 126.

¹¹⁴ Там же. С. 124.

¹¹⁵ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая). С. 159. Список великих социологов, задавшихся вопросом «Как возможен социальный порядок?», огромен. Помимо тех авторов, что будут предметно обсуждаться в настоящей работе, в него входят Конт, Парсонс, Люббе, Луман, Хабермас (Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка [Гоббсова проблема]: к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 127), Гарфинкель (Корбут А. М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие. С. 18–24) и многие другие ученые.

¹¹⁶ Филиппов А. Ф. Политическая социология Макса Вебера // Социология права в Германии: Сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2008. С. 17.

¹¹⁷ Филиппов А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 417.

¹¹⁸ Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2002. 450, [1] с. Отечественный исследователь О. В. Кильдюшов совершенно справедливо указывает на то, что данная работа «представляет особый интерес для реконструкции истории проблемы порядка, поскольку “Общность и общество” является не только результатом интенсивного изучения Тённисом сочинений Гоббса, но и своеобразным ответом на его проблематику» (Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 139).

речь о котором пойдет в следующем разделе. Тесная связь с теоретическим контекстом, берущим начало в «Общности и обществе» Тённиса характеризует социально-политическую мысль «Гоббса XX века» — немецкого философа и социолога Карла Шмитта. Обратимся к истокам этой традиции.

§ 2. Развитие: проблема социального порядка в классической немецкой социологии

Классическая немецкая социология сохраняет связь с гоббсовыми корнями вопроса о порядке, но переносит центр тяжести проблемы из *дообщественной* плоскости в *общественную*. Современная социальная наука наследует этот подход: «“Гоббсова проблема” теперь — это не появление общества из множества враждебных своекорыстных индивидов, но враждебность, своекорыстие, относительная непредсказуемость как характеристика поведения внутри отношения»¹¹⁹. Одним из первых авторов, предложивших подобную постановку проблемы, является классик немецкой социологии Фердинанд Тённис. Немецкий учёный не повторяет Гоббсов вопрос о *происхождении* социального из войны всех против всех — проблема переносится им вглубь *социального отношения* и ставится в связи с возникающей на этом фоне хрупкостью и неустойчивостью порядка. Тённис соглашается с антропологическим пессимизмом «философа из Малсбери»: «... гоббсовы люди и ведущие от них свое происхождение индивидуумы моего “общества” — по природе враждебны друг другу, исключают и отрицают друг друга»¹²⁰. Однако процитированный фрагмент указывает и на важнейшее отличие — враждебность и даже *взаимное отрицание* индивидов не остаются в *преодоленном* естественном состоянии, а образуют темную сторону

¹¹⁹ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2002. №. 1. С. 162.

¹²⁰ Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 188.

общественного. Проблема социального порядка трансформируется в *перманентный вызов*, сопровождающий общественную жизнь как таковую.

Общество (Gesellschaft), перед которым ежедневно стоит «Гоббсова проблема» — одна из двух описываемых Тённисом форм человеческого сосуществования. В учении классика социологии она противопоставлена стабильной и внутренне гармоничной *общности (Gemeinschaft)*. Обсуждаемая концептуальная оппозиция образует теоретическую систему координат, в парадигме которой мыслит не одно поколение немецких социальных учёных.

Природа двух понятий амбивалентна: «с одной стороны, это исторически нагруженные термины, описывающие определенные стадии культурного развития и отражающие переход от патриархально-сословных к модерно-капиталистическим социальным формам...»¹²¹. В исторической перспективе дихотомия отражает процесс вытеснения общинных форм человеческого сосуществования атомизированным, внутренне проблематичным *обществом*, оставляющим все меньше пространства для крепких социальных связей, основанных на единодушии и взаимном доверии¹²². С другой стороны, обсуждаемые концепты соответствуют идеальным социальным типам, которые могут быть использованы в целях описания и осмысления любых эмпирически существующих (или существовавших) контекстов вне зависимости от их положения на исторической шкале¹²³.

Российский социолог А. Ф. Филиппов связывает дихотомию *Gemeinschaft/Gesellschaft* с двумя ключевыми фигурами интеллектуальной

¹²¹ Кильдюшов О. В. Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс. С. 13

¹²² Эта историческая тенденция наиболее явно предстает в следующем положении «Общности и общества»: «Если мы в качестве начального пункта истории примем такое социальное состояние, где все личностные связи объединены во внутрисемейных (служащих наиболее концентрированным выражением *Gemeinschaft* — В. Б.), то мы, по-видимому, всегда будем двигаться в направлении к той фазе социального порядка, где все эти связи возникают из свободного соглашения индивидуумов (то есть контрактного, характерного для *Gesellschaft* — В. Б.)» (Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 280).

¹²³ Там же; Inglis D. Cosmopolitan Sociology and the Classical Canon: Ferdinand Tönnies and the Emergence of Global *Gesellschaft* // The British Journal of Sociology. 2009. Vol. 60. №. 4. P. 817.

истории, каждая из которых персонифицирует одну из сторон оппозиции: «Аристотель и Гоббс — это два противоположных воззрения на социальность, не просто отстоящие друг от друга на две тысячи лет в европейской истории, но именно принципиально различные конструкции...»¹²⁴. Аристотель олицетворяет подход, в рамках которого сообщество мыслится как общность (*Gemeinschaft*), существующая *по природе* подобно живому организму и не нуждающаяся в искусственных средствах обеспечения *единства*. *Целое* в случае общности естественно и первично по отношению к индивиду. Общность характеризуют «эмоциональные связи, почти инстинктивная любовь к родным, привязанность к местам»¹²⁵. Вслед за Шопенгауэром Тённис придает большое значение *симпатии*, видя в ней продуктивную ассоциирующую силу¹²⁶. Базовыми формами общности как органического единства являются родство, соседство и дружба. В каждом из них наблюдается *естественное взаимопонимание* членов сообщества, служащее источником единой, солидарной воли (единодушия)¹²⁷. Общность предполагает наличие как правил поведения, так и специфической иерархии статусов, однако и то, и другое воспринимается всеми причастными в качестве *естественного порядка вещей*. Именно поэтому для нее не актуальна тённисовская версия проблемы социального порядка: характерная для *Gesellschaft* внутренняя проблематичность, требующая привлечения искусственных средств обеспечения единства и порядка, в этом контексте отсутствует. Поскольку общность не сталкивается с «Гоббсовой проблемой», она не испытывает потребность в «Гоббсовом решении»: «Если люди в общности так или иначе едины, государство в этом смысле им ни к чему»¹²⁸.

¹²⁴ Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 420.

¹²⁵ Филиппов А. Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №. 1. С. 55.

¹²⁶ Малинкин А. Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса // Социологический журнал. 1998. №. 3–4. С. 222.

¹²⁷ Тённис Ф. Общность и общество. С. 33–36.

¹²⁸ Филиппов А. Ф. Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения // Сад ученых наслаждений: сборник трудов ИГИТИ к юбилею

Тённис подчеркивает, что один из важнейших факторов, обеспечивающих внутреннюю ассоциацию *Gemeinschaft* — родной язык (*Mutter-Sprache*) — произрастает из «доверительности, искренности и любви»¹²⁹. Рассматривая противоположный полюс, Тённис выделяет два типа *враждебности*: первая связана с ослаблением или временным разрывом естественных связей *внутри* общности и обладает острым (а значит *преходящим*) характером, вторая — с перманентным ощущением чуждости и недоверия в отношении того, кто оказывается по ту сторону социальных границ *Gemeinschaft*. Последняя обладает *хронической* природой.

Корни данного подхода можно искать в учении Платона, утверждавшего, что эллины «по природе своей» друзья, а любые конфликты между ними остаются распрями между «своими и ближними»¹³⁰. Для эллинов характерны столь глубокие и крепкие внутренние связи (культурные, языковые, ценностные), что о них можно говорить как о родственниках. В случае конфликтов внутри Эллады (воспринимающихся как приступ болезни или помутнение рассудка) подобное родство сохраняется. При этом варвары (персы) — чужаки, вражда с которыми вплетена в естественный порядок вещей.

Общество (*Gesellschaft*) — *механическое* образование, объединяющее и *сдерживающее* эгоистичных индивидов, ведущих *латентную* войну всех против всех в условиях существующей социальной регулярности. Подобная форма сосуществования представляет собой нестабильное, хрупкое единство, требующее искусственной поддержки. Своекорыстие остается важнейшей, определяющей, стороной члена *общества*, а рациональный расчет и стремление к выгоде образуют главный мотив его действий. Проистекающее из этого источника социальное отношение кристаллизуется в виде *контракта*, однако каждая из его сторон испытывает соблазн нарушить условия договора, в том числе, путем применения

профессора И. М. Савельевой / отв. ред. Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриев, Н. В. Самутина. М., 2017. С. 25

¹²⁹ Тённис Ф. *Общность и общество* С. 35.

¹³⁰ Платон. *Государство* / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М., 2017. С. 222–223.

насилия. Государство (именно современное государство, а не связанное с *Gemeinschaft* «нравственно-политическое единство *πολις*'а или *civitas*'а»¹³¹) необходимо обществу как источник принуждения, обеспечивающего соблюдение условий контракта и пресекающего деструктивное *своеволие*. Государство надстраивается над контрактной социальностью своекорыстных индивидов, «силой навязывает им единство постоянного мирного пребывания вместе»¹³². Вместе с тем, как справедливо отмечает А. Ф. Филиппов, «удержать от попыток (разрешать конфликты иным образом, нежели посредством контрактов — В.Б.) не значит удерживать от желания»¹³³. Проблема социального порядка не решается раз и навсегда путем *учреждения* политической власти — скорее она оказывается перманентно стоящей перед тем, что *учреждено*. Один из важнейших тезисов Тённиса состоит в том, что *обществу* свойственен «преходящий характер социальной жизни»¹³⁴: будущее порядка всегда под вопросом, будучи зависимым от того, насколько успешно сдерживается взаимная враждебность индивидов. Проблематичность *Gesellschaft* связана с тем, что образующие его индивиды «всегда остаются разделенными», открытыми полному разрыву отношений¹³⁵. Обеспечение их механического *единства* требует использования целого арсенала насильственных и ненасильственных средств. Другой заметный немецкий социолог, Ханс Фрайер, комментируя воззрения Тённиса, отмечает «революционную напряженность, даже постоянный кризис, присущий буржуазному обществу» как актуальному состоянию *Gesellschaft*¹³⁶. Завершая противопоставление, следует отметить пространственно-временные отличия: если *Gemeinschaft* переживает своей расцвет в греческих полисах и свободных городах Священной Римской империи, то *Gesellschaft* достигает высшей точки своего

¹³¹ Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 414.

¹³² Там же. С. 435.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 406.

¹³⁵ Тённис Ф. Общность и общество С. 63.

¹³⁶ Freyer H. Ferdinand Tönnies Und Seine Stellung in Der Deutschen Soziologie // Weltwirtschaftliches Archiv. 1936. Vol. 44. S. 1–2.

внутреннего развития в современном мегаполисе — экономически развитом, но политически бессильном образовании¹³⁷.

В условиях гегемонии *Gesellschaft* политическое единство становится не данностью, а задачей, перманентно стоящей перед государством. Впрочем, Тённис допускает возможность ее успешного решения в будущем. Эффективно и стабильно действуя от лица граждан, государство подталкивает граждан к осознанию собственного единства. Глубокое проникновение государства в хозяйственные и образовательные процессы способно повернуть вспять тенденции ко все большей атомизации *Gesellschaft*. Успех подобной политики способен взрастить в обществе связи и отношения, характерные для *общности*. Возрождение *Gemeinschaft* «не исключено для народа, в котором торговец перестает быть “все́м”, а прочие “ничем”»¹³⁸. Таким образом, в период широкого распространения культурного пессимизма и апокалиптических ожиданий (далее в работе будет показано, что этому контексту принадлежит одно из важнейших высказываний Макса Вебера), Тённис демонстрирует готовность дать альтернативный прогноз: «Остается, однако, возможным, что отдельные, разрозненные ростки сохранят свою жизнеспособность, что сущность и идея общности получит новую пищу и что в рамках гибнущей культуры не приметно начнется развитие новой»¹³⁹. Немаловажно и то, что единственный путь к восстановлению единства, прокладывается им через *государство* — институт, на все меньшей роли которого в современной социальной жизни настаивают многие интеллектуалы-современники Тённиса.

Проект классика немецкой социологии не содержит призывов к возвращению в прошлое — к почвенническому бытию и традиционному порядку замкнутой народной общности¹⁴⁰. Консервативная атмосфера, в которую погружены

¹³⁷ Mitzman A. Tönnies and German Society, 1887–1914: From Cultural Pessimism to Celebration of the *Volksgemeinschaft* // Journal of the History of Ideas. 1971. Vol. 32. №. 4. P. 507 – 508.

¹³⁸ Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 436.

¹³⁹ Тённис Ф. Общность и общество. С. 351.

¹⁴⁰ Отмечается, что в современных исследованиях еще встречаются оценки, характеризующие Тённиса как *völkisch* мыслителя (философа-народника), однако эта позиция уже не является

некоторые разделы «Общности и общества», становится одной из причин того, что в ряде источников Тённис совершенно несправедливо включается в круг идейных вдохновителей фашизма¹⁴¹. Как справедливо отмечает один из исследователей его наследия: «Тённис никогда не надеялся вернуть прошлое; его намерением было помочь создать будущее. Это должна была быть утопия, основанная на равенстве, свободе и этическом образе действий, в которой правильное использование традиционных обычаев укрепило бы надежные и удобные узы *Gemeinschaft*»¹⁴². Очерчиваемые Тённисом перспективы действительно несут в себе прогрессивные и мечтательные элементы. В их числе — идея возможности становления мирового государства — всемирной республики, «которая управлялась бы мыслителями, учеными и писателями, и которая могла бы обойтись только такими средствами принуждения, которые имеют психологическую природу»¹⁴³. Впрочем, проблема социального порядка не снимается и на этом этапе: «Остается только спросить, насколько человек беспокоен, корыстен и, собственно, интеллектуален в этом государстве. Ответа у Тенниса на этот вопрос мы не находим»¹⁴⁴.

Зафиксируем основные результаты работы Тённиса с «Гоббсовой проблемой». Все многообразие типов человеческих сообществ может быть сведено к двум знаменателям — *общности (Gemeinschaft)* и *обществу (Gesellschaft)*. *Gemeinschaft* — «традиционное общество или община, которая вырастает из тесных семейных отношений, руководствуется нормами любви, взаимопонимания

конвенциональной (*Inglis D. Cosmopolitan sociology and the Classical Canon: Ferdinand Tönnies and the Emergence of Global Gesellschaft*. P. 817.).

¹⁴¹ Подробнее об этом недоразумении см. *Кильдюшов О. В.* Категориальная дихотомия *Gemeinschaft/Gesellschaft* в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс. С. 19. Несправедливость очернения имени классика социологии представляется особо вопиющей в связи с тем, что вплоть до смерти «Ф. Тённис оставался непоколебимым противником варварского нацистского режима, не приемля его иррационализм и антигуманизм» (*Малинкин А. Н.* О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса. С. 222.).

¹⁴² *Adair-Totef C.* Ferdinand Tönnies: Utopian Visionary // *Sociological Theory*. 1995. Vol. 13. № 1. P. 59.

¹⁴³ *Тённис Ф.* *Общность и общество*. С. 358.

¹⁴⁴ *Филиппов А. Ф.* Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // *Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. №1. С. 100.

и защиты»¹⁴⁵. Проблема социального порядка *не актуальна* для общности — *органического* единства, характеризующегося крепостью и стабильностью внутренних взаимосвязей. Общность не нуждается в искусственных средствах поддержания единства и порядка. Над своекорыстием превалирует *единодушие*; внутреннее отношение наполнено не враждебностью, а *доверительностью*. Система норм и статусов не оспаривается члена общности, поскольку воспринимается как естественный порядок вещей. Родной язык (*Muttersprache*, дословно – материнский язык) в контексте *Gemeinschaft* — больше, чем средство коммуникации. Он производит связь, сближающую всякое отношение внутри общности с *материнством* — квинтэссенцией близости, доверия и принятия ответственности за судьбу другого.

Общество — альтернативная форма сосуществования, в рамках которой своекорыстие образует центр тяжести бытия индивида, а всякое социальное взаимодействие продиктовано рациональным расчетом, нацеленным на извлечение выгоды. Согласно Тённису, враждебность не исчезает вместе с учреждением политической власти, а сохраняется внутри социального отношения. Общество — искусственная, механическая конструкция, которой всегда угрожает распад. Хрупкий порядок обеспечивается государством, для которого решение «Гоббсовой проблемы» становится ежедневной задачей. Вместе с тем подход Тённиса не пессимистичен. Единение возможно, причем в общечеловеческом масштабе. *Gesellschaft* — глобальный феномен, и государство, возвращающее в обществе общностную солидарность, также может преодолеть привычные границы между политиями¹⁴⁶.

Академическая традиция способна развиваться и сохранять целостность даже на фоне радикальных отличий между политическими позициями причастных ей интеллектуалов. Так, продолжателем идей Тённиса становится Ханс Фрайер —

¹⁴⁵ Михайловский А. В. Вернер Зомбарт как критик техники // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 262.

¹⁴⁶ Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 436.

мыслитель, погружающий концептуальную дихотомию *Gemeinschaft/Gesellschaft* в атмосферу «консервативной революции»¹⁴⁷. Фрайер не просто высоко отзывается о Тённисе, но и говорит о нем как о ярчайшем представителе немецкой социологии. Именно *немецкой* — характеризующейся особым, специфически германским способом постановки исследовательских вопросов и выстраивания теоретических систем¹⁴⁸. Фрайер подходит к проблеме социального порядка со схожих с Тённисом позиций: естественное нравственно-политическое единство, в рамках которого государство и общество еще не различимы (образцом вновь становится античный полис), разрушается по ходу истории. В результате этого распада возникает общество своекорыстных индивидов, представляющееся Фрайеру столь же внутренне противоречивым и неустойчивым («чистым риском», системой способной «разлететься на куски»¹⁴⁹), что и Тённису. *Gesellschaft* «отделяется от государства и на место очевидного и надежного порядка приходит ненадежное, непросчитываемое, само для себя проблематичное общество»¹⁵⁰. Его появление — точка отсчета истории социологической науки, поскольку именно *Gesellschaft* как хрупкое и внутренне противоречивое *общество*, образует ее предмет.

Упомянутый разрыв ставит перед социальными учеными фундаментальную проблему — вопрос о сосуществовании «государства и общества как двух гетерогенных, ставших самозаконными и резко расходящимися принципов образования социальной жизни»¹⁵¹. Так, «Гоббсова проблема» сохраняет актуальность для немецкой социологии, но все меньше удовлетворяется «Гоббсовым решением». Нельзя не согласиться с тем, что «социальный порядок у Гоббса скорее остается нестабильным образованием, которому постоянно угрожает

¹⁴⁷ Консервативная революция — «сложное идеологическое движение периода Веймарской республики включало в себя интеллектуалов, которые находились в националистическом лагере и занимали ярко выраженные антизападные, антидемократические, антилиберальные, антикапиталистические и антикоммунистические позиции» (Михайловский А. В. Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 63.).

¹⁴⁸ Freyer H. Ferdinand Tönnies Und Seine Stellung in Der Deutschen Soziologie. S. 1–2.

¹⁴⁹ Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М., 2008. С. 29.

¹⁵⁰ Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма. С. 129.

¹⁵¹ Там же.

возврат в прежнее состояние хаоса и аномии»¹⁵². Однако столь радикальная оппозиция государства и общества (как самостоятельного и обособленного явления), рассматриваемая Фрайером в качестве центральной проблемы социальной науки, Гоббсу еще не ведома¹⁵³.

Индустриальное общество, «звиздущееся на учете материй и сил»¹⁵⁴, являющееся «творением инженера»¹⁵⁵ (отметим механистическую метафору, близкую взгляду Тённиса на *Gesellschaft*) и не обладающее «никакими соками, кроме собственной рациональности»¹⁵⁶, стремится сделать государство своей «добычей»¹⁵⁷, чтобы, подчинив, использовать его в качестве «нейтрального обменного пункта для своих сделок»¹⁵⁸. Функция подчиненного обществу государства сводится к обеспечению хрупкого баланса общественных интересов. Сама идея того, что оно воплощает в себе политического единства народа, теряет в этих условиях всякую актуальность и осмысленность. Фрайер ставит «политическому» порядку неутешительный диагноз — служа площадкой для переговоров групп влияния, возвращая лишённое идентичности «неопределённо-личное “man”»,¹⁵⁹ государство как трофеем *Gesellschaft* «представляет собой сумму всего неполитического»¹⁶⁰.

Фиксируя и осмысляя глубокий кризис современности, Фрайер (подобно Тённису) не стремится погрузить читателя в атмосферу отчаяния. Его надежды

¹⁵² Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 134.

¹⁵³ «Таким образом, соотношение общественного движения и государственного порядка собственно и есть основная тема классических систем европейской социологии. Государство — общество, это противопоставление вовсе не является лишь отзвуком гегелевской систематики. Оно обозначает духовное происхождение и неотъемлемую исходную проблему нашего социологического мышления» (Фрайер Х. Социология как наука о действительности: логическое основоположение системы социологии / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №. 2. С. 296.

¹⁵⁴ Фрайер Х. Революция справа. С. 29

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 74.

¹⁵⁸ Там же. С. 83.

¹⁵⁹ Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 442.

¹⁶⁰ Фрайер Х. Революция справа. С. 81.

связаны с грядущей «революцией справа», действующей силой которой должен стать *народ*, преодолевающий разобщенность экономических интересов в пользу национального единения. Описание путей вытеснения общества народом — еще одна принципиальная задача, которую Фрайер поручает немецким социологам¹⁶¹. Следует отметить, что сам Фрайер не берется за ее решение, ограничиваясь транслированием *ожиданий* и прояснением основных понятий. Народ — позитивная альтернатива безликому обществу рационального расчета, пассионарное органическое единство, возвращающее себе забытое историко-культурное наследие. Смысл, вкладываемый Фрайером в концепт *Volk* несет в себе «баланс между назревшей потребностью в радикальном переломе и одновременным упором на постоянство, традицию и историческую обусловленность, вытекающим из консерватизма»¹⁶².

Народ дистанцируется от логики революций «слева», не требуя для себя привилегий в существующей иерархии общественных классов. Формируясь в недрах *социального*, народ ведет борьбу *против него самого*: «... революция прорывается снизу на равнину индустриального общества, поперек и сквозь все противоположности его интересов»¹⁶³. Материальный мир труда и благ, отвоєвывающийся у общества, необходим народу «как пространство для своего исторического наличного бытия»¹⁶⁴. Еще одним потенциальным трофеем «революции справа» Фрайер видит эмансипированное государство, открытое единению с народом¹⁶⁵. Результатом подобного синтеза должен стать единый *Рейх*, конвертирующий социальную гетерогенность в пеструю гамму призваний, служащих *общей цели*¹⁶⁶.

¹⁶¹ Gessner D. People's Community 1933-1945. On the Emergence and Meaning of a Political Buzzword. Wiesbaden: Springer, 2024. P. 22.

¹⁶² Pankakoski T. Political Strata and the Flows of History: Hans Freyer's Conservatism in Light of its Metaphors // Global Intellectual History. 2021. Vol. 6. №. 5. P. 694.

¹⁶³ Фрайер Х. Революция справа. С. 73.

¹⁶⁴ Там же. С. 74.

¹⁶⁵ Там же. С. 84.

¹⁶⁶ Muller J. Carl Schmitt, Hans Freyer and the Radical Conservative Critique of Liberal Democracy in the Weimar Republic // History of Political Thought. 1991. Vol. 12. №. 4. P. 706.

Кратко резюмируем подход Фрайера к проблеме социального порядка. Точка отсчета истории социологии — формирование неустойчивого, внутренне противоречивого, проблематичного для самого себя современного общества. Основной вопрос молодой дисциплины — «как возможен социальный порядок в условиях разрыва между государством и обществом?» Проблема обретает дополнительную остроту в свете признания Фрайером наличия *враждебности* не только между членами общества (Тённис), но и между обществом и государством. Временным победителем в этом противостоянии Фрайер видит (индустриальное) общество. *Gesellschaft* подчиняет себе государство, используя его как средство обеспечения баланса между группами интересов и общественными классами. Возникающая в этих условиях стабильность преходяща, ситуативна и взрывоопасна; хрупкая система на самом фундаментальном уровне несет в себе «воплощенное отрицание самой себя»¹⁶⁷. В недрах общества рождается *народ*, которому суждено освободить себя, человека и государство путем «революции справа». Как и автор категориальной дихотомии *Gemeinschaft/Gesellschaft* Фердинанд Тённис, Ханс Фрайер не призывает к восстановлению архаичных форм общественной жизни. Однако ему чужд и проект всемирной государственности, контуры которого просматриваются в «Общности и обществе». *Народ*, которому предстоит произвести «революцию справа», должен восстановить *Reich* в его аутентичных границах.

Теоретический контекст рецепции «Гоббсовой проблемы» в немецкой социологии обладает внутренним политическим многообразием — в нем соседствуют социал-демократ Тённис и правый радикал Фрайер. Последний мыслит грядущие перемены как представитель «консервативной революции», «базовая идеологема которой заключалась в соединении понятий “Volk” и “Gemeinschaft”»¹⁶⁸. Тённису не чужда тема народа (его субстанцию он называет

¹⁶⁷ Фрайер Х. Революция справа. С. 34.

¹⁶⁸ Женин И. А. Понятие «народ» в концепциях «консервативной революции» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 18 (61). С. 179.

«изначальной и преобладающей силой»¹⁶⁹), но его учение выражает готовность к шагу вперед — к «мировой республике ученых». Народ Фрайера — «старый новый» исторический субъект, вдыхающий жизненную силу *Gemeinschaft* в завоеванную им социальную и инфраструктурную механику *Gesellschaft*. Народ не может не восстановить ключевую роль языка «как средства конституирования общего мира»¹⁷⁰. Освобожденный человек заново обретает индивидуальность как носитель специфической роли на службе общей воли и общего блага. Общество и государство преодолевают разрыв, восстанавливая органическое единство в «живом Целом»¹⁷¹.

История рецепции проблемы социального порядка в классической немецкой социологии не сводится к двум рассмотренным выше эпизодам. Исследователи органично вписывают в рассматриваемый контекст элементы учения Макса Вебера¹⁷². Далее в работе будет проанализировано, как проблема порядка являет себя в одном из важнейших произведений классика, и каким образом на нее реагирует Карл Шмитт. Список немецких учёных, работающих с проблемой социального порядка, был бы не полон без Георга Зиммеля, — автора работы «Как возможно общество?»¹⁷³, само название которой созвучно «Гоббсову вопросу». Исследователи относят Зиммеля к числу авторов, оказавших значительное влияние на обсуждавшееся выше учение Фрайера¹⁷⁴. Подробная реконструкция взглядов Зиммеля и других немецких ученых, работавших с проблемой социального порядка, потребовала бы отдельного диссертационного исследования. Круг задач,

¹⁶⁹ Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 367.

¹⁷⁰ Кильдюшов О. В. Категориальная дихотомия *Gemeinschaft/Gesellschaft* в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс. С. 18.

¹⁷¹ Фрайер Х. *Революция справа*. С. 95.

¹⁷² Кильдюшов О. В. Категориальная дихотомия *Gemeinschaft/Gesellschaft* в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс. С. 15–16.

¹⁷³ Зиммель Г. *Как возможно общество?* / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Социологический журнал*. 1994. №. 2. С. 102–114.

¹⁷⁴ Pankakoski T. *Political Strata and the Flows of History: Hans Freyer's Conservatism in Light of its Metaphors* // *Global Intellectual History*. 2021. Vol. 6. №. 5. P. 692–694. Фрайер посещал лекция Зиммеля в университете и даже бывал у него дома (*Muller J. Z. The Other God that Failed: Hans Freyer and the Deradicalization of German Conservatism*. Princeton, 1987. P. 45).

стоящих перед настоящей работой, позволяет ограничиться обобщением учений Тённиса и Фрайера, поскольку они исчерпывающе репрезентируют подход к «Гоббсовой проблеме», получивший широкое распространение в немецкой социальной науке. Его ключевой особенностью является привлечение категориальной дихотомии *Gemeinschaft/Gesellschaft*.

Несмотря на значительные расхождения в политических предпочтениях двух авторов, их теоретические проекты обнаруживают следующие общие положения.

1. Своекорыстие и взаимная враждебность индивидов характеризуют современное *общество*.
2. В связи с вышесказанным социальный порядок *общества* хрупок и неустойчив.
3. Сущностная характеристика *общности* состоит в том, что *Gemeinschaft* не нуждается в искусственных средствах поддержания единства и порядка — все это обеспечивается естественным образом.
4. Государство вынуждено постоянно искать решение «Гоббсовой проблемы», сдерживая враждебность индивидов и поддерживая социальный порядок.
5. Все отличительные характеристики *общества* наиболее ярко проявляют себя в современных мегаполисах.
6. *Общество* может уступить место альтернативным формам социальности, заново впускающим в себя связи и отношения, характерные для общности.
7. Генезис этих форм сопряжен с восстановлением единства государства и общества.

§ 3. Рецепция: Карл Шмитт как мыслитель порядка

Тезис автора настоящего исследования состоит в том, что проблема социального порядка образует центральную ось интеллектуальной работы Шмитта

на всех этапах ее развития. Несмотря на то, что сам Шмитт не так часто использует словосочетание «социальный порядок», его рассуждения всегда связаны с вопросом сохранения единства и порядка в условиях растущей внутренней диссоциации общества. Подход Шмитта к данной проблеме обнаруживает ряд характеристик, позволяющих судить о его связи с немецкой социологической традицией, представленной Тённисом и Фрайером. Формирование позиции Шмитта осуществляется под влиянием целого ряда биографических, исторических и институциональных факторов, заслуживающих краткого упоминания.

Карл Шмитт — выходец из небогатой семьи, проживавшей в небольшом провинциальном городе Плеттенберг. Шмитт учился и впоследствии работал в крупных городах — Берлине, Мюнхене, Страсбурге, всегда испытывая глубокий внутренний дискомфорт, вызванный опытом жизни в мегаполисе. Как отмечает А. Ф. Филиппов, Шмитт, подобно другому великому немецкому мыслителю и современнику «Гоббса XX века» — Мартину Хайдеггеру — «чувствовал себя чужим в большом городе, с его подвижностью, модой, многообразием интеллектуальных и художественных течений»¹⁷⁵. Немецкие мегаполисы открываются Шмитту не только как пространства сосредоточения буржуазного декаданса, но и как арены уличных боев, ведущихся между радикалами, представляющими противоположные политические фланги. Наиболее известные работы — «Диктатура», «Политическая теология», «Понятие политического», «Учение о конституции» пишутся Шмиттом на этапе Веймарского периода творчества, а конкретно — в 20-е годы XX века. В это десятилетие Шмитт своими глазами наблюдает постепенный распад политического единства, борьбу крайних сил за установление *собственного порядка*, раздирающую на части политическое тело народа и государства¹⁷⁶.

Шмитт — непосредственный свидетель «катастрофических событий немецкой истории первой трети XX века — поражения в Первой мировой войне,

¹⁷⁵ Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. С. 440–441.

¹⁷⁶ Кильдюшов О. В. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х. С. 13–14.

крушения Германской империи, а затем и Веймарской республики»¹⁷⁷. Как справедливо отмечает О. В. Кильдюшов, «именно этот опыт во многом определил его интеллектуальную миссию — теоретический поиск стабильности форм политической организации общества, адекватных его социальному развитию, разрешение проблемы эффективности государственных институтов в целом и действенности права в частности»¹⁷⁸. Это целеполагание, вне всякого сомнения, делает Шмитта *мыслителем порядка*. С такого угла на Шмитта смотрят составители одного из важнейших изданий, посвященных Шмитту — *The Oxford Handbook of Carl Schmitt* — называя его не просто мыслителем, но *фанатиком порядка*¹⁷⁹. Признавая ценность осуществленной в этой работе реконструкции, отметим, что в ней совершенно не раскрыта связь Шмитта с немецкой социологической традицией и характерной для нее постановкой проблемы социального порядка в категориях *Gemeinschaft/Gesellschaft*. Данный раздел призван устранить этот серьезный пробел.

Осмысление Шмиттом окружающей социальной реальности теоретически нагружено опытом изучения наследия Гоббса, что подталкивает ученого к выводам о хрупкости и внутренней проблематичности общества, схожим с заключениями Тённиса и Фрайера. Шмитт был хорошо знаком с учениями обоих немецких авторов. Источник, датированный 1923 годом, указывает на то, что к этому моменту Шмитт уже глубоко изучил «Общность и общество» и овладел категориальной дихотомией *Gemeinschaft/Gesellschaft*: Вернер Беккер в письме открыто благодарит Шмитта за экскурс в «Тённисовскую терминологию»¹⁸⁰. Шмитт обменивается с Тённисом письмами, однако их первая личная встреча происходит только в 1935 году. Шмитт положительно оценил этот эпизод, подчеркнув продуктивный

¹⁷⁷ Кильдюшов О. В. Читая Шмитта. С. 8.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Meierhenrich J., Simons O. «A Fanatic of Order in an Epoch of Confusing Turmoil»: The Political, Legal, and Cultural Thought of Carl Schmitt. P. 3–70.

¹⁸⁰ Becker W. Briefe an Carl Schmitt / Hrsg. und mit Anm. vers. von P. Tommissen. Berlin: Duncker und Humblot, 1998: S. 27.

характер беседы¹⁸¹. Лишь одно произведение Шмитта напрямую посвящено учению Тённиса — поздняя малоизвестная статья 1960 года «Противопоставление общности и общества как пример двухчастного различения: замечание о структуре и судьбе подобных антитез»¹⁸². В этом тексте Шмитт отдает дань классику немецкой социологии, утверждая, что предложенная им дихотомия была воспринята интеллектуалами как универсальный ориентир, позволяющий исчерпывающе осмыслить социальную реальность. По словам Шмитта, немецкоязычная мысль первой половины XX века не знает ни единого высказывания о человеческом сосуществовании, не испытавшего влияние тённисовского различения¹⁸³. Очевидно, что Шмитт не отделяет себя от этого контекста и тем самым признает связь собственного проекта с системой координат, заданной понятиями *Gemeinschaft/Gesellschaft*. Далее Шмитт предлагает оригинальную интерпретацию «Общности и общества», указывая на то, что суть произведения не сводится к фиксации противопоставления. *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* не являются взаимоисключающими альтернативами, так как их противоположность открыта снятию в «высшем третьем»¹⁸⁴. В роли последнего Шмитт рассматривает *политическое единство* (понятие, являющееся центром его собственного учения), что может быть интерпретировано как претензия на преемство по отношению к классику. В качестве аргумента Шмитт приводит цитату из работы Тённиса «Демократия и парламентаризм», которую он небезосновательно считает реакцией на собственное сочинение «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма»¹⁸⁵. В этом фрагменте Тённис утверждает, что государство, прошедшее через различные процессы

¹⁸¹ Mastnak T. Hobbes in Kiel, 1938: From Ferdinand Tönnies to Carl Schmitt // History of European Ideas. 2015. Vol. 41. №. 7. P. 20.

¹⁸² Schmitt C. Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen. S. 165–178.

¹⁸³ Ibid. S. 165.

¹⁸⁴ Ibid. S. 170–171.

¹⁸⁵ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 93–170.

демократизации, способно уподобиться общности¹⁸⁶. Шмитт интерпретирует этот пассаж как указание на перспективу синтеза *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* в «высшем третьем», в роли которого выступает политическое единство. Тённис не утверждает, что подобный идеал уже воплощен, но делает его предметом связываемых с государством надежд¹⁸⁷.

Более известные работы Шмитта содержат не так много прямых ссылок на Тённиса. Тем не менее, ряд относящихся к ним тезисов обнаруживает очевидную связь с содержанием «Общности и общества». В частности, формулируя одно из наиболее принципиальных положений «Понятия политического», Шмитт напрямую использует классическую оппозицию: «В действительности же нет никакого политического “общества” или “ассоциации”, есть лишь политическое единство, политическая “общность”»¹⁸⁸. Обращаясь к тённисовской дихотомии, Шмитт преследует не только риторические цели. Он эксплицитно противопоставляет друг другу понятия «общество» и «единство», подчеркивая (в созвучии с Фрайером) характерное для *Gesellschaft* политическое бессилие. Механическое сосуществование членов общества воплощается в социальных связях и отношениях, однако *частный интерес и расчет* остается их главным мотивом. Общество не способно давать *коллективный* ответ на внешний вызов — каждый его член действует лишь для себя, не будучи готовым жертвовать чем-либо (в первую очередь — собственной жизнью) ради других. На этом фоне словосочетание «политическое общество» теряет всякий смысл.

Упомянутое созвучие между утверждением Шмитта и риторикой Фрайера не должно удивлять. Ученые были дружны на протяжении многих лет, между ними завязались крепкие академические связи. Фрайер сделал успешную административную карьеру и неоднократно организовывал выступления Шмитта

¹⁸⁶ *Tönnies F.* Demokratie und Parlamentarismus // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und, Volkswirtschaft. Jahrgang 51. München, 1927. S. 173–216.

¹⁸⁷ *Schmitt C.* Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen. S. 170.

¹⁸⁸ *Шмитт К.* Понятие политического. С. 320.

на площадках возглавляемых им организаций (примечательно, что одной из них было «Немецкое социологическое общество», первым руководителем которого был Тённис¹⁸⁹)¹⁹⁰. Уже после Второй мировой войны Шмитт опубликовал текст, приуроченный к юбилею коллеги¹⁹¹. Очевидно, что продолжительное общение между двумя авторами не могло не вылиться во взаимное влияние, однако уточнение деталей этого процесса не входит в круг задач, стоящих перед настоящим исследованием¹⁹². Достаточно отметить, что сходства между учениями ограничиваются важными контекстуальными пересечениями (в частности, обе программы разделяют идею атаки общества на государство) и уравниваются не менее серьезными содержательными различиями. Усмотрение в самом обществе (*Gesellschaft*) диссоциирующего потенциала, угрожающего порядку — основная черта рецепции «Гоббсовой проблемы» в социологической традиции, берущей начало в «Общности и обществе». Общая причастность Фрайера и Шмитта этому контексту не вызывает сомнений даже несмотря на то, что позиция последнего, представленная в одном из известных текстов — «Политическом романтизме»¹⁹³, дает все основания для критики первого (этот сюжет будет рассмотрен в следующей главе).

Шмитт известен своим интересом к феномену политического единства, рассматриваемого им в качестве источника политической экзистенции и необходимого основания государства. Вместе с тем учению «Гоббса XX века», не свойственен наивный взгляд, поддающийся соблазну наблюдать *Gemeinschaft* там, где весь социальный опыт говорит об обратном. Шмитт признает, что «нашу социальную жизнь уже не пронизывает — как это было прежде — принцип

¹⁸⁹ Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма. С. 129.

¹⁹⁰ Muller J. Z. The Other God that Failed: Hans Freyer and the Deradicalization of German Conservatism. P. 209.

¹⁹¹ Schmitt C. Die andere Hegel-Linie: Hans Freyer zum 70. Geburtstag // Christ und Welt. 1967. Vol. 10. №2. S. 265–294.

¹⁹² Автор позволяет себе ограничиться указанием на то, что широко цитируемая в настоящей работе «Революция справа» Фрайера вышла в свет в 1931 году. Все наиболее известные произведения Шмитта Веймарского периода к тому моменту уже были опубликованы.

¹⁹³ Шмитт К. Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М., 2015. 460 с.

единства»¹⁹⁴, отмечая факт существования диссоциации, способной воплотиться во внутренней враждебности, в любом политическом сообществе¹⁹⁵. Уже в начале своего академического пути Шмитт «полагает, что буржуазный мир, его менталитет и устройство вряд ли удастся сохранить»¹⁹⁶. Хрупкость и внутренняя конфликтность *общества* признается им и в дальнейшем. На протяжении всей жизни Шмитт осознает, что имеет дело с *Gesellschaft* — проблематичным, внутренне проблематичным материалом, политическое оформление которого представляет собой огромный вызов. Шмитту не чужд и рассмотренный выше подход, фиксирующий *параллельное* существование общества и государства. Немецкий мыслитель признает, что общество служит источником и пространством формирования альтернативных ассоциаций: политических партий, профессиональных союзов, общественных объединений, одним словом, “общественных властей” (курсив мой — В.Б.)¹⁹⁷, формально не конкурирующих с государством¹⁹⁸, но способных оказывать огромное влияние на лояльную аудиторию. Государство вынуждено реагировать на запросы организаций, способных эффективно мобилизовывать своих членов, и этого оказывается достаточно для того, «чтобы подточить государство изнутри»¹⁹⁹.

Динамика разрыва между обществом и государством мыслится Шмиттом уже знакомым нам образом: «Согласно Шмитту, разделение государства и общества <...> давно исчезло, и общество овладело государством», в связи с чем «возникла необходимость спасти государство от “плюралистического разложения”»²⁰⁰. Потребность в «спасении» актуальна с тех пор, когда «из дуализма государства и независимого от государства общества вырос социальный плюрализм, при котором

¹⁹⁴ Филиппов А. Ф. Критика Левиафана. С. 74.

¹⁹⁵ Достаточно вспомнить фрагмент «Понятия политического», в котором напрямую говорится о необходимости снятия всех внутренних противоречий в военное время (*Шмитт К. Понятие политического. С. 324*).

¹⁹⁶ Меринг Р. Карл Шмитт. Взлет и падение / пер. с нем. И. Иванкиной. М., 2024. С. 125.

¹⁹⁷ Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб., 2006. С.228.

¹⁹⁸ Филиппов А. Ф. Критика Левиафана. С. 73.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Кильдюшов О. В. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х. С. 21.

косвенные инстанции могли праздновать свои без труда дающиеся триумфы»²⁰¹. Пестрая гамма «общественных властей» успешно ставит государство себе на службу, в результате чего политическое *единство* уступает место ситуативным конфигурациям, основанным на компромиссах.

Подчиненность государства обществу кристаллизуется в целом ряде политических структур. В их числе — парламентаризм, переводящий государственную жизнь в режим поиска баланса между интересами различных *общественных* групп. Тканью, субстанцией парламентского бытия становится бесконечная дискуссия²⁰², представляющая собой квазиполитический аналог *салонной беседы* — праздного, наполненного самодовольством досуга, имеющего *общественное* происхождение. Это рассуждение Шмитта будет раскрыто в настоящей работе посредством анализа двух релевантных произведений — «Политического романтизма» и «Духовно-исторического состояния современного парламентаризма».

Другой очевидный источник «плюралистического разложения» — либеральная идеология, поднимающая на флаги идеи абсолютного приоритета индивидуальных свобод и всеобщего равенства. Последовательная реализация этого подхода требует уничтожения границ между политическими сообществами (так как они неизбежно влекут за собой возникновение *не-равенства* между политическими правами тех, кто является частью сообщества, и тех, кто обнаруживает себя за его рамками) и установления глобальной «демократии человечности»²⁰³. Либерализм транслирует на политическую плоскость идею социальной гармонии как продукта конкуренции частных мнений²⁰⁴, служащей интересам *общества*. Будучи одним из оснований либерально-демократической

²⁰¹ Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. С. 229.

²⁰² Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 96-97.

²⁰³ Там же. С. 103.

²⁰⁴ Там же. С. 128–129.

политической системы, либерализм способствует усилению внутренней разобщенности сообщества, благоволя плюрализму мировоззрений и политических позиций. Подобный подход открывает дорогу диссоциации, связанной с наиболее принципиальными, *экзистенциальными* противоречиями. Таким образом, благословенный либерализмом ценностный плюрализм напрямую угрожает единству порядка²⁰⁵. Данное рассуждение представляет собой актуализацию проблемы социального порядка, принимающую во внимание актуальные социально-политические обстоятельства. Если социальное отношение связывает участников, «исповедующих противоположные, несовместимые ценности», то «их солидарное поведение более чем сомнительно, а “гоббсова проблема” более чем вероятна»²⁰⁶. Таким образом, либерально-демократическая система обостряет обе стороны шмиттовской версии проблемы социального порядка. С одной стороны, она приближает перспективу распада политического единства в связи с внутренней разобщенностью, с другой — создает неблагоприятные условия для нуждающегося в солидарности коллективного действия в случае внешней агрессии. Ожидаемой жертвой обоих сценариев (способных переплетаться) становится сама либерально-демократическая государственность.

Стоит отметить и то, что возвращенные либерализмом «организации индивидуальной свободы», претендующие на роль «общественных властей», могут расчислить путь для совершенно противоположных, анти-индивидуалистических сил²⁰⁷. Возникающие под их влиянием институты и процедуры, призванные оберегать индивидуальные свободы, легко пропускают сквозь себя своего потенциального уничтожителя. При худшем развитии событий Левиафан гибнет, а народ обнаруживает себя в плену *партийного* порядка. Исследователи отмечают,

²⁰⁵ Мерзенина А. С. Политизация теологии и теологизация политики: диалог Яна Ассмана и Карла Шмитта // Социология власти. 2024. Т. 36. №. 1. С. 102.

²⁰⁶ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая). С. 163.

²⁰⁷ Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. С. 230.

что в этом рассуждении, относящемся к произведению «Левиафан в учении Томаса Гоббса», Шмитт завуалировано осмысляет трагическую историю прихода к власти нацистов, которую не смогло пресечь государственное устройство Веймарской республики²⁰⁸.

Еще один феномен, свидетельствующий о подчинении государства обществу — становление институтов правового государства (*Rechtsstaat*). Основной элемент этой системы — принцип разделения властей — сопряжен с глубочайшим «замешательством на предмет того, кто обладает властью, особенно остро проявляющимся в те моменты, когда ситуация требует принятия незамедлительного политического решения»²⁰⁹. Система сдержек и противовесов становится *сама себе врагом* тогда, когда погруженная в нее государственность сталкивается с внутренней или внешней экзистенциальной угрозой. Она способна принести в жертву легальным процедурам дальнейшее существование действующего порядка, снижая оперативность реакции на угрожающие ему вызовы.

Шмитт подчеркивает, что принцип разделения властей не совместим с идеей политического единства²¹⁰. Его укоренение — еще один признак победы *общества*, которое Шмитт открыто противопоставляет *политическому единству*. Немецкий ученый подчеркивает, что идея разделения властей целиком и полностью подчинена идеалам либерального индивидуализма: «Практическая цель разделения властей и сохранения промежуточных инстанций состояла в том, чтобы преломить власть государства в системе препятствующих и взаимно ограничивающих друг друга компетенций и тем защитить свободу отдельного человека»²¹¹. Конституционные механизмы, подчиненные цели защиты индивидуальных прав и свобод, мыслятся Шмиттом как препятствие на пути

²⁰⁸ *McCormick J. P.* Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Against Politics as Technology. New York, 1997. P. 277.

²⁰⁹ *Ibid.* P. 228–229.

²¹⁰ *Шмитт К.* Учение о конституции. С. 40.

²¹¹ *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. В. Кузницына. СПб., 2005. С. 241.

осуществления политической воли и способ ее подмены «правовой, бюрократической процедурой»²¹².

Итак, Шмитт признает, что социальная реальность, с которой ему приходится иметь дело, обнаруживает характерные черты *Gesellschaft*. В зависимости от конкретного произведения мы сталкиваемся с разными формами проблематизации этого наблюдения. В раннем «Политическом романтизме» безволие и атомизацию общества репрезентирует *романтик* — квинтэссенция индивидуализма и окказионализма. Эта фигура воплощает в себе нечто *противоположное* порядку и солидарной общности — перманентное колебание и готовность связать собственную продуктивность с *любым* поводом, заикленность на индивидуальном переживании.

«Политическая теология» проблематизирует представление о том, что порядок может быть сведен к поддерживающей саму себя системе правовых норм и процедур. Безжизненный и бесосновный автоматизм правопорядка — юридическое отражение механического единства *Gesellschaft*. Основной мишенью «Политической теологии» становится нормативизм Ганса Кельзена, призывающий к отказу от понятия суверенитета и *отрицающий* государство в пользу права посредством его полного отождествления с правопорядком²¹³. Шмитта абсолютно не устраивает тезис, согласно которому «порядок полагает сам себя»²¹⁴, представляющийся ему попыткой снятия, *замалчивания* «Гоббсовой проблемы». Предлагаемая Шмиттом альтернатива (она будет рассмотрена далее в работе) реабилитирует проистекающий из учения Гоббса взгляд на государство как на *источник и внешний гарант* правового порядка, в системе которого существует социальная регулярность.

Центральной фигурой «Понятия политического» является *политическая экзистенция* — народ как политически существующая общность, обладающая

²¹² *Rasch W.* Carl Schmitt's Defense of Democracy. P. 314.

²¹³ *Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 22.

²¹⁴ *Там же.* С. 16.

волей к различению общего врага. Однако в современных условиях над этим способом существования сообщества нависает тень его «общественно-ассоциативного»²¹⁵ инобытия. Шмитт всерьез относится к угрозе превращения государства в «политическую ассоциацию», стоящую в одном ряду с *общественными* организациями и *конкурирующую* с ними. Плюрализм союзов реорганизует социальную жизнь, создает угрозу конфликта лояльностей и перспективу расстановки приоритетов не в пользу политического единства. Таким образом, характерные для *Gesellschaft* тенденции к усилению роли общественных организаций, выражающих материальные интересы их членов, могут дать эффект в виде потери народом воли к различению друга и врага, сопряженной с последующим попаданием в зависимость от политически более сильного народа²¹⁶.

Еще один катастрофический сценарий, описанный в «Понятии политического» напрямую связан с фактором внутренней враждебности, отличающим *Gesellschaft*. Шмитт отталкивается от того, что социальное взаимодействие на самом фундаментальном уровне включено в целый ряд антагонистических форм. Экспликациями этого принципа являются и экономическая конкуренция, и этические разногласия, и религиозные споры, и эстетическая неприязнь. Все вышеперечисленные противоречия регулярно возникают внутри любого политического сообщества, разводя его членов по разные стороны баррикад. Позиция Шмитта допускает воплощение использованной риторической формы в действительность. Если действующие внутри сообщества «противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы столь могущественны, что они принимают решение о серьезном обороте дел, исходя из своих специфических критериев, то именно здесь они и стали новой субстанцией политического единства»²¹⁷, разрывая на куски политическое тело *народа*²¹⁸.

²¹⁵ Шмитт К. Понятие политического. С. 320.

²¹⁶ Там же. С. 326, 328–329.

²¹⁷ Там же. С. 326

²¹⁸ Подобную ситуацию хорошо характеризует комментарий А. Ф. Филиппова: «При этом (при гражданской войне — В.Б.) распадается не только оболочка, политическая форма народа. Распадается сам народ как материя государства» (Филиппов А. Ф. Долгое ненастье. К философии

Подобная перспектива признается Шмиттом реальной, но наименее желательной. Ее положительной альтернативой немецкий ученый видит порядок, в рамках которого *политическое* вынесено во внешнюю плоскость, а все внутренние противоречия держатся под строгим контролем так, чтобы их политический потенциал был пресечен на корню²¹⁹.

Общая картина, складывающаяся из элементов нескольких ключевых произведений Шмитта, выглядит следующим образом. Современное общество не подчинено принципу единства и характеризуется плюрализмом ассоциаций, взаимоотношения между которыми всегда открыты обострению. Государство сталкивается с перманентной угрозой превращения в «придаток» к набору общественных организаций. Несмотря на это, оно претендует на статус основополагающего политического единства и пытается сдерживать динамику внутренней диссоциации. Однако задача усложняется за счет того, что общество все более успешно *подчиняет* себе государство через систему институтов, низводящих его роль до источника и блюстителя правил игры, ведущейся общественными организациями.

Вместе с тем Шмитт настаивает на том, что в решающий момент *общество* должно превращаться в *общность*²²⁰, механическая *сочлененность* — уступать место органическому *единству*, а хрупкий порядок — пересобираться в прочную систему, обеспечивающую эффективность коллективного действия. Исследователи справедливо утверждают, что государство интересует Шмитта как «субстантивное политическое единство»²²¹ народа. Однако подобная форма сосуществования представляет собой не данность, а *задачу*. Шмитт разрабатывает целый арсенал

гражданской войны // Вестник Европы. 2022. Т. 59. С. 32.). Данное рассуждение посвящено гражданской войне в связи с философией Гоббса, но вполне актуально и для учения Шмитта.

²¹⁹ *Arditi B.* On the Political: Schmitt contra Schmitt // *Telos*. 2008. Vol. Spring 2008. №. 142. P. 16–17.

²²⁰ Шмитт сообщает эту идею через цитату: «Мы можем сказать, что в день мобилизации существовавшее до сего момента общество превратилось в общность» (*Lederer E.* in *Archiv für Sozialwissenschaft*. 1915. Bd. 39. S. 349; цит. по: *Шмитт К.* Понятие политического. С. 320.).

²²¹ *Magalhães P. T.* A Contingent Affinity: Max Weber, Carl Schmitt, and the Challenge of Modern Politics // *Journal of the History of Ideas*. 2016. Vol. 77. №. 2. P. 301.

средств, нацеленных на сохранение и укрепление единства народа, поскольку осознает, что его все более хрупкое целое рискует окончательно распасться под давлением диссоциирующих тенденций. Указание отечественного мыслителя А. Г. Дугина на то, что субъектом шмиттовского учения выступает «социально единый *народ*, сохраняющий сквозь разные формы и стадии своего экономико-социального существования качественное единство, духовную непрерывность традиции и особой воли, динамической, но наделенной своим собственным законом²²²», представляется верным, но лишь отчасти. Приведенное определение безосновательно *снимает* проблему порядка, поскольку наделяет социальное единство народа *гарантированным* характером. Качественное единство, о котором пишет Дугин, действительно присутствует в учении Шмитта, но не как констатация факта, а как труднодостижимая *цель*. Подобное видение народа связано с теоретическим контекстом, формирующемуся в немецкоязычной среде еще в начале XIX века: «*Народ (Volk)* стал глубоко ориентированным на *будущее* (курсив мой — В. Б.) концептом: концептом, используемым для воображения и переосмысления будущего политики и политического сообщества как *народа*»²²³. Шмиттовское рассуждение не чуждо беспокойству о будущем, но мотивировано вызовами *настоящего*. Как остановить экспансию общества? Как обеспечить воспроизводство единого порядка в условиях все большего влияния общественных организаций на жизнь и поведение причастных им индивидов? Что может обусловить трансформацию раздираемого столкновениями частных интересов *Gesellschaft* в солидарную общность и поспособствовать сохранению полученного результата? Эти вопросы складываются в шмиттовскую версию проблемы социального порядка и образуют фундамент большинства произведений немецкого ученого.

Масштаб интеллектуальной миссии, которую берет на себя Карл Шмитт, обуславливает тот факт, что путь ее реализации становится долгим, тернистым и

²²² Дугин А. Г. Карл Шмитт: 5 уроков для России. С. 76.

²²³ Orsi R. On the Concept of Volk in Carl Schmitt // History of European Ideas. 2023. Vol. 49. № 4. P. 694.

богатым на пробы и ошибки. На протяжении всей жизни Шмитт подбирает ключи к проблеме социального порядка, обращаясь к целому набору средств. *Opus magnum* Карла Шмитта — «Учение о конституции» (1928) — предлагает формулу порядка, основанную на балансе двух слагаемых: политической репрезентации и самоидентификации народа, укорененной в социальной гомогенности. Первая составляющая поддерживает единство и порядок посредством государственного *правления*, вторая — за счет естественной *солидарности* членов сообщества. Все учение Шмитта развивается в этой парадигме и представляет собой рефлексию над вызовами, связанными с двумя указанными слагаемыми. Приведенная схема впервые четко проступает в «Учении о конституции», но является продуктом поисков, ведущихся Шмиттом на страницах более ранних произведений. Одним из важнейших высказываний, принадлежащих линии рассуждения, нацеленной на раскрытие репрезентативных возможностей государства и их роли в обеспечении порядка, становится «Политическая теология». Ряд более ранних сочинений Шмитта подготавливает тезисы, образующие смысловое ядро этого текста, ряд более поздних — отталкивается от его выводов. Именно поэтому «Политическая теология» рассматривается в настоящем исследовании как центр, вокруг которого выстраивается теоретический проект, разрабатываемый Шмиттом вплоть до публикации его последнего крупного сочинения — «Политической теологии II». Второй масштабный контекст, принадлежащий учению Шмитта, задан «Понятием политического». В этом тексте проблематизируется социальная субстанция политического единства, ставится вопрос о степени лояльности *наличного* народа государству как обладателю монополии на различение друга и врага. Это направление развивается Шмиттом на всех этапах творчества и завершается выводами, принадлежащими позднейшим работам, прежде всего — «Теории партизана» и вышеупомянутой «Политической теологии II» (являющейся финальным высказыванием Шмитта, подводящим черту под обеими линиями рассуждениями). Проекты, центрами которых являются «Политическая теология» и «Понятие политического», образуют множество пересечений. Все они будут освещены в работе, однако основной исследовательской стратегией автора

остается пересборка теоретического наследия Шмитта исходя из параллельного рассмотрения двух смысловых линий. Вторая глава работы посвящена проекту, выстраивающемуся вокруг «Политической теологии», третья — линии, берущей начало в «Понятии политического». Подробная реконструкция двух теоретических контекстов предваряется кратким рассмотрением центральных произведений в их связи с проблемой социального порядка.

Одно из ключевых положений «Политической теологии» могло бы быть вынесено в эпитаф настоящей диссертации: *«Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок (курсив мой — В.Б.)»*²²⁴. С помощью этого утверждения Шмитт указывает на то, что система правовых норм и процедур, с которой его оппоненты готовы отождествить порядок как таковой, покоится на более фундаментальном основании — нормальной ситуации, решение о *нормальности* которой всегда остается за сувереном. Знаменитая формула Шмитта гласит, что «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»²²⁵. Суверен открыто являет себя при принятии решения об исключении, однако сохраняет за собой роль гаранта правопорядка и в условиях его рутинного функционирования, поскольку валидность системы нормы и процедур обуславливается тем, что фоновая ситуация признается сувереном нормальной²²⁶. В числе причин, способных подтолкнуть суверена к решению о том, что обстоятельства стали столь *исключительными* и что к ним уже не применима *норма*, обычно называют природные катаклизмы, эпидемии, внешние угрозы. Однако, развивая данное рассуждение в «Понятии политического», Шмитт обращает особое внимание на то, что *нормальность* ситуации характеризуется «замирением» внутренней враждебности²²⁷. Таким образом, одним из поводов к принятию

²²⁴ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 15.

²²⁵ Там же. С. 8.

²²⁶ Там же. С. 15–16.

²²⁷ «Действие нормального государства состоит, прежде всего, в том, чтобы осуществить полное умиротворение *внутри* государства и на его территории, установить “спокойствие, безопасность и порядок” и тем самым создать нормальную ситуацию как предпосылку того, что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо всякая норма предполагает *нормальную* ситуацию, и никакая норма не может быть значима в ситуации, совершенно ненормальной по отношению к ней» (Шмитт К. Понятие политического. С. 321).

решения о чрезвычайном положении может стать обострение диссоциирующих тенденций, характеризующих *Gesellschaft*. В подобном случае именно внутренняя враждебность порождает *беспорядок*, который должен быть преодолен для того, чтобы *правопорядок* вновь обрел смысл.

Решение о чрезвычайном положении предполагает трансцендирование правового порядка во всей его полноте, так как предметом решения выступает сама ситуация, поддерживающая его целесообразность. Именно поэтому Шмитт называет его «в собственном смысле слова абсолютным»²²⁸ решением — оно не может быть подчинено каким-либо нормам и предписаниям, так как все они принадлежат *преодолеваемому* правовому порядку. Важным промежуточным выводом, одновременно являющимся аргументом против кельзеновского отождествления государства и правопорядка, становится указание Шмитта на то, что в условиях чрезвычайного положения «государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план»²²⁹. Исключение приостанавливает действие правопорядка, но не открывает дорогу анархии. В условиях чрезвычайного положения «два элемента понятия “право-порядок” <...> противостоят друг другу и доказывают свою понятийную самостоятельность»²³⁰. Порядок творится и поддерживается суверенным решением, не нуждающимся в праве²³¹.

Чрезвычайное положение — реванш государства, действующего от лица народа. Шмитт «желает реального единства народа, а также реального, не формального единства руководящей воли»²³². Путь к реализации первой цели может лежать через осуществление второй. Чрезвычайное положение позволяет народу узреть *собственное* единство в субстанциальном единстве воли суверена.

²²⁸ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 14.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. С. 14–15.

²³¹ «Здесь решение обособляется от правовой нормы и (сформулируем парадоксально авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды иметь право» (Там же. С. 16).

²³² Шмитт К., Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.) // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 83.

«В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики»²³³ — так Шмитт описывает прорыв решения через автоматизированную систему норм и процедур. В опубликованном спустя три года после «Политической теологии» предисловии ко второму изданию сочинения о современном парламентаризме Шмитт напрямую ассоциирует эту силу с волей народа: «... именно в серьезном, [чрезвычайном] случае никакое иное конституционное учреждение не может устоять перед каким бы то ни было образом выраженной, задающей любые мерки, не терпящей противоречия волей народа»²³⁴. Таким образом, опыт осмысления чрезвычайного положения становится ключевым эпизодом, открывающим Шмитту всю мощь репрезентативных способностей государства, раскрытие которых позволяет рассчитывать на эффективное поддержание единства и порядка.

К вопросам исключения и суверенитета Шмитт возвращается пять лет спустя после выхода «Политической теологии» уже как автор «Понятия политического». Здесь исключение ожидаемо связывается с войной. Политическое единство суверенно, поскольку «именно ему всегда необходимо должно принадлежать решение относительно самого главного случая, даже если это случай исключительный»²³⁵, — случая войны. Если политическое единство существует, то решение в пользу войны должно заставить причастных ему людей вынести за скобки прочие «частности существования»²³⁶ (а также сопутствующие им внутренние разногласия) и оперативно образовать единую воюющую *общность*. Что является источником и причиной подобного единения? «Понятие политического» предполагает лишь один ответ — степень внутренней ассоциации сообщества прямо пропорциональна степени его внешней диссоциации с общим врагом. Последний должен восприниматься как «в особенно интенсивном смысле <...> нечто иное и чуждое»,²³⁷ как *инобытие*, воля к отрицанию которого

²³³ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 17.

²³⁴ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. С. 108.

²³⁵ Шмитт К. Понятие политического. С. 314.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. С. 302.

обеспечивает сообщество политическим характером существования. Шмитт отходит от характерного для Тённиса понимания *Gemeinschaft*, поскольку его версия *общности* оказывается в прямой зависимости от *внешнего* коррелята. Впоследствии эта принципиальная деталь станет основанием для критики со стороны Мартина Хайдеггера, отмечавшего, что в учении Шмитта народ конституируется *извне*, а не путем раскрытия *собственного* существа²³⁸. Претензия Хайдеггера справедлива — если народу «не повезло» избежать встречи с абсолютным *Другим*, у него нет шанса на становление в качестве *общности*. Таким образом, в шмиттовской системе координат перспектива становления *Gemeinschaft* практически полностью зависит от внешних обстоятельств. Отмеченные Тённисом внутренние факторы, способные служить источником связей между членами общности, — память, традиция и даже язык — выносятся Шмиттом за скобки. Ни одна комбинация элементов этого списка не гарантирует становление *Gemeinschaft*, в то время как «наличие экзистенциального врага необходимо и достаточно для формирования социальной общности»²³⁹. Немаловажно, что вражда для Шмитта — лишь высшая степень размежевания, способная возникнуть на любой почве. В случае, если противоречия между экономическими конкурентами или сторонами межрелигиозного конфликта столь сильны, что противники оказываются готовы к взаимному причинению смерти, антагонизм теряет изначальный характер (экономический, религиозный и т. д.) в пользу политического²⁴⁰. Однако ничто не препятствует обратной конвертации: если политическая вражда представляет собой конфликт, прошедший через точку кипения, то его «охлаждение» вновь превращает участников в экономических конкурентов или оппонентов в теологическом споре (в зависимости от изначальной причины размежевания). Не

²³⁸ Marder M. The Question of Political Existence: Hegel, Heidegger, Schmitt // On Hegel's Philosophy of Right. The 1934-35 Seminar and Interpretative Essays / Ed. by P. Trawny, M. Sá Cavalcante Schuback, and M. Marder. New York, 2014. P. 41–42; Heidegger M. Seminare Hegel — Schelling. Band 86 / ed. Peter Trawny // Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt am Main, 2011. S. 174–177.

²³⁹ Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищенское преодоление. М., 2014. С. 70.

²⁴⁰ Шмитт К. Понятие политического. С. 313.

делает ли это общность *преходящей, ситуативной*, учитывая возможность прекращения вражды с тем, кто в качестве внешнего раздражителя обеспечивал высокую степень ее внутренней ассоциации? В случае утвердительного ответа необходимо признать, что мы имеем дело с подходом, значительно отдаляющимся от оригинального (тённисовского) пониманию общности. В *Gemeinschaft* Шмитта отсутствует *центральная, смыслообразующая* характеристика классической версии концепта: для Тённиса «главное — это особое отличие общности от общества, которое <...> можно назвать “неразложимостью”»²⁴¹. Таким образом, поставленная в рамках классической немецкой социологии основная проблема *Gesellschaft* — хрупкость, переходящий характер — не преодолевается Шмиттом, а переносится в *Gemeinschaft*.

Туманные перспективы открываются и в случае тотальной, уничтожительной победы политического единства над экзистенциальным врагом. Если последний повержен, что поможет народу сохранить себя в качестве *общности*? Учитывая то, что появление нового политического *инобытия* во внешнем пространстве отнюдь не гарантировано, политической общности не останется ничего, кроме поиска нового врага в собственных социально-политических границах (как известно, Шмитт вполне допускает подобное развитие событий²⁴²), что вновь запускает обострение внутренней враждебности и заставляет политический организм избавляться от кусков собственной плоти. Стоит ли говорить о том, что подобная логика содержит в себе проблематичную, потенциально самоубийственную установку?

Шмитт ищет возможность воссоздать *Gemeinschaft* на материале *Gesellschaft*. Однако *дружба*, предстающая в учении Тённиса как естественная, органическая форма *общности*, становится возможной для Шмитта только на фоне *вражды*. В отсутствии внешнего коррелята сообщество обречено на существование в качестве языкового, культурного, хозяйственного союза, постепенно поддаваясь

²⁴¹ Филиппов А. Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения. С. 56.

²⁴² Шмитт К. Понятие политического. С. 322, 328.

диссоциирующим тенденциям *Gesellschaft*. В попытке дистанцироваться от Гоббса, в учении которого Шмитт не находит никаких предпосылок для становления *Gemeinschaft*²⁴³, немецкий ученый остается заложником его теоретической системы координат. Для Шмитта источником крепких связей и отношений, делающих *общность* единым организмом, становится не воспетая Аристотелем (и впоследствии Тённисом) «доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь»²⁴⁴, а гоббсова *враждебность*, вынесенная во внешнюю плоскость. Российский исследователь А. В. Яркеев совершенно справедливо утверждает, что «для К. Шмитта политическая дружба носит опосредованный и вторичный характер, не обладая самостоятельной ценностью и субстанциальностью»²⁴⁵. В вольном пересказе предисловия к изданию «Понятия политического» 1963 года французский мыслитель Жак Деррида от лица Шмитта весьма точно реконструирует логику автора, представляющуюся проблематичной в свете его стремления интегрировать концепт общности в собственное учение: «Я делаю акцент на враге, а не на друге, потому что, если бы мне пришлось, как вам хотелось бы, начать с друга, мне бы потребовалось дать предварительное определение это понятия, а это было бы возможно только через отсылку к противоположному ему понятию “враг”»²⁴⁶.

Тённис пытается противопоставить обществу людей Гоббса (*Gesellschaft*) альтернативный порядок *Gemeinschaft*. Шмитт также стремится развести понятия по разные стороны баррикад, однако это ему не вполне удается — его версия *общности* продолжает тяготеть к Гоббсу, нуждаясь во вражде как в основании внутренней ассоциации.

Шмитт предпринимает попытку устранения дефицита факторов, работающих на единение политического сообщества *изнутри*, в «Учении о

²⁴³ Schmitt C. Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1936/37. Vol. 30. S. 628–629.

²⁴⁴ Тённис Ф. Общность и общество. С. 10.

²⁴⁵ Яркеев А. В. Политический миф в учении Карла Шмитта. С. 20.

²⁴⁶ Derrida J. Politics of friendship // American Imago. 1993. Vol. 50. №. 3. P. 358.

конституции», вышедшем в свет спустя год после первой публикации «Понятия политического». Одним из «принципов политического формирования» в этом тексте названа *самотождественность* (или тождество народа с самим собой как с политическим единством), основанная на внутренней гомогенности²⁴⁷. Вместе с тем внутренняя однородность сообщества значима лишь тогда, когда она конвертируется в общность представлений о коллективном враге. Если это условие не выполняется, народ существует в качестве гомогенного, но *вегетативного* сообщества. Таким образом, внутренние связи и отношения (религиозные, культурные, языковые и т. д.), обладающие серьезным значением в контексте оригинального понимания *Gemeinschaft*, не несут для Шмитта самостоятельной ценности. Они рассматриваются им лишь как подспорье для различения общего врага, борьба с которым способна трансформировать общество в общность. Внешний фактор сохраняет решающее значение.

Поиск подлинной *общности* ведется Шмиттом на протяжении всей жизни. На позднем этапе творчества он приводит его к фигуре *партизана*, характеризующейся повышенным уровнем политической вовлеченности и самоотдачи²⁴⁸. Партизанское движение представляет собой пример максимальной самотождественности политического сообщества — ситуацию практически *воплощенного* тождества наличного союза людей из плоти и крови с самим собой как с политическим единством. Ранее в «Учении о конституции» Шмитт утверждает, что «окончательного, абсолютного тождества соответственно наличествующего народа с самим собой как политическим единством никогда и нигде не существует»²⁴⁹. Это замечание справедливо в связи с неоднократно упомянутой проблемой *социального плюрализма*, актуальной для любой современной государственности. Не отказываясь от данной позиции, Шмитт обнаруживает максимальный уровень тождества в партизанском движении,

²⁴⁷ Шмитт К. Учение о конституции. С. 40.

²⁴⁸ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 27–30.

²⁴⁹ Шмитт К. Учение о конституции. С. 44.

полагая, что активная, деятельная *вражда* образует *экзистенцию* каждого его члена. Партизан целиком и полностью отдает себя вооруженной борьбе, заступая в смерть значительно дальше и охотнее в сравнении с бойцом регулярной армии²⁵⁰. Им движет «личное, экзистенциально окрашенное неприятие факта оккупации родной страны»²⁵¹, а не процедурная механика действующего порядка. Партизан не дожидается «дня мобилизации»²⁵², а самостоятельно включается в наиболее обостренную, интенсивную форму вражды. Столь мощная мотивация и преданность общему делу борьбы с врагом делают партизанское движение монолитным политическим единством, крепость социальных связей внутри которого немислима для «современного либерального государства»²⁵³ и не только либерального²⁵⁴. Высокий уровень сплочения отличает не только партизанские движения, действующие в условиях сухопутной оккупации, но и революционные партии. Говоря о принадлежности подобным группам, Шмитт использует словосочетание «*die totale Erfassung*»²⁵⁵, переведенное на русский язык как «тотальный охват»²⁵⁶. Признавая полное соответствие нормам перевода, автор настоящего исследования полагает, что смысловое содержание оригинальной конструкции также могло бы быть передано русскими «тотальная привязка» или «тотальная связь». Так Шмитт пытается подчеркнуть беспрецедентную степень

²⁵⁰ Бродский В. И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. 2022. Т. 34. №. 3–4. С. 94.

²⁵¹ Дмитриев Т. А. Теория партизана вчера и сегодня. С. 205. Данное замечание относится к автохтонному партизану, но и партизан-революционер может *приписывать* оккупационный статус действующему политическому режиму.

²⁵² Следует еще раз привести цитату, с помощью которой Шмитт описывает механизм превращения *Gesellschaft* в *Gemeinschaft*: «Мы можем сказать, что в день мобилизации существовавшее до сего момента общество превратилось в общность» (*Lederer E.* in *Archiv für Sozialwissenschaft*. 1915. Bd. 39. S. 349; цит. по: *Шмунт К.* Понятие политического. С. 320.).

²⁵³ *Slomp G.* The Theory of the Partisan: Carl Schmitt's Neglected Legacy // *History of Political Thought*. 2005. Vol. 26. №. 3. P. 505.

²⁵⁴ В абзаце, на который ссылается Габриэлла Сломп, речь идет не об автохтонном партизане, а о «революционно борющейся партии» (*Шмунт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 27–28). Однако подчеркнутая ее характеристика актуальна для всех форм воинской иррегулярности, осмысляемых Шмиттом в «Теории партизана».

²⁵⁵ *Schmitt C.* Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. Berlin, 1963. S. 21.

²⁵⁶ *Шмунт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 27.

внутренней ассоциации членов партии, делающей революционное движение единым организмом. Подобный уровень единения сообщества позволяет говорить о нем как о полноценной *общности*.

Автохтонность, связь с родной землей — важные черты партизана, сближающие его с *Gemeinschaft* Тённиса. Однако вновь генезис *общности* оказывается укорененным во враждебности и *зависимым* от факта появления агрессора. В отсутствии последнего отмеченные особенности могут так и не стать социально и политически значимыми. Классический партизан является оборонительной фигурой, будучи связанным с домом и родным краем. Безусловно, это образует немаловажный «духовный» аспект деятельности партизана. Однако теллурическая привязка не в меньшей степени интересует Шмитта как источник тактического преимущества. Знание особенностей местности позволяет партизану осуществлять качественную маскировку, способствует скорости перемещения, образуя сочетание с другой характеристикой, вынесенной Шмиттом в критерии принадлежности к партизанству — мобильностью. Следует отметить, что Шмитт допускает ослабление теллурической связи в пользу расширения масштабов политической борьбы партизана, становящегося возможным благодаря стремительному развитию средств мобильности²⁵⁷. Высочайшая степень политической вовлеченности, обеспечивающая крепость внутренних связей движения, в этих условиях сохраняется. Таким образом, теллурический аспект следует рассматривать как источник косвенного влияния на степень внутренней ассоциации, поскольку «тотальная привязка» к своей группе отличает и бойца-интернационалиста. Стоит напомнить, что Шмитт использует «*totale Erfassung*» именно по отношению к революционным партиям, зачастую действующих в парадигме мировой, а не локальной революции. Отмеченное Т. А. Дмитриевым «личное, экзистенциально окрашенное неприятие факта оккупации родной страны»²⁵⁸ легко заменяется нас столь же экзистенциально окрашенное неприятие

²⁵⁷ Там же. С. 117.

²⁵⁸ Дмитриев Т. А. Теория партизана вчера и сегодня // Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. С. 205.

«мирового капитализма» или прочих глобальных явлений, способных создать личную катастрофу. Так, абстрагируясь от деталей, следует зафиксировать, что в сухом остатке «Промежуточного замечания по поводу понятия политического»²⁵⁹ проступает экспликация базового положения исходного текста²⁶⁰ — степень интеграции индивида в общность напрямую зависит от степени его самоотдачи коллективной вражде.

Ключевая характеристика партизана — иррегулярность — открывает широкое пространства для его осмысления в теоретической системе координат, заданной проблемой социального порядка. Одно из важных открытий Шмитта состоит в локализации партизана *вне* действующих порядков. Согласно Гоббсовому «*cogito ergo sum*» — «*protego ergo obligo*», контроль оккупанта над определенной территорией позволяет ему требовать следования нормам установленного порядка от местных жителей²⁶¹. Поскольку *мир и спокойствие* в тылу позволяют интервенту развивать наступательный успех, прямо интерес оккупанта состоит в реализации Гоббсовой формулы. Партизан, напротив, стремится посеять хаос в рядах противника и деморализовать местного коллаборациониста. Его цель — разлад, а в идеале — уничтожение оккупационного порядка. С точки зрения оккупационных властей, партизан — нарушитель спокойствия, опаснейший *преступник*, которого необходимо обезвредить или *ликвидировать* полицейскими средствами.

Шмитт признает, что иррегулярность роднит партизана с преступником, а порой, в связи с диверсионным характером его борьбы, — делает внешне неотличимым. Вместе с тем иррегулярный боец сохраняет *политический* (а не криминальный) статус по причине связи с покровительствующей регулярностью; его конечная цель — восстановление *порядка*, поддерживавшегося временно

²⁵⁹ Имеется в виду подзаголовок «Теории партизана».

²⁶⁰ Речь о «Понятии политического».

²⁶¹ Шмитт К. Понятие политического. С. 329. Дословный перевод латинской фразы — «защита значит требую повиновения». Этот принцип, в нормальных условиях образующий основание государственной власти, актуален и для условий сухопутной оккупации. Шмитт признает, что «защита гражданского населения на занятой военными территории многообразна» (Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 43).

отступившим государством²⁶². Однако обозначенная связь весьма хрупка — партизан зависим от действующей регулярности, но является *непредсказуемым* даже для нее²⁶³. Деятельность партизана временно соответствует интересам порядка, но потенциально ему угрожает. В поствоенное время локальный *Gemeinschaft* партизана, характеризующийся глубочайшей преданностью командирам, коллективной сплоченностью и привычкой к следованию внутренним нормам, — инородное тело в структурах порядка. Партизан должен либо стать частью регулярности (чему препятствует множество факторов), либо *исчезнуть* в качестве боевой единицы.

Положение партизана-революционера на краю политического представляется еще более рискованным, чем положение теллурического. От падения в криминальное его удерживает лишь стремление установить свой собственный порядок, распространить его на все общество²⁶⁴. Таким образом, революционер — двоякая, амбивалентная фигура. Будучи *врагом* действующего *порядка*, он тем не менее сохраняет себя в качестве политической, а не криминальной фигуры, подчиняя свою *незаконную* борьбу цели установления нового, альтернативного *порядка*. Пронизывающая «Теорию партизана» логика Шмитта согласуется с важнейшим тезисом, выдвинутым российским социальным учёным О. В. Кильдюшовым: «Порядок есть телос политического»²⁶⁵. Положения, фиксирующие связь «Теории партизана» с проблемой социального порядка, будут развиты в последующих частях работы.

Реконструкция, представленная в настоящей главе, позволяет сделать вывод о том, что проблема порядка образует сквозной сюжет, проходящий через творчество Карла Шмитта. Детальное рассмотрение проектов, выстраивающихся вокруг «Политической теологии» и «Понятия политического», которому

²⁶² Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 138.

²⁶³ Там же. С. 157.

²⁶⁴ Там же. С. 117.

²⁶⁵ Кильдюшов О.В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 126.

посвящены вторая и третья главы, обнаружит целый ряд свидетельств, говорящих о том, что порядок был для Шмитта «идеей фикс»²⁶⁶.

Поиск устойчивой и органичной формы порядка — основная интеллектуальная миссия Шмитта. На пути ее реализации Шмитта ждало множество провалов и разочарований: «Шаг за шагом Шмитт в поиске фундаментального порядка отказывался от всех политических форм и альтернатив: вильгельмовское конституционное государство и католическая церковь, парламентская республика и президентская система, юридико-институциональное толкование национал-социализма и наднациональная модель порядка “рейха”, легитимность индивидуального сопротивления и “легальная мировая революция”»²⁶⁷. Следующие главы работы продемонстрируют, как цепочка все более пессимистичных высказываний приводит Шмитта к выводам «Политической теологии II», ставящим крест на будущем порядка.

²⁶⁶ *Meierhenrich J., Simons O.* «A Fanatic of Order in an Epoch of Confusing Turmoil»: The Political, Legal, and Cultural Thought of Carl Schmitt. P. 5.

²⁶⁷ *Меринг Р.* Карл Шмитт. Взлет и падение. С. 19.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАК ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

§ 1. Политическая теология до «Политической теологии»: «Политический романтизм», «Диктатура» и проблема порядка.

«Люди (Das Man) всегда на подхвате, но так, что они же всегда ускользнули там, где присутствие (Dasein) пробивается к решению»²⁶⁸.

Мартин Хайдеггер. «Бытие и время».

Словосочетание «политическая теология» отсылает к одноименному произведению 1922 года, однако его значение в контексте учения Шмитта представляется более широким. Политическая теология — масштабный теоретический проект, не сводящийся к «Четырем главах о понятии суверенитета». Его генезис заметен уже в ранних произведениях Шмитта — «Политическом романтизме» и «Диктатуре». Проект политической теологии презентуется в одноименном сочинении, однако преодолевает его границы и получает развитие в более поздних работах автора. Особенно остро преюбреженность ощущается в «Учении о конституции» и «Эпохе деполитизаций и нейтрализаций»²⁶⁹. Наконец, последней крупной работой, опубликованной Шмиттом при жизни, является «Политическая теология II» — единственное полноценное продолжение, присутствующее в шмиттовской библиографии.

Несмотря на объем короткой брошюры, текст «Политической теологии» обнаруживает высочайшую степень концентрации тесно связанных, но обладающих самостоятельным значением линий рассуждения. Одна из них накрепко связывает суверенитет с решением о чрезвычайном положении, другая

²⁶⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2015. С. 127.

²⁶⁹ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. №. 2. С. 48–58.

(относящаяся к четвертой главе, написанной позже остальных) — ставит вопрос о структурной аналогии, прослеживающейся между теолого-метафизической картиной мира определенной эпохи и государственно-правовым мышлением, отличающим тот же исторический период. Два центральных сюжета связываются друг с другом через установление концептуальной аналогии между понятиями чуда в теологии и чрезвычайного положения в учении о государстве.

Обе стороны «Политической теологии» представляют собой перспективные пространства для работы с проблемой социального порядка. Нарратив чрезвычайного положения позволяет разглядеть более фундаментальный уровень порядка по отношению к правовому, указывает на возможность преодоления заржавевшей процедурной механики в пользу более эффективных форм общественной и государственной организации. В главе, посвященной определению суверенитета, происхождение порядка эксплицитно связывается Шмиттом с решением²⁷⁰. Этому выбору предшествует рассуждение о том, что, напротив, *не* способно учредить социальный порядок, завершающее более ранний «Политический романтизм».

Работа Шмитта о романтизме имеет полемический характер и содержит резкую, уничижительную критику нескольких ассоциирующихся с ним авторов, прежде всего — Адама Мюллера. Вместе с тем произведение обнаруживает глубокую связь с социологической традицией. Шмитт предлагает «изучать *действительность* романтизма, то есть становится на ту точку зрения, которую решительно отстаивает применительно к истории и социологии Макс Вебер и которую впоследствии в самой развернутой форме (и существенно изменив первоначальное понятие) представил Ханс Фрайер»²⁷¹. Она может быть сведена к простой, но содержательной формуле: «Социология и история — это науки о *действительности*»²⁷².

²⁷⁰ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 15.

²⁷¹ Филиппов А. Ф. Политический романтизм Карла Шмитта // Шмитт К. Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М., 2015. С. 338.

²⁷² Там же.

Одним из оснований для скепсиса в отношении романтизма становится его нулевая ценность для порядка, неспособность привнести какой-либо позитивный вклад в его генезис и поддержание. В отличие от упоминавшегося выше партизана романтик не враг порядка, а скорее *паразит*, способный использовать любые политические формы и ситуации как повод для собственной эстетической продуктивности. Романтик открыт самым разным, зачастую взаимоисключающим политическим аффилиациям: «... пока революция присутствует, политический романтизм революционен, с окончанием революции он становится консервативным, а в условиях отчетливо реакционной Реставрации он умеет приспособить романтическую позицию и к таким порядкам»²⁷³. Столь подчеркнутая *пластичность*, способность соединяться с любыми политическими порядками укоренена в двух факторах. Первый из них состоит в абсолютной *пассивности* романтика, которому чужда сама идея какого-либо вмешательства в действительность. Вся его активность сводится к «лирико-резонирующему тремолированию идеями», поводом к которому становятся общественно-политические порядки и конкретные ситуации, проистекающие из «решения и ответственности *других* (курсив мой — В.Б.)»²⁷⁴. Романтика интересует лишь «возможное» — эфемерное, гипотетическое, мыслимое, уводящее от действительного. «Борьба реальностей» не разрывает, а *раздражает* романтика — он теряется в выборе того, с чем из сделанного *другими* связать свою продуктивность²⁷⁵. Второй фактор связан с тем, что единственной подлинной ценностью для романтика является его собственное переживание, индивидуальный творческий опыт. Возможно, романтик не представляет собой идеальный пример своекорыстного индивида — одного из «людей Гоббса» или представителей *Gesellschaft* Тённиса, однако его полная индифферентность в отношении всего надличностного говорит о нем как о фигуре, соответствующей представлениям о современном *обществе*, формирующимся в классической немецкой социологии.

²⁷³ Шмитт К. Политический романтизм. С. 198.

²⁷⁴ Там же. С. 279.

²⁷⁵ Там же. С. 168.

Как справедливо отмечает В. В. Башков, «разобщённость, одиночество, индивидуализм как черты современного рационального капитализма — романтическая субъективность вырастает именно из таких предпосылок»²⁷⁶. Вышеперечисленные атрибуты не в меньшей мере характеризуют *Gesellschaft*.

Если мобилизация, согласно Шмитту, превращает *общество* в *общность*, то романтик остается заикленным на собственном переживании и пребывает за бортом образующегося единства: «Для него (романтика — В.Б.) безразличны и самые величайшие внешние события, революция и война; процесс обретает смысл и значение только тогда, когда он стал поводом для важного переживания, гениального обзора или романтического творения»²⁷⁷. Глубокое равнодушие к социальным событиям такого масштаба, по отношению к которым, как следует из приведенного выше фрагмента, романтик занимает *внешнее* положение, говорит о том, что субъект романтического мироощущения не обладает ни чувством общности, ни какими-либо представлениями о *значимом*. Все эти судьбоносные потрясения нужны романтику лишь как очередной предмет праздной салонной дискуссии, участие в которой позволяет ему насладиться собственной «гениальной» продуктивностью. Упоение романтика собственной гениальностью делает его фигурой, неспособной мыслить себя частью какого-либо полноценного союза, в особенности — описанной в учении Тённиса общности: «в отношении *сообщества, общности (Gemeinschaft'a!)* и истории возникали проблемы»²⁷⁸: уверовав в божественную силу собственного таланта, романтик «не выносил уже никакой общности; включение «в общность и историю означало ниспровержение мирозозидающей самости».²⁷⁹

Суммируя отмеченные выше характеристики, Шмитт делает вывод о том, что заикленный на индивидуальном переживании и вечно рассуждающий о

²⁷⁶ Башков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. С. 34.

²⁷⁷ Шмитт К. Политический романтизм. С. 173.

²⁷⁸ Филиппов А. Ф. Политический романтизм Карла Шмитта. С. 344.

²⁷⁹ Schmitt C. Politische Romantik. Zweite Aufl. München und Leipzig, 1925. S. 96; цит. по Филиппов А. Ф. Политический романтизм Карла Шмитта. С. 344.

«возможном» романтизм не способен стать источником и основанием социального порядка: «Аффект, не выходящий за рамки субъективного, не может обосновать ни одну общность, упоение общением — не основа для длительной связи, ирония и интрига — не точки социальной кристаллизации, и на потребности избегать одиночества и парить в движении живительного разговора *нельзя воздвигнуть общественный порядок* (курсив мой — В.Б.)»²⁸⁰. Подобное начинание требует деятельного, активного вторжения в действительность и нуждается в надличностном *значимом* как в источнике будущих социально-политических структур. Ни то, ни другое не совместимо с типичным подходом романтика.

Романтизм оставался бы относительно безобидным явлением, если бы не его роль в деполитизации современного государства. К теме романтического «вечного разговора» Шмитт возвращается и на страницах «Политической теологии», утверждая, что за ним «исчезает» политическое²⁸¹, и в «Духовно-историческом состоянии современного парламентаризма». Во втором сочинении мыслитель отмечает симбиоз романтической беседы и либеральной дискуссии, воплощающийся в парламентских практиках²⁸². А. Ф. Филиппов справедливо фиксирует вывод Шмитта о том, что «парламентаризм — неполитичен, болтлив, удовлетворяет прихотям самовлюбленных фантазеров и т. п.»²⁸³ Все эти характеристики собираются в нечто большее, чем разочарованный комментарий на злобу дня: ряд последующих примеров покажет, что «к критике парламентаризма Шмитт подключает и создаваемый в это время инструментарий своей политической теологии»²⁸⁴. Парламентариию все более чужда идея репрезентации политического единства и все ближе стремление произвести впечатление, явить свой риторический талант путем обрисовки красивых картин «возможного». «Политический романтик — это тот, для кого политика — это повод и средство

²⁸⁰ Там же. С 281.

²⁸¹ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 58.

²⁸² Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. С. 129, 142.

²⁸³ Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. С. 465.

²⁸⁴ Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе. С. 282.

проявить и утвердить свое “Я”»²⁸⁵, и современный парламентаризм предоставляет ему такую возможность. Таким образом, парламент не только подменяет публичное частным, трансформируя репрезентацию (единства) в представительство (групп интересов), но также растворяет политическое в эстетическом, приветствуя индивидуальные «представления» и коллективные ток-шоу. В этом свете более чем актуален основной вывод «Политического романтизма» — мечтательная беседа, конечной целью которой является самодовольство ее участника, не способна учредить социальный порядок. Пассивность, переменчивость аффилиаций, заикленность на индивидуальном переживании — все это невозможно представить в основании стабильных надличностных структур. Очевидно, что институт, воплощающий в себе те же начала, едва ли может служить эффективным инструментом поддержания социального порядка, обеспечения его единства и устойчивости. Напротив, типичное функционирование современного парламента способствует усилению тенденций ко все большей индивидуализации и потере чувства общности. Так вырастающая из полемики с романтиками критика парламентаризма Шмиттом дополняет погруженный в парадигму *Gemeinschaft/Gesellschaft* антипарламентаризм Фрайера и других немецких социальных ученых, ассоциирующихся с традицией «консервативной революции».

Процитированный выше фрагмент заключения «Политического романтизма», касающийся невозможности учреждения общественного порядка на романтических основаниях, снабжен комментарием, образующим важную связь с текстом «Политической теологии». Шмитт отмечает, что «ни одно общество не в состоянии обрести порядок без понятия о том, что есть нормальное и что есть право», далее добавляя, что «нормальное — это неромантическое понятие, поскольку всякая норма разрушает окказиональную несвязанность романтического»²⁸⁶. Фактически в этих двух репликах анонсируется ключевое рассуждение политической теологии. Порядок невозможен без четких

²⁸⁵ Юрлова М. Д. Политический романтизм сто лет спустя: взгляд из прошлого в настоящее // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3. С. 198.

²⁸⁶ Шмитт К. Политический романтизм. С. 281.

представлений о нормальном, поскольку один из его ключевых элементов — *норма* — применима только к нормальной ситуации. Суверенное решение об исключении отталкивается от этих представлений, поскольку его содержанием становится фиксация *ненормальности* ситуации, в обычных условиях обеспечивающей валидность порядка. По итогам необходимых мероприятий суверен *решает*, что нормальность восстановлена (т. е. *наведен порядок*, обладающий более фундаментальным характером, чем *правопорядок*), и это решение делает возможным учреждение обновленного *правопорядка* в полном соответствии с ключевым тезисом «Политической теологии» — «... *правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме*»²⁸⁷. Как справедливо отмечает Б. В. Назмутдинов, «романтизм, спроецированный на область политики и права, приводит к утрате нормативности, желанию сконцентрироваться на себе, уходу от подлинного решения, которое в силу общественного характера политического должно затрагивать не только собственное “Я”, но также и нечто *другое*»²⁸⁸. Романтический окказионализм — готовность увидеть в *любой* ситуации повод для художественной продуктивности — не способен произвести различие между нормальным и ненормальным, вследствие чего сами категории нормы и исключения, вне связи с которыми не мыслим социальный порядок, не могут быть осмыслены в романтическом контексте. Политический романтик воспринимает реальность государства и права не как то, что ему следовало бы понять и установить, а в качестве повода для собственных слов и мечтаний.

В актуальной научной литературе обнаруживаются попытки усмотреть в суверене «Политической теологии» характерные черты романтического субъекта²⁸⁹. Полемическая позиция, в рамках которой учение Шмитта рассматривается как опасно сближающееся с предметом его собственной критики — политическим романтизмом — формируется уже при жизни Шмитта и берет

²⁸⁷ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 12.

²⁸⁸ Назмутдинов Б. В. Двойное зеркало романтизма // Философско-литературный журнал «Логос». 2016. Т. 26. №1. С. 150.

²⁸⁹ Duke G. Carl Schmitt's Political Romanticism and the Foundations of Law // Oxford Journal of Law and Religion. 2020. Vol. 9. №. 3. P. 413–434.

начало в известной работе «Политический децизионизм» Карла Лёвита. В этом тексте решение об исключении интерпретируется как продукт «случайного *occasio*»²⁹⁰, вследствие чего сам подход немецкого мыслителя определяется его критиком как форма окказионализма — сосредоточения непоследовательности, поставленного Шмиттом в вину романтизму. В одной из современных работ амбивалентность шмиттовского отношения к романтизму связывается с сувереном «Политической теологии», который, по мнению автора, «по-видимому, воспроизводит характеристики самоутверждающегося творческого субъекта, критикуемого в политическом романтизме»²⁹¹. Решение об исключении, освобождающееся «от любой нормативной связности»²⁹² представляется исследователю «отражением отказа романтика быть связанным какими-либо номологическими ограничениями или гетерономным объективным порядком»²⁹³ в своей чувственной продуктивности. Данное рассуждение содержит серьезный пробел, ставящий под удар всю аргументацию. Автор текста игнорирует важную для Шмитта фигуру романтического политика, репрезентируемую Дон Кихотом. В отличие от только *переживающего* политического романтика романтический политик *действует*, но действует окказионально. Его решения принимаются в *хаосе поводов*, каждый из которых «может быть совершенно ничтожным, это именно повод, не то, что должно быть серьезной причиной действия»²⁹⁴. Характеристики, приписываемые суверену в процитированном выше фрагменте, соответствуют романтическому политику, а не ключевой фигуре «Политической теологии». Фантастическая бессмысленность действий политика—«Дон Кихота» говорит о том, что мы вновь имеем дело с «окказиональной несвязанностью романтического»²⁹⁵, в контексте которой теряют всякую осмысленность понятия нормы и исключения. Именно представления о нормальном, позволяющие

²⁹⁰ Лёвит К. Политический децизионизм / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. Т. 89. №5. С. 123.

²⁹¹ Duke G. Carl Schmitt's Political Romanticism and the Foundations of Law. P. 421.

²⁹² Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 14

²⁹³ Duke G. Carl Schmitt's Political Romanticism and the Foundations of Law. P. 421.

²⁹⁴ Филиппов А. Ф. Политический романтизм Карла Шмитта. С. 361.

²⁹⁵ Шмитт К. Политический романтизм. С. 281.

суверену усмотреть *причину* для решения об исключении, вбивают клин между ним и романтиком. Связывая с ними свои действия, суверен, в отличие от романтика, остается фигурой порядка.

Еще один элемент «Политического романтизма», предвосхищающий важнейшее положение «Политической теологии», состоит в прямом указании на то, по итогам развития метафизики с XVII по XIX век «высшая и самая надежная, незыблемая реальность старой метафизики — трансцендентный Бог — была устранена»²⁹⁶. В «Политической теологии» Шмитт повторяет этот тезис и указывает на то, что отмеченное устранение образа трансцендентного Бога сопровождается становлением «теологии» имманентной божественности, государственно-правовым отражением которой становится учение о нейтральном правовом государстве. Так реализуется одна из импликаций ключевого тезиса «Политической теологии» — «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия».²⁹⁷ В «Политическом романтизме» указывается на то, что положение, ранее ассоциируемое исключительно с Богом, романтический субъект пытается присвоить себе²⁹⁸. Если в репрезентирующем «старую» метафизику учении Мальбранша «Бог является последней, абсолютной инстанцией, а весь мир и все, что в нем происходит, — только поводом для Его самодержавной способности действовать»²⁹⁹, то в романтизме центр занимает сам романтик, рассматривающий все происходящее в мире как повод для своей говорливой продуктивности. «Политическая теология» проблематизирует изгнание чуда из дейстской теологии, сопровождающееся отказом от идеи непосредственного вмешательства суверена в действующий порядок. «Политический романтизм» предвосхищает эту «теологию» тотального *не-вмешательства*. Если у Мальбранша Бог рассматривает мир как повод для *действия*, то «романтическая продуктивность сознательно

²⁹⁶ Там же. С. 111.

²⁹⁷ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 34.

²⁹⁸ Шмитт К. Политический романтизм. С. 129.

²⁹⁹ Там же. С. 30.

отвергает любую связь с какой бы то ни было *causa* тем самым всякую деятельность, вмешивающуюся в реальные связи видимого мира»³⁰⁰. Так, претендующий на место Бога политический романтик, оказывается существом, совершенно неспособным к действию, в особенности — к такому, что могло бы найти свой теологический аналог в *чуде*. Обладающее для юриспруденции тем же значением, что и чудо для теологии, решение о чрезвычайном положении — наиболее яркий пример акта вмешательства в «реальные связи видимого мира», что делает его максимально чуждым романтическому контексту. В свете того, что именно чрезвычайное положение рассматривается Шмиттом как потенциальное новое начало социального порядка, центральный тезис «Политического романтизма», согласно которому на романтических основаниях *нельзя воздвигнуть общественный порядок*, предстает как обладающий политико-теологической нагрузкой.

Одним из выводов предыдущей главы стал тезис о том, что Шмитт, пытаясь погрузить концепт *Gemeinschaft* в собственное учение, связывает его с внешней враждебностью, выступающей в роли необходимого условия преодоления индивидуальной своекорыстности и возникновения подлинного союза. В этом кроется ключевое отличие подхода Шмитта от классического взгляда Тённиса: последний полагает в качестве источника внутренних взаимосвязей такие факторы как общность рода, края и духа. Не является ли разработка альтернативного понимания *Gemeinschaft* следствием обнаружения Шмиттом романтического начала в классическом варианте? Как справедливо отмечает А. Ф. Филиппов, либеральная ипостась романтизма — неединственная мишень шмиттовской полемики: в той же степени дискредитируется и комплекс идей, ассоциирующихся с романтическим консерватизмом³⁰¹. Тённис не может быть назван консерватором или почвенником-националистом, но его учение содержит в себе потенциал,

³⁰⁰ Там же. С. 153.

³⁰¹ Филиппов А. Ф. Политический романтизм Карла Шмитта. С. 369.

открытый раскрытию в «правом» ключе³⁰². Логика шмиттовской полемики против романтизма дает основания полагать, что учёный может видеть взлелеянное Тённисом *единодушие* (естественную общность духа) продуктом эстетической ретроспективной мечтательности, а органическую природу *Gemeinschaft* — воплощением нерешительности (именно с этих позиций Шмитт атакует романтический органицизм в рассматриваемом произведении). Стоит ли говорить о том, что проект всемирной государственности, контуры которого просматриваются в «Общности и обществе» может восприниматься Шмиттом как квинтэссенция дискуссии *о возможном*? Еще более подчеркнутый интерес к *потенции* сопровождает «Революцию справа», вышедшую спустя 12 лет после публикации «Политического романтизма». В этом произведении Фрайер рассуждает о *грядущей* эмансипации народа, государства и личности как о неизбежном развитии событий. Субъект революции — сама история³⁰³, вследствие чего нет необходимости изобретать рецепт ее успеха в настоящем. Пассионарный тон Фрайера оттеняет созерцательное положение и выжидательную стратегию автора текста, однако острый взгляд критика романтической пассивности мог бы распознать в проекте близкое начало.

Критика «“органического” воззрения на государство в романтизме»³⁰⁴ — первый эпизод шмиттовской рефлексии над понятием *органического*, дающий начало важной линии рассуждения, связывающей целый ряд знаковых произведений, включая «Политическую теологию». В романтическом контексте органическое оказывается элементом «позитивного ряда» понятий, сближающихся друг с другом до степени неразличимости. Так, легитимное оказывается одновременно историческим, а историческое — органическим³⁰⁵. Эти и прочие связанные понятия, в сущности, являются *пустыми* и образуют романтическую квазиаргументацию, в равной степени приложимую к любым политическим

³⁰² Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 436–437.

³⁰³ Фрайер Х. Революция справа. С. 50.

³⁰⁴ Шмитт К. Политический романтизм. С. 201.

³⁰⁵ Там же. С. 181.

данностям. В зависимости от обстоятельств полицейское государство может быть признано романтиками как органическим образованием (в силу его исторической легитимности), так и «искусственной механикой», напротив, легитимизирующей себя лишь «суррогатом подлинной, органической, исторической легитимности»³⁰⁶. С другой стороны, революция столь же открыта романтическому рассмотрению в качестве прорыва подлинной жизни, что дает основание для привлечения прочих понятий позитивного ряда³⁰⁷. На этом фоне уже революция становится «христианской», «исторической», «легитимной» и т. д. Готовность признать *все и вся* органическим, а значит *не требующим вмешательства* должным, естественным течением жизни — одновременное торжество двух ключевых составляющих романтического духа: окказионализма и пассивности.

Органическое понимание народа и государства в «Политической теологии» ассоциируется с имманентностью, представлением о том, что (политическая) жизнь «по своей сущности постепенно создает из себя самой все новые противоположности и все новые гармонии»³⁰⁸. Эта позиция (частным случаем которой является идея естественного тождества управляющих и управляемых) чужда всякому децизионизму³⁰⁹. Спустя несколько лет в «Учении о конституции» Шмитт отметит, что в этих условиях «решение должно находиться само по себе»³¹⁰. Учитывая то, что благодаря Тённису в немецкой социологии *общность* понимается как *органическое* единство, для которого характерна *сущностная воля*, формируемая схожим с критикуемой позицией образом³¹¹, нельзя ли сказать, что

³⁰⁶ Там же. С. 181–182.

³⁰⁷ Там же. С. 181.

³⁰⁸ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 55.

³⁰⁹ Там же. С. 44. Для того, чтобы подчеркнуть систематическую неспособность к принятию решения как импликацию органического понимания народа и государства, Шмитт обращается к Доносо Кортесу, отмечая, что испанский дипломат наряду с Де Местром «был неспособен мыслить <...> “органическим” образом» (Там же. С. 55). «Откладывать решение в решающий момент и притом отрицать, что здесь вообще еще необходимо что-то решать» — суть органического подхода, которая не могла не «казаться им странной метафизической путаницей» (Там же).

³¹⁰ Шмитт К. Учение о конституции. С. 57.

³¹¹ «... субъекты, участвующие в “сущностной воле”, пребывают друг с другом в согласии естественным образом» (Малинкин А. Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса. С. 223).

своим неприятием *органического* Шмитт лишает себя шанса на бесконфликтное включение концепта *Gemeinschaft* в собственный теоретический контекст? Резкий тон «Политического романтизма» и «Политической теологии» подталкивает к однозначному ответу «да, лишает». Тем не менее более широкая перспектива позволяет говорить об обратном. Поздняя работа о дихотомии *Gemeinschaft/Gesellschaft* демонстрирует глубину и сложность отношения Шмитта к понятию органического. В этом тексте утверждается, что органическое мыслимо в качестве стороны семи взаимосвязанных противоположностей. Тезисно представим соответствующие определения³¹².

1. *Органическое как не-механическое.* В этом смысле понятие используется для противопоставления любым представлениям о государстве как о техническом средстве или инструменте, попыткам отождествить государство с административным аппаратом (бюрократией).

2. *Органическое как не-внешнее (nicht von Aussen).* Здесь органическое ассоциируется с доминирующей в XIX веке позицией, в рамках которой мир и государство рассматриваются с точки зрения *имманентности*. Примером становится «втягивание» монарха из его трансцендентности «внутри» государства в качестве причастного органа.

3. *Органическое как не-идущее-сверху (nicht von Oben).* Государство мыслится как *товарищество*, а не как господство; как государство народа (*Volksstaat*), а не как авторитарное государство (*Obrigkeitsstaat*). Государство рассматривается как выстраивающееся снизу вверх, его естественная форма — демократия.

4. *Органическое как не-насильственное.* Это значение несет в себе «противопоставление борьбе и решению», вбирает в себя ориентацию на «компромиссы, договоренности, дискуссию, эволюцию в

Сходство с идеей решения, которое в силу естественной солидарности должно находиться само по себе, представляется более чем предметным.

³¹² Классификация представлена в сокращении. Полную версию см.: *Schmitt C. Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen. S. 169–160.*

противоположность революции». Понятое таким образом *органическое* открыто связям с либеральным контекстом.

5. *Органическое как не-атомистическое и не-индивидуалистическое.* В этом значении понятие, напротив, противопоставляется либеральным представлением и становится коллективистским. Подобное понимание органического связано с отрицанием личного правления монарха. В этом контексте иначе мыслится и роль чиновника. Он перестает быть слугой и становится органом, использующимся для стабилизации бюрократического чиновнического государства.

6. *Органическое как не-партикулярное.* Государство мыслится как единство целого в конкретной политической ситуации. В этих обстоятельствах федерализм сменяется унитаризмом, перестает действовать партийная система.

7. *Органическое как противоположность всему активному и осмысленному.* Ссылаясь на Рудольфа Сменда, Шмитт утверждает, что такое понимание органического означает отказ от историцизма, квиетизма и других объяснительных моделей в пользу тотального агностицизма.

Представленная квалификация говорит в пользу того, что *органическое* в понимании Шмитта столь многогранно, что одновременно может служить как предметом резкой критики, так и решительного одобрения. Очевидно, что список в некоторой степени является продуктом шмиттовской рефлексии над *собственным* учением, поскольку его пункты созвучны тезисам и выводам, относящимся к соответствующим произведениям самого автора. Так, второе определение отсылает к «Политической теологии», а четвертое — к «Политическому романтизму» и «Духовно-историческому состоянию современного парламентаризма». В этих случаях мы имеем дело с критическим отношением к органическому. Третий пункт представляется связанным с рассматриваемой Шмиттом в «Политической теологии» «теорией товарищества», для которой (на примере учения Пройса)

характерен отказ от идеи суверенитета³¹³, что также не находит поддержки мыслителя. Вместе с тем представленный в нем политический вектор «снизу-вверх» не чужд и самому Шмитту³¹⁴: в «Учении о конституции он воплощается в принципе тождества, который (в сочетании с принципом репрезентации) становится необходимым элементом любой политической формы³¹⁵. Однако нельзя забывать и о том, что его радикальное осуществление видится Шмитту путем к положению, при котором «решение должно находиться само по себе», означающему переход к дополитическому, вегетативному существованию народа³¹⁶. Первое определение идейно связано с «Левиафаном в учении о государстве Томаса Гоббса» — произведением, исчерпывающее обобщение которого предложено А. Ф. Филипповым: «Критика Левиафана — это критика инструментального отношения к государству!»³¹⁷. В этом значении (противостоящем *механическому*) *органическое*, вполне может найти себе место в контексте шмиттовской мысли. Наконец, шестой пункт представляется полностью воспроизводящим логику «Понятия политического». Согласно нему, политические обстоятельства могут обусловить преодоление государством внутренней партикулярности с последующей трансформацией в монолитное *органическое* целое. Что это, если не много раз упомянутое превращение *Gesellschaft* в *Gemeinschaft* в день мобилизации, к которому Шмитт обращается в своем наиболее известном тексте? С помощью шестого определения Шмитт будто бы пытается спустя 33 года легитимизировать использование дихотомии Тённиса в «Понятии политического», осознавая его проблематичность. Логика этого рассуждения примерно такова: *Gemeinschaft* по определению — органическое единство, однако

³¹³ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 25.

³¹⁴ Согласно Мерингу, в представлении Шмитта «политические институты основаны на политических действиях граждан, на экзистенциальных силах политической *самоорганизации* (курсив мой. — В.Б.)» (*Mehring R. Carl Schmitt and the Politics of Identity // Key Thinkers of the Radical Right / Ed. by M. Sedgwick, trans. by D. Steuer. New York, 2019. P. 46*). Данная интерпретация хорошо подчеркивает важность для Шмитта исходящей от народа политической инициативы. При этом полное сведение шмиттовского понимания политического к данному знаменателю представляется несколько поспешным решением.

³¹⁵ Шмитт К. Учение о конституции. С. 40.

³¹⁶ Там же. С. 57.

³¹⁷ Филиппов А. Ф. Критика Левиафана. С. 100.

это определение содержит в себе импликацию в виде готовности элементов единства стремительно образовать единый организм в силу естественного взаимного притяжения, возникающего на фоне внешних угроз. Тонны критики, вылитые Шмиттом на тяготеющее к романтизму органическое понимание народа и государства, характеризующееся принципиальной пассивностью и нерешительностью, выносятся за скобки. Но не является ли это попыткой искусственного придания *органическому* того значения, что нужно самому Шмитту? Сближение *органического* и *целого* не вызывает вопросов, однако Шмитт включает в соответствующее определение фактор влияния конкретной (внешне)политической ситуации, явно привнося в него свой собственный элемент. Так Шмитт будто бы пытается затянуть фигуру внешнего врага в определение *Gemeinschaft*, чтобы снять проблему несоответствия своего подхода оригинальному пониманию концепта.

Один из центральных мотивов политической теологии как учения о социальном порядке заключается в том, что в целях самосохранения порядок экзистенциально нуждается в средствах и действиях, выходящих за его собственные рамки. Эта тема впервые подробно исследуется Шмиттом в трактате «Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы»³¹⁸. Основным результатом этой работы становится различие комиссарской и суверенной диктатуры, детальная реконструкция которого осуществлена в релевантной научной литературе³¹⁹. Несмотря на то, что предметом шмиттовского исследования выступает феномен, ассоциирующийся с областями юриспруденции и политической науки, трактат «Диктатура», вне всякого сомнения, обладает колоссальной ценностью для социологии, поскольку в его фокусе оказываются основания и условия социальной жизни — «порядок и норма, солидарность и власть»³²⁰. То, что «“Диктатура” как сочинение социологическое не

³¹⁸ Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. В. Кузницына. СПб., 2005. – 326 с.

³¹⁹ См. McCormick J. P. The Dilemmas of Dictatorship: Carl Schmitt and Constitutional Emergency Powers. 163–187; Kelly D. Carl Schmitt's Political Theory of Dictatorship. P. 217–244.

³²⁰ Филиппов А. Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии. С. 279.

была понята и оценена»³²¹ социологами, не означает того, что произведение не является социологически значимым. Как справедливо отмечает А. Ф. Филиппов, «это больше говорит против социологии, чем против Шмитта»³²².

Институт комиссарской диктатуры возникает в Древнем Риме и обретает наиболее глубокое теоретическое осмысление в трудах Бодена. Ключевой тезис Шмитта состоит в том, что порядок всегда рискует столкнуться с угрозами, способными поставить его дальнейшее существование под вопрос. В их числе присутствуют такие явления как «иностранный вторжение, восстание, эпидемия чумы или голод»³²³. Справиться с ними исключительно *легальными* средствами невозможно — строгое следование процедурам и нормам в подобных условиях лишь приближает конец порядка, системе которого они принадлежат. *Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер*: для устранения угроз суверенная власть назначает диктатора-комиссара, получающего «полномочия, существенное значение которых заключается в устранении правовых барьеров и в дозволении вмешиваться в права третьих лиц, когда вмешательство необходимо судя по положению дел»³²⁴. Возможность *пренебрежения* правом выделяет эту деятельность на фоне прочих разновидностей комиссарской практики и вкладывает в неё сущность диктатуры.

Один из важнейших тезисов, красной нитью проходящий через все рассуждение Шмитта о комиссарской диктатуре, состоит в том, что право не может рассматриваться как абсолютный гарант порядка. Гражданский закон — не панацея, раз и навсегда снимающая с повестки дня проблему социального порядка. Народ и государство всегда рискуют столкнуться с разрушительными силами, эффективное сопротивление которым оказывается совершенно невозможным в условиях рутинного функционирования правовой системы. В подобных обстоятельствах

³²¹ Там же. С. 280.

³²² Там же.

³²³ McCormick J. P. The Dilemmas of Dictatorship: Carl Schmitt and Constitutional Emergency Powers. P. 165.

³²⁴ Шмитт К. Диктатура. С. 57.

право становится *препятствием* в деле сохранения порядка в долгосрочной перспективе, что позволяет распознать его амбивалентную по отношению к порядку природу. Для того, чтобы в *будущем* право эффективно обеспечивало социальный порядок, в *настоящем* может возникнуть прямая необходимость в фигуре, обладающей полномочиями игнорировать существующие правовые барьеры.

Боден — неединственный источник воззрений Шмитта на диктатуру. Неменьшую роль в их формировании играет автор, ставший для Шмитта «автобиографической маской»³²⁵ — испанский дипломат Хуан Доносо Кортес, озвучивающий в своей «Речи о диктатуре» важный принцип, актуальный для Шмитта как в «Диктатуре», так и в «Политической теологии»: «Когда легальности довольно, чтобы спасти общество, пусть будет легальность; когда же ее недостает — диктатура!»³²⁶ Комиссарская диктатура возникает тогда, когда действующая правовая система не способна справиться с возникшей угрозой, и реализует этот принцип посредством освобождения назначенного лица от необходимости следования закону в рамках проведения антикризисных мероприятий. В связи с этим принимаемые диктатором решения содержат гораздо больший объем *импровизации*, чем любые действия чиновника: «... ординарный чиновник оказывается связан законом, и решение, принимаемое им в каждом отдельном случае, является лишь конкретизацией решения, в общих чертах уже заранее предусмотренного законом. Напротив, каково будет решение комиссара, еще только определяется отдельным случаем. Создается, таким образом, впечатление, будто комиссар менее стеснен в своих действиях, более свободен, чем ординарный чиновник, коему не разрешено выходить за рамки деятельности, нормированной»³²⁷. Вместе с тем диктатор-комиссар не является сувереном:

³²⁵ Меринг Р. Карл Шмитт. Взлет и падение / пер. с нем. И. Иванкиной. М., 2024. С. 251.

³²⁶ Кортес Х. Д. Речь о диктатуре / пер. с исп. А. В. Марья. СПб., 2023. С.15. В актуальной исследовательской литературе подчеркивается существенное влияние Кортеса на шмиттовское понимание диктатуры [см. *Mareta D. Carl Schmitt as a Reader of Juan Donoso Cortés: the Concept of Dictatorship as Counterrevolution from 1848 to 1921 // History of European Ideas. 2024. Vol. 0. № 0 (Forthcoming). P. 1–21*].

³²⁷ Шмитт К. Диктатура. С. 55

Шмитт подчеркивает, что несмотря на то, что «с внешней стороны полномочия комиссара могут быть сколь угодно широки, <...> он всегда остается непосредственным орудием чьей-то чужой воли»³²⁸. Диктатор-комиссар ни упраздняет закон (обретаемое им полномочие нарушать права третьих лиц не отменяет законы, на которых они основываются), ни издает новый. Со ссылкой на Макиавелли Шмитт делает вывод, что диктатор-комиссар «не может изменить конституцию или организацию власти»³²⁹. Уполномоченное лицо обретает значительную степень автономии при выборе мер по борьбе с угрозами, но в целом действует в рамках *поручения*. В связи с этим особенностью диктатуры комиссара является временный характер и полное восстановление правового порядка по итогу антикризисных мероприятий³³⁰. Роль диктатора-комиссара представляется экстраординарной, но обладает функциональной, технической природой — она подчинена четкой задаче, ограничена во времени и не обладает созидательным потенциалом. На этом фоне совершенно иначе выглядит суверенная диктатура, суть которой состоит в творении новой политико-правовой реальности.

В отличие от диктатора-комиссара суверенный диктатор не получает свои полномочия от какой-либо *учрежденной* власти, а сам претендует на роль репрезентанта «бесформенной» *учредительной власти*, в роли которой традиционно выступает *народ*. Последний обретает свою «учредительную мощь» *через сам акт диктатуры*³³¹. Миссия суверенного диктатора не состоит в сохранении действующего порядка путем решительного ответа на экзистенциальные вызовы, а мыслится как средство спасения *будущего, альтернативного* порядка от препятствия в виде действующего: «...суверенная <...> диктатура весь существующий порядок рассматривает как состояние, которое должно быть устранено ее акцией»³³².

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. С. 24.

³³⁰ Там же. С. 24–25, 45.

³³¹ Там же. С. 167.

³³² Там же. С. 158.

В роли одного из первых исторических эпизодов суверенной диктатуры Шмитт (с определенными оговорками) рассматривает правление Оливера Кромвеля, в роли одного из важнейших теоретических источников — учение о законодателе, принадлежащее трактату «Об общественном договоре» Жан-Жака Руссо. Законодатель — «благородный муж, гением (*genie*) которого создается и приводится в движение государственная машина»³³³. Однако за этой задачей скрывается более фундаментальная миссия: *законодатель репрезентирует общую волю в момент, когда ее еще не существует*. Общая воля не способна выразить сама себя в связи с тем, что на этом этапе народа еще не существует как действующего единства — оно возникает лишь как результат деятельности законодателя. Миссия законодателя, таким образом, состоит в том, чтобы распознать, какой была бы общая воля, если бы она уже могла выразить себя самостоятельно. Шмитт замечает, что инициатива законодателя обретает статус всеобщей воли «в том случае, если по этому вопросу было организовано свободное голосование, т. е. своего рода референдум»³³⁴. Тем не менее, сама процедура голосования, а также состав голосующих принимаются будущим народом без какого-либо формального одобрения. Все это — решение законодателя, принимаемое будущим народом как свое собственное в силу «великой души» отца народа³³⁵.

Миссия законодателя интерпретируется в научной литературе как практика двойной репрезентации — учредитель Республики репрезентирует общую волю как для народа, так и для неё самой³³⁶. Суверенный диктатор, действуя от лица народа, с которым связывается учредительная власть, схожим образом позволяет ему узнать себя в качестве ее носителя. Вместе с тем, обращаясь к фигуре законодателя, Шмитт вносит важное уточнение: «Законодатель стоит вне

³³³ Там же. С. 149.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Руссо Ж-Ж. Об Общественном договоре или Принципы политического права // Руссо Ж-Ж. Трактаты / Подготовили В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. М., 1969. С.181.

³³⁶ *Le Coat N. Ironies of Representation: The Legislator in Rousseau, Robespierre, and Volney // Neophilologus. Vol. 73. №. 3. P. 360.*

государства, но в сфере права, диктатор — вне права, но в государстве»³³⁷. Данное высказывание четко схватывает различие между двумя фигурами: Руссо настойчиво подчеркивает, что «роль учредителя Республики совершенно не входит в её учреждения»³³⁸, в то время как осмысляемый Шмиттом диктатор-комиссар обладает властью игнорировать правовые препятствия, но является плотью от плоти учрежденной власти. Суверенная диктатура — синергический эффект соединения обеих ролей: «Как только возникает связь, позволяющая наделить законодателя диктаторской властью, создать законодателя-диктатора и издающего конституцию диктатора-законодателя, комиссарская диктатура превращается в суверенную»³³⁹.

Суверенная диктатура — способ радикальной пересборки общественного посредством учреждения новой государственности. Именно суверенный диктатор может сообщить множеству индивидов о том, что они являются *народом*, в том случае, если их политическое единство никак не предусмотрено преодолеваемым порядком³⁴⁰. Акцент Шмитта на *бесформенности* народа как источника учредительной власти очень важен — тем самым он дает понять, что речь идет о чистой *потенции*, множестве, способном стать любым социально-политическим *целью*. Суверенная диктатура способна породить какие бы то ни было нормативные структуры и, как следствие, проложить дорогу совершенно новой *регулярности*, в системе которой индивид не сможет рассчитывать на привычные результаты собственного социального действия. Все это говорит о том, что суверенная диктатура инициирует трансформации, масштаб которых сопоставим с гоббсовым

³³⁷ Шмитт К. Диктатура. С. 150.

³³⁸ Руссо Ж-Ж. Об Общественном договоре или Принципы политического права. С. 180.

³³⁹ Шмитт К. Диктатура. С. 150

³⁴⁰ На этом этапе можно вновь зафиксировать сходство между ролями фоне законодателя и суверенного диктатора вновь: Руссо отводит первому задачу преобразования набора индивидов в единое политическое сообщество (Руссо Ж-Ж. Об Общественном договоре или Принципы политического права. С.179), в то время как для Шмитта народ в момент объявления суверенной диктатуры — также лишь потенциальный политический субъект, «бесформенная масса, которую можно объединить и придать деятельной форме <...> через субстанциальное единство репрезентирующей суверенной фигуры (курсив мой — В. Б.)» (Kelly D. Carl Schmitt's Political Theory of Dictatorship. P. 237).

переходом от дообщественного состояния к общественному. Будучи кристаллизированным *произволом* с точки зрения действующего порядка, суверенная диктатура есть акт вторжения противостоящих ему сил, стремящихся создать ситуацию вакуума легальности, преодолеваемую лишь новой конституцией и новым порядком, в структурах которого они могут осесть, теряя изначальную *произвольность*. Таким образом, «подлинная суверенная диктатура есть конкретное действие самоотрицающего учредительного произвола», и, что наиболее важно в свете тематики настоящего исследования, «в этом качестве она тождественна изначальности социальной жизни»³⁴¹.

Осмысление Шмиттом суверенной диктатуры несет в себе значительный теоретико-методологический потенциал к одновременному расширению и уточнению проблемы социального порядка. Оно проливает свет на ограниченность подхода, отталкивающегося от дихотомии порядка (общественного) и его отсутствия (дообщественного). Суверенная диктатура вбирает в себя соответствующие противоположности и становится точкой предельной концентрации общей амбивалентности социального. Комментарий А. Ф. Филиппова исчерпывающе описывает эту сторону рассматриваемого явления: «В суверенной диктатуре социальное являет себя во всей полноте: оно интегрирует индивидуальные воления — и ссылается на них; оно преодолевает разумные соображения — и учреждает понятие разума и разумного; оно поглощает аффект и пробуждает аффект; оно есть насилие и право одновременно; наконец, оно соединяет в себе предсказуемую разумность управления и непредсказуемую энергию произвола, технику инженера и технику художника, попрание естественной каузальности и учреждение собственной каузальности — недаром общество, как говорил старший современник Шмитта Дюркгейм, есть *causa sui*»³⁴². Если в учении Тённиса гоббсово *дообщественное* проникает в ткань *общественного* в виде угрожающей ему внутренней враждебности, то Шмитт идет еще дальше и обнаруживает зону их полной *неразличимости* в ситуации

³⁴¹ Филиппов А. Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии. С. 316.

³⁴² Там же.

суверенной диктатуры. Стремясь уничтожить действующий порядок, суверенный диктатор осуществляет радикальный *произвол* — своевольно объявляет ему войну, в которой, *как и в естественном состоянии*, хороши любые средства. Однако, легитимизируя свою акцию ссылкой на *будущую* конституцию («ту, которую надлежит ввести»³⁴³), суверенный диктатор претендует на то, что действует *по праву* и тем самым связывает себя с порядком.

В трактате «Диктатура» Шмитт глубоко исследует проблематичность социального порядка, развивая начатое в «Политическом романтизме» рассуждение. Зафиксировав то, что праздная романтическая дискуссия не способна учредить социальный порядок, Шмитт погружается в поиск альтернативы и в процессе открывает феномен суверенной диктатуры. Однако данная находка противоречива — в случае суверенной диктатуры созидание, конституирование осуществляется враждебной порядку силой посредством революционной борьбы³⁴⁴. Это контрастирует с реакционным пафосом речи Кортеса, на которую

³⁴³ Шмитт К. Диктатура. С. 158.

³⁴⁴ В широко цитируемой работе МакКормика отмечается, что переход от «Диктатуры» к «Политической теологии» сопровождается полноценным сдвигом в понимании Шмиттом природы порядка, исключения и суверенитета. Если в более ранней работе исключение рассматривается как нечто «опасное и плохое», то в более поздней — как средство избавления порядка от ядовитых примесей технизма и сциентизма (*McCormick J. P. Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Against Politics as Technology*. P. 135–136). Суверенная диктатура в интерпретации МакКормика — попытка «народной» (исследователь нарочито берет в кавычки «народ» и любые его производные) легитимации насильственного разрушения порядка и следствие размытия субъекта комиссионного поручения. Негативное отношение Шмитта характеризуется выбором фигур, олицетворяющих теорию и практику суверенной диктатуры — это связанные с Великой французской революцией Мабли (как идейный вдохновитель) и Сийес (как член одного из комитетов Национального конвента), а также большевики (*Ibid.* P. 137). Марета, как и МакКормик, полагает, что Шмитт отдает предпочтение комиссарской диктатуре (*Mareta D. Carl Schmitt as a Reader of Juan Donoso Cortés: the Concept of Dictatorship as Counterrevolution from 1848 to 1921*. P. 15). Келли предлагает альтернативный взгляд, утверждая, что исследование учредительной власти позволяет Шмитту разработать «потенциально революционную теорию контрреволюции» (*Kelly D. Carl Schmitt's Political Theory of Dictatorship*. P. 226). Суверенная диктатура интерпретируется Келли как модель, в которой угадывается Гоббсова политическая механика: «Учредительная власть как таковая была, по его (Шмитта — В.Б.) мнению, бесформенной массой, которая могла быть объединена и обрести активную форму, как полагал Томас Гоббс, только посредством субстанциального единства репрезентативной суверенной фигуры. Так, несмотря на то что люди, составляющие народ (в оригинале используется термин «the people», но во множественном числе — В.Б.), суверенны в теории, они не суверенны на практике» (*Ibid.* P. 237). Обе интерпретации не лишены смысла, но несколько прямолинейны и не свободны от вольности. Отношение Шмитта к суверенной диктатуре не однозначно

Шмитт прямо ссылается, пытаясь осмыслить сущностные характеристики диктатуры: «О диктатуре говорили как о чуде, обосновывая это тем, что она приостанавливает действие законов государства, как чудо приостанавливает действие природных законов»³⁴⁵. Шмитт уточняет это высказывание утверждением, что «на самом деле чудом является не диктатура, а разрыв правовой взаимосвязи, который происходит при установлении этого нового господства»³⁴⁶ и тем самым подготавливает почву для исследования основного предмета «Политической теологии» — *решения о чрезвычайном положении*.

§ 2. Политическая теология чрезвычайного положения. Суверенное решение как источник и гарантия порядка.

«Политическая теология» содержит больше *эксплицитных*, наглядных связей с социологическим контекстом, чем рассмотренные выше «Политический романтизм» и «Диктатура». Первые три главы сочинения публикуются в сборнике памяти Макса Вебера, и это не следует считать простой формальностью. Ранее Шмитт посещает семинар Вебера для молодых преподавателей, слушает его знаменитые лекции «Наука как призвание и как профессия» и «Политика как призвание и профессия», а также наносит личный визит³⁴⁷. Все это сопровождается глубокой и продуктивной рефлексией над текстами классика (которая, к слову,

положительное и не однозначно отрицательное, а скорее *настороженное*. Немецкий ученый осознает, что обнаруживает источник колоссальной силы, но на этапе написания «Диктатуры» еще не понимает, как им овладеть. Ответ на этот вызов ложится в основу изданной спустя год первой главы «Политической теологии».

³⁴⁵ Шмитт К. Диктатура. С. 160. Шмитт имеет в виду следующий фрагмент: «Так, сеньоры, если применительно к физическому миру Бог выступает законодателем так же, как законодатели в случае человеческих сообществ, хотя и различным образом, то правит он ли Он всегда с помощью одних и тех же законов, которые установил сам для себя в Его вечной премудрости и которым подчинил всех нас? Нет, сеньоры. Ведь несколько раз он прямо, ясно и открыто проявлял свою суверенную волю, нарушая те законы, которые сам и установил, и изменяя тем самым естественный ход вещей. Раз так, сеньоры, то нельзя ли сказать, если человеческий язык вообще применим к божественным делам, что Он действовал как диктатор?» (*Кортес Х. Д.* Речь о диктатуре. С. 23).

³⁴⁶ Шмитт К. Диктатура. С. 160.

³⁴⁷ *Anter A.* Max Weber und die Staatsrechtslehre. Tübingen, 2016. S. 86.

продлится 66 лет!³⁴⁸). «Политическая теология» во многом является продуктом этого опыта — в этой работе Шмитт касается многих типичных для Вебера тем, но предлагает альтернативный взгляд и тем самым дает начало полемике, которая станет одной из важнейших сквозных линий, проходящих сквозь все его теоретическое наследие. В позднем письме Райнхарту Козеллеку Шмитт называет Вебера «подлинным учредителем политической теологии»³⁴⁹, признавая, что его собственная программа принадлежит теоретическому конспекту, у истоков которого стоит классик социологии. Политическая теология как методологический подход, базирующийся на идее структурной аналогии между теолого-метафизическим и государственно-правовым мышлением, названа Шмиттом «социологией юридических понятий»³⁵⁰, что является еще одним маркером претензии Шмитта на причастность социологическому знанию. Одним из важнейших примеров применения этой стратегии становится знаменитый тезис о том, что «чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии»³⁵¹. Этот принципиальный вывод делается Шмиттом на основании кропотливого исследования феномена чрезвычайного положения, начало которому дает не менее известная формула «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»³⁵².

Суверенное решение приостанавливает действие гражданских законов подобно тому, как творимое Богом чудо — действие законов природы. Решение о чрезвычайном положении — абсолютное решение, поскольку оно «освобождается от любой нормативной связанности»³⁵³. Наиболее концентрированное обоснование этого утверждения дается Шмиттом в следующем фрагменте: «Невозможно не только указать с ясностью, позволяющей подвести под общее правило, когда

³⁴⁸ Кильдюшов О. В. Завершение легенды: Карл Шмитт в конце 1960-х годов. С. 30.

³⁴⁹ Schmitt C., Koselleck R. Der Briefwechsel 1953-1983 und weitere Materialien. Berlin, 2019. S. 303.

³⁵⁰ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 39, 42.; Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод. С. 57–59.

³⁵¹ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 34.

³⁵² Там же. С. 8.

³⁵³ Там же. С. 14.

наступает случай крайней необходимости, но и перечислить по содержанию, что может происходить в том случае, когда речь действительно идет об экстремальном случае крайней необходимости и его устранении»³⁵⁴. Многообразие и непредсказуемость потенциальной чрезвычайной ситуации делают невозможным нормативное закрепление обстоятельств, легитимизирующих введение чрезвычайного положения, оставляя пространство для суверенного решения. Нельзя не отметить и то, что необходимым основанием всякого правопорядка является «фактическая нормальность», обеспечивающая его валидность³⁵⁵. Поскольку предметом решение о чрезвычайном положении выступает именно *она* (суверен решает, что нормальность *отсутствует*), исключение представляет собой *трансцендирование* правопорядка — полноценный выход за пределы системы норм и процедур — что еще раз говорит в пользу того, что в этом контексте решение носит *абсолютный* характер. Все меры по борьбе с обстоятельствами, потребовавшими исключения, продолжают воплощать чистое решение действующего в правовом вакууме суверена. Наконец, признание того, что *порядок* наведен, и *правопорядок* вновь может действовать³⁵⁶, также не имеет иных источников, кроме суверенного решения.

Роль суверена «Политической теологии» отличается от функции диктатора-комиссара, описанной Шмиттом в вышедшем годом ранее произведении. Последний — лишь инструмент в руках *суверенной* власти. Не менее важная характеристика состоит в том, что итогом его деятельности становится полное восстановление порядка в его изначальном виде. В «Политической теологии» чрезвычайное положение мыслится как акт реванша суверенитета и способ ревитализации правопорядка, превратившегося в безжизненную процедурную механику, путем конституционных преобразований³⁵⁷. Творческий аспект сближает суверена с суверенным диктатором, но аналогия имеет свои ограничения — в

³⁵⁴ Там же. С. 10.

³⁵⁵ Там же. С. 15.

³⁵⁶ «Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок» (Там же. С. 12).

³⁵⁷ McCormick J. P. The Dilemmas of Dictatorship: Carl Schmitt and Constitutional Emergency Powers. 1997. Canadian Journal of Law & Jurisprudence. Vol. 10. №. 1. P. 171, 177.

отличие от последнего, первый не является *врагом* действующего порядка, он связан с ним, будучи источником и субъектом *исключения*³⁵⁸. «Порядок должен быть восстановлен, и в этом смысле он — прошлое», но чрезвычайное положение «приводит к установлению порядка заново, созданию нового порядка»³⁵⁹. В связи с этим суверен справедливо определяется как «пороговая фигура»³⁶⁰.

«... каждый порядок покоится на некотором решении»³⁶¹, и чрезвычайное положение позволяет рассмотреть этот принцип под микроскопом. В этих обстоятельствах право и порядок, немислимые Кельзенем и его последователями вне единства *правопорядка*, «противостоят друг другу и доказывают свою понятийную самостоятельность»³⁶². Решение создает ситуативный порядок чрезвычайного положения, а затем кристаллизуется в обновленных стабильных структурах, поддерживающих политическое единство. Подобная перспектива позволяет утверждать, что решение ценно не только как маркер суверенитета, но и как основание социального порядка. Эта сторона «Политической теологии» — важный элемент творчества Шмитта, регулярно оказывающийся в фокусе внимания отечественных и зарубежных ученых.

Одна из работ, принадлежащих этому кругу, заслуживает особого внимания в свете авторитета ее авторов и релевантности основному направлению настоящего исследования. Речь о статье «Тяжелая доля исключения: почему Карл Шмитт попрощался с Гоббсом»³⁶³ итальянских ученых М. Кроче и А. Сальваторе, известных своими монографиями «Правовая теория Карла Шмитта»³⁶⁴ и

³⁵⁸ Bates D. Political Theology and the Nazi State: Carl Schmitt's Concept of the Institution // Modern Intellectual History. 2006. Vol. 3. № 3. P. 432.

³⁵⁹ Баишков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. С. 72.

³⁶⁰ Bates D. Political Theology and the Nazi State: Carl Schmitt's Concept of the Institution // Modern Intellectual History. P. 432.

³⁶¹ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 12.

³⁶² Там же. С. 15.

³⁶³ Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes // History of European Ideas. 2023. Vol. 49. №. 7. P. 1105–1119.

³⁶⁴ Croce M., Salvatore A. The Legal Theory of Carl Schmitt. London, 2013. 213 p.

«Институциональная теория Карла Шмитта: политическая сила нормальности»³⁶⁵, а также рядом знаковых статей³⁶⁶. В указанном тексте авторы рассматривают «Политическую теологию» как учение о социальном порядке, прослеживая в ней предметное влияние мысли Томаса Гоббса. Справедливо фиксируя фундаментальное расхождение, состоящее в отказе Шмитта (в отличие от Гоббса) признать основанием социального порядка индивидуальное стремление к самосохранению³⁶⁷, Кроче и Сальваторе сосредотачиваются на том, что, напротив, представляется им точкой пересечения обоих подходов. Итальянские авторы полагают, что наследие Гоббса в «Политической теологии» заключено в том, что «социальная идентичность людей (как у Гоббса, так и у Шмитта — В.Б.) обусловлена существованием политического порядка, в то время как политическая идентичность сообщества развивается без учета каких-либо конкретных

³⁶⁵ *Croce M., Salvatore A. Carl Schmitt's Institutional Theory: The Political Power of Normality. Cambridge and New York, 2022. 158 p.*

³⁶⁶ См., напр.: *Croce M., Salvatore A. After Exception: Carl Schmitt's Legal Institutionalism and the Repudiation of Exceptionalism // Ratio Juris. 2016. Vol. 29. № 3. P. 410–426; Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes // History of European Ideas. 2023. Vol. 49. № 7. P. 1105–1119; Croce M., Salvatore A. Beyond Emergency Politics: Carl Schmitt's Substantive Constitutionalism // Philosophy & Social Criticism. 2024. Vol. 50. № 6. P. 929–947.*

³⁶⁷ Кроче и Сальваторе отмечают, что участие в войне суверенов становится обязанностью для подданного только в том случае, если последний видит в этом соответствие собственному интересу в самосохранении (*Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes. P. 1109*). Независимо от итальянских коллег автор настоящей работы развивает схожую линию рассуждения в одной из собственных статей: «В заключении “Левиафана” Гоббс озвучивает тезис, который на первый взгляд вплотную сближает его со Шмиттом: “всякий человек обязан в силу естественного закона защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он сам получает защиту в мирное время” [*Гоббс Т. Левиафан. С. 536*]. Статус этого утверждения очень высок, поскольку Гоббс открыто говорит о том, что это — еще один полноценный естественный закон, о котором он не упомянул в соответствующей главе. Тем не менее этот тезис подчинен привычной логике и восходит к первому естественному закону, требующему искать мира любым способом. Суверен — защитник, и участвуя в войне, мы инвестируем в собственную безопасность, не давая ему погибнуть. Призванный на войну подданный остается одним из “людей Гоббса”, в сознании которого “присутствует модус заботы о себе и своем домохозяйстве, но отсутствует модус заботы о чужом” [*Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья вторая. С. 71*]. Участие в боевых действиях вписано в логику стремления к индивидуальному благополучию. Путь подданного к “миру” становится более тернистым в экстремальных условиях войны суверенов, но сохраняет привычный вектор. Все это едва ли соответствует идее политической вовлеченности, в рамках которой продолжение существования политического сообщества признается самоцелью, оправдывающей индивидуальные экзистенциальные риски» (*Бродский В. И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. 2022. Т. 34. № 3–4. С. 96*).

особенностей социальных групп или структур. Напротив, социальные группы и структуры возникают только после того, как политическая власть устанавливает модели взаимодействия и правила для их управления»³⁶⁸. Несмотря на то, что естественное состояние принято называть *дообщественным*, едва ли можно утверждать, что возникновение социальных групп как таковых оказывается возможным только в связи с учреждением суверена. Скорее проблема заключается в том, что в естественном состоянии подобным союзам не гарантировано мало-мальски стабильное существование: «Самый важный и самый трудный момент состоит здесь в следующем. Гоббс отдавал себе отчет в том, что неполитические связи между людьми (семьи и союзы семей) существуют также до и помимо государства. Но он считал, что у негосударственных образований нет ни шансов выстоять в войне, если кто-то на них нападет, ни устроить достаточно надежную мирную совместную жизнь (которую он традиционно считал возможной лишь в политическом сообществе)»³⁶⁹. Все вышесказанное не отменяет царящую в естественном состоянии враждебность, но однозначно говорит в пользу того, что социальная онтология Гоббса представляет собой более сложную и менее «угловатую» конструкцию, чем принято считать.

Идея суверенного производства социального, которую авторы приписывают Гоббсу, еще меньше соответствует «Политической теологии». Задаваясь вопросом о том, что именно в действиях суверена обеспечивает успех в установлении нового порядка, Кроче и Сальваторе дают следующий ответ: «то, что позволяет суверенному решению быть успешным, — это формирующее воздействие, которое оно оказывает на *форму жизни сообщества*»³⁷⁰. В роли последней выступает «когнитивная рамка, фильтрующая отношения между членами сообщества и миром и, таким образом, формирует практическое отношение членов сообщества к

³⁶⁸ Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes. P. 1109.

³⁶⁹ Филиппов А. Ф. Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения. С. 28.

³⁷⁰ Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes. P. 1108.

миру»³⁷¹. Кроче и Сальваторе признают, что Шмитт не использует понятие *формы жизни*, но утверждают, что оно образует необходимую теоретическую предпосылку «Политической теологии»³⁷². Суммируя вышесказанное, авторы делают вывод, что успех суверена как учредителя нового порядка «зависит от его способности влиять на форму жизни сообщества более эффективно, чем приостановленный порядок...»³⁷³. Новая система социальных групп и отношений между ними, о которой говорилось ранее, судя по всему, мыслится итальянскими учеными как продукт внедрения задуманной сувереном новой формы жизни сообщества.

Тезисы авторов не находят подтверждения в тексте «Политической теологии». Прежде всего, стоит отметить, что несмотря на то, что порядок действительно *заново* учреждается сувереном³⁷⁴, проблема успеха или неудачи этого начинания в работе Шмитта просто не ставится. Читателя может интересовать то, как чрезвычайное преобразуется в рутинное, или то, как политически вовлеченный индивид (в том случае, если чрезвычайное положение того требовало) становится лояльным гражданином, но все это — вопросы иного характера³⁷⁵. Логика итальянских авторов требует от суверена экстраординарных действий для того, чтобы задуманный им порядок был воплощен, и погружает эту перспективу в систему условий (что делает желаемый результат отнюдь не гарантированным), однако для Шмитта подобное развитие событий — просто юридическая данность: в возникающем правовом вакууме чрезвычайного положения суверенное решение определяет, *что* есть фактическая нормальность, и *каким* должен быть правопорядок, чтобы ей соответствовать. Все это, с одной стороны, является набором импликаций действующей конституции, с другой —

³⁷¹ Ibid.

³⁷² Шмитт использует определение государства как формы народной жизни в «Политической теологии», но лишь единожды и в целях реконструкции позиции Вольцендорфа (*Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 29*).

³⁷³ *Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes. P. 1109.*

³⁷⁴ *Баишков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. С. 72.*

³⁷⁵ *Там же. С. 73, 80.*

открывает широкую дорогу правовым и социально-политическим преобразованиям.

Что касается заявленной близости Гоббсу, то она действительно присутствует в «Политической теологии», но совсем в другом аспекте. Для Шмитта потенциальное решение об исключении доказывает, что несмотря на все попытки теоретиков чистого права растворить суверенитет в правопорядке, суверен остается его источником и *внешним* гарантом, стоящим *за* гражданским законом, в полном соответствии с логикой Гоббса. Тезис о том, что суверен дает гражданский закон всем, кроме самого себя, красной нитью проходит через весь «Левиафан». Важность этого принципа особенно ярко являет себя в том, что Гоббс помещает «мнение о том, что суверен подчинен гражданским законам» в список причин, ведущих государство к распаду, отмечая, что оно является «противоречащим природе государства»³⁷⁶. Чрезвычайное положение, возможность введения которого предусмотрена статьей 48 Веймарской конституции, указывает на то, что суверен сохраняет это положение — от его решения относительно фактической (не)нормальности зависит валидность правопорядка как такового. Он перманентно «создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности», на фоне чего справедливо утверждать, что «всякое право — это “ситуативное право”»³⁷⁷. Суверен стоит *за* правопорядком, имея возможность полностью его приостановить.

Одним из важных выводов Сальваторе и Кроче становится указание на то, что, согласно Шмитту «до того, как политическая власть установит *правовой* (курсив мой — В.Б.) порядок, нет никакого порядка вообще»³⁷⁸. С этим утверждением можно согласиться, но лишь частично. Еще со времен «Политического романтизма» Шмитт готовит нас к тому, что только решение (а не, например, вечный разговор) способно провести черту между нормальным и ненормальным, образуя наиболее фундаментальное основание социального

³⁷⁶ Гоббс Т. Левиафан. С. 253.

³⁷⁷ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 15–16.

³⁷⁸ Croce M., Salvatore A. The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes. P. 1109.

порядка³⁷⁹. Вместе с тем в «Политической теологии» Шмитт доказывает, что обеспечение фактической нормальности предшествует установлению правового порядка, и что уже на этом этапе справедливо говорить о возникновении порядка, являющегося более первичным по отношению к конституционному. Тезис «должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок»³⁸⁰ подводит однозначную черту под рассматриваемым рассуждением.

Порядку противостоит ситуация, в рамках которой царит радикальный индивидуализм, проявляющийся в том, что всякий субъект мнит себя замкнутым *целым*, движущимся по собственной, ничем не детерминированной траектории. Шмитт хорошо знаком с этой проблемой как критик политического романтизма. Таким образом, уже на этапе написания «Политической теологии» он предметно заинтересован в *единстве*, и чрезвычайное положение стоит рассматривать с точки зрения связанных с этим интересом перспектив. Вместе с тем описываемый авторами объект, на который направлена созидательная деятельность суверена, рассматриваемый ими как ключ к подобным преобразованиям, — *форма жизни* сообщества — выглядит привнесенным элементом, не имеющим отношения к программе Шмитта. «Политическая теология» — преимущественно *юридическое* произведение, и содержащийся в нем социально-политический *потенциал* не отменяет того, что в этом тексте Шмитт сосредотачивается только на *юридических* средствах, способных приблизить подобную возможность. При этом не следует умалять их значение: реванш суверенитета означает трансцендирование институтов правового государства, прекращение действия системы сдержек и противовесов. Это решает сразу две взаимосвязанные задачи: с одной стороны позволяет преодолеть правовую механику, поддерживающую либеральный индивидуализм (Шмитт рассматривает принцип разделения властей с защитой

³⁷⁹ Имеет смысл вновь привести следующий фрагмент: «... ни одно общество не в состоянии обрести порядок без понятия о том, что есть нормальное и что есть право. Нормальное — это неромантическое понятие, поскольку всякая норма разрушает окказиональную несвязанность романтического» (Шмитт К. Политический романтизм. С. 281).

³⁸⁰ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 15.

индивидуальных свобод уже в «Диктатуре»³⁸¹), с другой — открывает дорогу прямой политической репрезентации. В ситуации чрезвычайного положения «... государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план»³⁸², а именно — действует в режиме непосредственного правления, сосредоточенного в руках субъекта решения об исключении. Так суверен являет себя как фигура, репрезентирующая единство политического сообщества³⁸³, субстанциальное единство которой актуализирует идею народа как целого в противовес диссоциирующим тенденциям *Gesellschaft*. Выражаясь языком Гоббса, репрезентация устанавливает связь с *народом*, а не с рассеянным *множеством*³⁸⁴
³⁸⁵. *Народ заключен в суверене*, и отказ от самой идеи суверенитета, ответственность за который несут апологеты учения о чистом праве, чреват превращением в бессмыслицу любых представлений о целостности народа. Как уже отмечалось ранее, «Шмитт желает реального единства народа, а также реального, не формального единства руководящей воли»³⁸⁶, и чрезвычайное положение может быть рассмотрено как путь к установлению этого соответствия. Вместе с тем программа «Политической теологии» ограничивается самим реваншем суверенитета (становящимся возможным благодаря юридической логике существования государства, которую, в частности, несет в себе Веймарская конституция) как способом реактуализации единства народа, закрепляемого и

³⁸¹ «Практическая цель разделения властей и сохранения промежуточных инстанций состояла в том, чтобы преломить власть государства в системе препятствующих и взаимно ограничивающих друг друга компетенций и тем защитить свободу отдельного человека» (Шмитт К. Диктатура. С. 141).

³⁸² Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 14.

³⁸³ Bates D. Political Theology and the Nazi State: Carl Schmitt's Concept of the Institution // *Modern Intellectual History*. P. 432.

³⁸⁴ См. Мареи А. В. «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф. Слово.ру: Балтийский акцент. Т. 11. №. 3. С. 8–24; Третьяк А. Р., Тинус Н. Н. Политическая логика «Multitudo» в работах Гоббса и Спинозы // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2019. Т. 95. №. 4. С. 6–24.

³⁸⁵ В учении Шмитта этот принцип переводится на язык юриспруденции: «... народ (*Volk*) — это понятие, существующее только в сфере публичного права, и народ возникает не как сумма индивидуальных волей, а как единая и неделимая сущность» (Orsi R. On the Concept of Volk in Carl Schmitt. P. 695).

³⁸⁶ Шмитт К., Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.). С. 83.

сохраняемого посредством нового правопорядка. Таким образом, проект 1922 года не предполагает выход за рамки юридического инструментария.

Работа Кроче и Сальваторе не учитывает этот факт. Возникает ощущение, что авторы пытаются обнаружить в «Политической теологии» теоретическую механику, которая появится в учении значительно Шмитта значительно позже — в работе 1933 года «Государство, движение, народ»³⁸⁷. В этом произведении народ рассматривается как *аполитичный* элемент трехчастного политического единства, который наряду со *статичным* государством как бюрократическим аппаратом претерпевает проникновение и оформление со стороны динамического политического *движения*³⁸⁸. Социально-экономический порядок, ассоциирующийся с аполитичным народом, представляется самоорганизующимся, но на самом деле «целиком и полностью покоится на политическом решении политического лидерства (*Führung*)»³⁸⁹. Несмотря на общую идею того, что за всяким порядком стоит решение, «Политическая теология» и «Государство, движение, народ» несут в себе существенно отличающиеся программы. Последняя содержит идею народа как пассивной, претерпевающей стороны, политическое оформление которой — задача движения, определяющего характер и структуру привносимой формы. В «Политической теологии» этого элемента еще нет, что совершенно не удивляет, поскольку на данном этапе Шмитт решает совсем другие задачи. Одна из них состоит в указании на то, что суверен остается важнейшим и неотъемлемым элементом любой государственности, вторая — в раскрытии тезиса о структурной аналогии между теолого-метафизической и государственно-правовой системами понятий. Последняя обладает не менее мощным потенциалом

³⁸⁷ Schmitt C. Staat, Bewegung, Volk: die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg, 1933: Hanseatische Verlags-Anstalt. 46 S.

³⁸⁸ Ibid. S. 12–14. Отметим, что в актуальной литературе *движение* рассматривается в качестве преемника суверена «Политической теологии»: «в других работах Шмитта (речь о тексте «Государство, движение, народ» — В. Б.) суверенность утверждает себя как непрерывность “движения”, а не сингулярность творческого акта» (Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление. С. 360).

³⁸⁹ Schmitt C. Staat, Bewegung, Volk: die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg, 1933: Hanseatische Verlags-Anstalt. S. 17. S. 17.

в контексте проблемы социального порядка, чем первая. Этот тезис будет раскрыт в следующем параграфе.

Кроме и Сальваторе правы в том, что впоследствии Шмитт признает односторонность рассмотренной стратегии, осознает риски, исходящие изнутри социального, и вводит дополнительные условия, невыполнение которых делает единством невозможным. Но все это — следствие его обращения к *человеческой субстанции порядка*, вынесенной за скобки юридической аргументации «Политической теологии». Шмитт осознает, что порядок нуждается не только в *фактической*³⁹⁰, но и *социальной* гомогенности — в противном случае степень ассоциации человека с теми или иными общественными силами может превысить уровень общей политической лояльности и стать источником внутренней враждебности, в то время как выбор государства в пользу коллективного врага рискует быть не понят и не принят большинством. Подобные перемены не должны удивлять — Шмитт «мыслил “кризисно”, т. е. обращал внимание на конкретные проблемы и стремился ударить в самое их основание, предложить новые, неожиданные пути рассуждения»³⁹¹. Осознание того, что разработанное им решение сталкивается с новыми вызовами, подталкивает ученого к поиску альтернатив. Таково развитие мысли Шмитта от «Понятия политического» к «Учению о конституции»: признавая связанные с внутренней диссоциацией угрозы в более раннем произведении, Шмитт пытается пресечь их путем введения условия в виде основанной на социальной гомогенности *самотождественности* народа в более позднем. В случае невыполнения этого требования решение рискует стать примером «максимума правительства», рассматриваемого Шмиттом в качестве обратной по отношению к эфемерному «максимуму тождества», нежелательной крайности³⁹². На этом этапе творчества Шмитт уже напрямую связывает политическое существование народа с готовностью вести войну и признает ограниченность юридического инструментария в решении соответствующих задач.

³⁹⁰ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 15.

³⁹¹ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта. С. 190.

³⁹² Шмитт К. Учение о конституции. С.57.

Если исключение сопряжено с боевыми действиями³⁹³, решительность суверена в его объявлении бесперспективна вне решимости народа дать отпор врагу. Тем не менее сама постановка данной проблемы и последующий поиск ее решения — следствие развития мысли Шмитта в новых контекстах, которых еще нет и не может быть в «Политической теологии».

§ 3. Политическая теология как социология юридических понятий: мыслить с Вебером против самого Вебера³⁹⁴.

Описанная выше работа Шмитта с концептом суверенности — часть более широкого проекта политической теологии как *социологии юридических понятий*. Эта сторона произведения несет в себе колоссальное значение в контексте проблематики социального порядка. Достаточно отметить, что в рамках данной стратегии одним из открыто определяемых Шмиттом врагов является Михаил Бакунин как репрезентант анархистской традиции — учения, стремящегося уничтожить порядок в своем утробе³⁹⁵. Подобная полемика становится следствием того, что «социология юридических понятий предполагает наличие последовательной и радикальной идеологии»³⁹⁶.

Введенное Шмиттом определение политической теологии как социологии юридических понятий требует пояснений исходя из более широкого дискурсивно-методологического контекста. Отечественный исследователь В. Е. Кондуров прослеживает три центральных положения политической теологии («социологический тезис»; тезис концептуальной аналогии; тезис структурной аналогии), и совершенно справедливо замечает, что первому из них —

³⁹³ Шмитт К. Понятие политического. С. 314.

³⁹⁴ Результаты, полученные в настоящем параграфе, будут опубликованы: Бродский В. И. Политическая теология как призвание и профессия: Макс Вебер и Карл Шмитт // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9. № 1. С. 13–47.

³⁹⁵ О «Политической теологии», с точки зрения полемики с анархистами, см. Семиглазов Г. С. Преодоление политико-теологической логики в анархизме Густава Ландауэра // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2024. Т. 114. №. 3. С. 25–29.

³⁹⁶ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 39.

утверждающему, что политическая теология представляет собой социологию юридических понятий, — недостает ясных определений³⁹⁷.

Наиболее содержательное уточнение этого концепта обнаруживается в шмиттовском рассмотрении его возможных интерпретаций. Отбросив несколько вариантов, Шмитт рассуждает о наиболее точном: «... предпосылкой этого рода социологии юридических понятий является радикальная понятийность, то есть дошедшая до теологического и метафизического последовательность мысли. Метафизическая картина мира определенной эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма ее политической организации»³⁹⁸. На этом фоне совершенно справедливым является следующее заключение Кондурова относительно содержания «социологического тезиса»: «Данный тезис одновременно говорит о структуре понятий и устанавливает ее взаимосвязь с метафизической картиной мира эпохи. Политическая теология имеет дело, в первую очередь, не с отношением причины и следствия, но с отношениями *соответствия* (курсив мой — В.Б.)»³⁹⁹. Таким образом, социология юридических понятий ищет и исследует соответствие между политико-правовым мышлением и его «метафизической изнанкой»⁴⁰⁰. В заданном контексте политико-теологическую природу обретает и проблема *не-соответствия*, способная, в частности, возникнуть в том случае, когда испытывающее дефицит легитимности государственное образование эпохи Модерна, стремится устранить его путем эксплуатации смыслов, концептов и символов, являющихся продуктами духовной жизни ушедших эпох и потерявшей актуальность метафизики⁴⁰¹. Спустя почти 50 (!) лет

³⁹⁷ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод. С. 57.

³⁹⁸ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 42.

³⁹⁹ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод. С. 58.

⁴⁰⁰ Башков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. С. 69.

⁴⁰¹ «Метафизические представления, в структуру которых входят соответствующие понятия, чтобы быть “ярчайшим выражением эпохи”, должны быть типичными и в этом смысле “нормальными”. Соответственно, типичными, “нормальными”, должны быть и аналогичные им государственно-правовые представления и понятия» (Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод. С. 66). Поставленная выше проблема фиксирует ситуацию *ненормальности* политической риторики, в рамках которой транслируется представления о государственной жизни, соответствовавшие прежней метафизической картине мира и утратившие идейное единообразие с актуальной.

Шмитт открыто ставит ее в «Политической теологии II»: «Легитимность (Нового времени — В.Б.) повлекла бы за собой целую контрабанду старых понятий и заимствований и могла бы затронуть традицию, наследие, отцовство и древнюю некромантию»⁴⁰². Шмитт открыто признает, что данное заключение принадлежит теоретическому контексту социологии Макса Вебера и тем самым вновь указывает на классика как на подлинного учредителя политической теологии. Обозначенная проблема становится еще острее в свете того, что политическая теология для Шмитта — это еще и «попытки полемически использовать язык сакрального в целях политической мобилизации»⁴⁰³. Для стоящего у истоков политической теологии Вебера с исчезновением веры в надмирное «распадается и вся этическая унификация жизни»⁴⁰⁴, что несет в себе риск распада унификации политической. Карл Шмитт, мыслящий политическое бытие как единство, не может не воспринять подобную перспективу как политико-теологический вызов, требующий решительного и содержательного ответа.

Отмеченная выше процедура *контрабанды* смыслов, относящихся к мировоззренческим парадигмам прошлого, может представлять собой верхушку айсберга, скрывающую за собой более масштабную проблему, так как сама необходимость в ней указывает на дефицит или даже *вакуум* значимого как такового. Поскольку именно со значимым Вебер преимущественно связывает принятие принуждения, поддерживающего социальную регулярность⁴⁰⁵, его упреждение чревато разрывом, *угрожающим самим основаниям социального порядка*⁴⁰⁶. Тревога в отношении подобных перспектив расплывлена по одному из

⁴⁰² Шмитт К. Политическая теология II. С. 194.

⁴⁰³ Кильдюшов О. В. Спасутся не все: границы политического сообщества как социально-онтологическая предпосылка // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 91.

⁴⁰⁴ Кильдюшов О. В. Макс Вебер и политическая теология Фридриха Наумана. С. 658.

⁴⁰⁵ Филиппов А. Ф. Политическая социология Макса Вебера. С. 11.

⁴⁰⁶ В одной из новейших работ, посвященных сравнению концепций легитимности у Вебера и Шмитта утверждается, что «...политическая теология Шмитта утверждает (в отличие от Вебера — В. Б.), что легитимность требует чего-то большего, чем вера в техническое и процедурное применение установленных норм и правил» (Kökerer C. M. Max Weber and Carl Schmitt on Legitimate Domination: Belief in Legitimacy or Acknowledgement of Legitimacy? // Critical Sociology. 2024. Vol. 0. №. 0 [Forthcoming]. P. 7). Соглашаясь с реконструкцией шмиттовской позиции, отметим, что представленное противопоставление не учитывает тот факт, что Вебер (прежде

важнейших трудов классика — «Промежуточному рассмотрению»⁴⁰⁷ — и именно на нее Шмитт впоследствии реагирует в своем программном высказывании «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций»⁴⁰⁸. Поскольку шмиттовский проект политической теологии как социологии юридических понятий в значительной степени становится ответом на брошенный Вебером вызов, необходимо кратко реконструировать образующие его положения. Наиболее компактно они представлены в произведении, высочайшая ценность которого позволяет говорить о нем как о «главном труде Макса Вебера»⁴⁰⁹.

«Промежуточное рассмотрение» крайне остро ставит проблему исчезновения веры в надмирное, отличающей еще не секуляризованную метафизику. Именно с внемирским напрямую связаны *блага спасения*, представления о распределении которых формируют мотивы социального действия в тварном мире и становятся фундаментальным источником социального порядка⁴¹⁰. Пессимистичный тон «Промежуточного рассмотрения» связан с тем, что исчезновение надмирного как элемента конвенционального мировоззрения оставляет человека Модерна без источника ориентиров и смыслов, делает невозможным осмысление и принятие привычных социальных структур. Секуляризация в глазах классика — не просто снижение социального значения религии, а нечто, что в целом «стирает саму сферу

всего, как автор «Промежуточного рассмотрения») и сам проблематизирует «техническое и процедурное применение установленных норм и правил». В библиографическом списке процитированной статьи «Промежуточное рассмотрение» отсутствует.

⁴⁰⁷ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 399–445.

⁴⁰⁸ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 48–58.

⁴⁰⁹ Так охарактеризовано «Промежуточное рассмотрение» (в паре с «Введением» [Вебер М. Введение / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб., 2017. С. 23–68.] одним из ведущих вебероведов Ф. Тенбруком (см. Тенбрук Ф. Главный труд Макса Вебера. С. 76–121).

⁴¹⁰ Как утверждает Вебер, «наиболее почитаемые блага религиозного спасения — экстатические и визионерские способности шаманов, колдунов, аскетов и пневматиков всех видов — не были достижимы для каждого, поскольку обладание ими было связано с “харизмой”, которая может проявиться у многих, но не у всех» (Вебер М. Введение. С. 49–50). Харизма — точка пересечения веберовской социологии религии и веберовской социологии господства, главный источник влияния духовной жизни на структуры социального порядка (Кильдюшов О. В. Социология религии как теория социального порядка (к выходу по-русски исследования Макса Вебера «Конфуцианство и даосизм»). С. 7–8).

значений, ценностей и верований, в которой действовали религиозные/политические движения»⁴¹¹ ⁴¹². Исследователи прослеживают подобную тревогу и в шмиттовском учении, отмечая, что различные тенденции, характеризующие современность (включающие расколдовывание и рационализацию), сопряжены с невозможностью взывания к «опустошенным небесам» в надежде на спасение⁴¹³.

Фундаментальное несовпадение логики вопрошания и тех возможностей, что предоставляет новый мировоззренческий контекст для обнаружения ответа — общая проблема эпохи, частным случаем которой является ее политическая проекция. Сама постановка вопроса о *смысле* теряет адекватность в расколдованном мире, представляющем собой «каузальный механизм»⁴¹⁴. Эта зависимость просматривается на примере проблемы несправедливого воздаяния: согласно Веберу, «чем интенсивнее рациональное мышление бралось за проблему несправедливого воздаяния, тем менее возможным представлялось ее чисто мирское решение и менее вероятным и менее осмысленным — внемирское»⁴¹⁵. Так Вебер доносит до читателя важнейший тезис — проблемы и запросы, обладающие для человека *экзистенциальным значением*, не могут быть решены и удовлетворены в секуляризованном мире, поскольку посюсторонние ответы едва ли способны удовлетворить вопрошающего (важный пример будет рассмотрен далее в работе), в то время как любые ответы, отсылающие к внемирскому, рискуют быть отвергнуты рациональным мышлением. На фоне столь глубокого противоречия *значимое* действительно образует вакуум, лишая государственно-

⁴¹¹ *Magalhães P. T.* A Contingent Affinity: Max Weber, Carl Schmitt, and the Challenge of Modern Politics. P. 291.

⁴¹² Возникающая на этом фоне проблема являет себя через кризис легитимности, но сущностно представляет собой исчезновение самой *возможности* легитимности. Она уже принадлежит контексту, который впоследствии материализуется в шмиттовской политической теологии, в рамках которой «отношения государства и теологии не просто обслуживают легитимность правления, но составляют экзистенциальное поле легитимности как таковой» (*Мерзенина А. С.* Политизация теологии и теологизация политики: диалог Яна Ассмана и Карла Шмитта. С. 83).

⁴¹³ *Rasch W.* Carl Schmitt: State and Society. London and New York, 2019. P. 15.

⁴¹⁴ *Вебер М.* Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 434.

⁴¹⁵ *Там же.* С. 438.

правовые структуры необходимой «метафизической изнанки». По словам Вебера, важнейшей предпосылкой «всякой теологии» характерна установка на то, что «мир должен иметь смысл»⁴¹⁶. Снятие этого принципа в условиях мира, ставшего в сознании человека каузальным механизмом, уничтожает саму возможность теологии⁴¹⁷.

Главным социальным следствием потребности в спасении Вебер видит становление этики братства, выступающей в роли главного источника социальной динамики еще не секуляризованного мира. Отсутствие любви — признак иллюзорности спасения; именно оно ставится в вину искусству и эротике как сотериологическим сублимациям. В художественной сфере возможно лишь *спасение от обыденности*, мирской рутины⁴¹⁸. Искусство производит не любовь, а «безответственное наслаждение»⁴¹⁹ — эстетическое переживание, не накладывающее на субъекта никаких обязательств по отношению к другому. Эотику Вебер видит формой патологической одержимости, сопряженной с насилием над другим и скрытым эгоцентризмом; ее субстанция — «рафинированное наслаждение самим собой в другом, имитирующее самоотверженность»⁴²⁰. Эротизм не переносит любовь в узкое пространство взаимоотношений с партнером, а лишь замыкает страсть на самом субъекте переживания. Отсутствие побуждения к принятию ответственности за другого понижает статус подобного чувства до наслаждения⁴²¹. Данное рассуждение

⁴¹⁶ Вебер М. Наука как призвание и профессия / пер с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденоко // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 732.

⁴¹⁷ При этом, как справедливо отмечает М. Фетисов, ссылаясь на Х. Майера, — именно попытки отвергнуть или преодолеть политическую теологию становятся катализатором шмиттовского желания ее разыскать (Фетисов М. Политическая теология и секуляризация. О настойчивости одного понятия // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №3. С. 33).

⁴¹⁸ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 422.

⁴¹⁹ Там же. С. 423.

⁴²⁰ Там же. С. 431.

⁴²¹ Рассматриваемые тезисы Вебера местами созвучны положениям шмиттовской критики политического романтизма. Отталкиваясь от идеи того, что «высшая и самая надежная, незыблемая реальность старой метафизики — трансцендентный Бог — была устранена» (Шмитт К. Политический романтизм. С. 111) в метафизике XVII–XIX, а ее место занял самодовольный субъект, Шмитт упрекает бенефициаров этой трансформации — политических романтиков — в том, что для них «все реальное — только повод» (Там же. С. 154) к

коррелирует с представлениями Тённиса о том, что в условиях *Gesellschaft* сторона любых связей (включая любовные) сохраняет дистанцию по отношению к противоположной и «выступает только за себя»⁴²², эффективно скрывая свои истинные намерения⁴²³.

Государственные образования секуляризованного и расколдованного мира воспроизводят логику братства, отделяя себя от прочих политических единств, и настаивают на легитимности поддерживающего социальный порядок принуждения, «недобросовестно заимствуя» риторику любви. Фоном этого процесса является исчезновение веры во внемирское спасение, ранее служившей важнейшим источником *значимого*, обеспечивающего социальным порядок надежным основанием. Потенциальная невозможность объяснения *смысла* государственного принуждения в его внешнем и внутреннем аспектах являет собой зарю катастрофы, поскольку на подобном фоне государство рискует быть признано не более чем *источником произвольной жестокости*⁴²⁴. Подобная характеристика указывает на очевидный кризис государственной легитимности, с которым (вероятно, не без влияния Вебера) соглашается Шмитт⁴²⁵, рассматривая его как требующий решительного ответа политико-теологический вызов.

Важнейшим социальным следствием ухода веры в надмирное становится исчезновение самой возможности братства. Современность обнаруживает лишь мнимые, искусственно поддерживаемые иллюзии единств. Для Вебера весьма принципиально то, что государство не является исключением из этого правила: используемая им риторика братства — ширма, скрывающая преследование

эстетическому переживанию, несущему в себе лишь наслаждение *собственной* эмоциональностью, сопряженное с тотальной неспособностью к полноценному социальному действию (*Там же*. С. 173, 178).

⁴²² Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 63.

⁴²³ *Там же*. С. 69.

⁴²⁴ Полноценный государственный порядок возникает лишь тогда, когда осуществляемое в его рамках насилие признается «валидным и обязывающим». Совершенно справедливо, что «насилие само по себе не может быть источником подобной веры; оно не способно производить свою собственную валидность, принимаемую в рамках консенсуса» (*Magalhães P. T. A Contingent Affinity: Max Weber, Carl Schmitt, and the Challenge of Modern Politics*. P. 288).

⁴²⁵ *Rasch W. Carl Schmitt: State and Society*. London and New York, 2019. P. 15.

собственных интересов и принципиальную неспособность к любви. Следует отметить, что само напряжение между религиозными и политическими порядками не является для Вебера продуктом секуляризации, оно возникает в момент самого факта столкновения. Религии спасения претендуют на установление универсальных систем ценностей, в которых не находится места тому, вокруг чего конституируются политические сообщества. Как совершенно справедливо утверждает А. Ф. Филиппов, «там, где у Вебера религия попадает сразу в напряженное отношение к порядкам мира, а потом перестает быть универсальным знанием, универсальным отношением к порядкам мира и социальной жизни, у Шмитта речь идет о том, что понятия богословия в ходе секуляризации приобретают новое измерение в политической философии и юриспруденции»⁴²⁶. Вместе с тем Модерн делает это напряжение максимально острым, поскольку рационализированное государство утверждает в роли чего-то абсолютно *противоположного* идеалам братства. Продолжающееся обращение государственных порядков к идеологемам, соответствующим содержанию религий спасения, усугубляет проблему и сближает ее со шмиттовским контекстом на фоне усиливающейся рассинхронизации государственного-правового и метафизико-теологического.

Поставленная проблема включена в масштабный контекст глобального процесса рационализации, сопровождающего человеческую историю. Расколдовывание, секуляризация и рационализация — тесно связанные, но не идентичные понятия (отметим, что все они — в фокусе пристального внимания Шмитта⁴²⁷). Последнее фиксирует универсальную (и необратимую) тенденцию к «сознательному овладению ситуацией в свете собственных интересов»⁴²⁸, самостоятельной постановке целей и определению путей их достижения субъектом

⁴²⁶ Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. С. 495.

⁴²⁷ McCormick J. P. Transcending Weber's Categories of Modernity? The Early Lukács and Schmitt on the Rationalization Thesis. P. 134.

⁴²⁸ Вебер М. Господство / пер. с нем. А. Н. Беляева, А. Ю. Антоновского, А. В. Михайловского, М. И. Левиной, Л. Г. Ионина // Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 4 / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 412.

действия. Государство, двигаясь по рельсам рационализации, реализует собственную политику, руководствуясь «предметно-прагматическим государственным интересом: абсолютной самоцелью сохранения (или изменения) внутреннего и внешнего распределения власти...»⁴²⁹. На этом фоне «обращение к чисто насильственным средствам принуждения не только вовне, но и внутри существенно значимо для каждого политического союза»⁴³⁰, поскольку в условиях исчезновения подлинного братства политический порядок поддерживается лишь «с помощью жестокой силы, лишь номинально и изредка заботящейся о справедливости...»⁴³¹. Деятельность государства, нацеленная на сохранение распределения власти, порождает «все новое насилие вовне и внутри», а риторика братства, призванная легитимизировать подобные акции представляет собой лишь «фарисейски скрываемое отсутствие любви»⁴³² ⁴³³. Таким образом, Вебер оказывается близок к тому, чтобы отождествить рационализированное государство с конвейером, производящим произвольное внешнее и внутреннее насилие, *исключительно ради того, чтобы сохранить за собой возможность производить его и в будущем*. Учитывая то, что рационализация захватывает и индивида, для которого столь же характерно стремление к овладению ситуацией исходя из *собственных* интересов, будущее политических сообществ не может не быть поставлено под вопрос. Индивидуальное *ratio* едва ли способно подтолкнуть своего носителя к преданности замкнутому на своих целях аппарату насилия и тем более — к обеспечению его бесперебойной работы в качестве расходного материала. Потенциальная деструкция единств на фоне все более *бессмысленной* ожесточенности рационализированных политических порядков — одно из следствий рационализации, позволяющее говорить о самом процессе как об

⁴²⁹ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 412.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Там же. С. 439.

⁴³² Там же.

⁴³³ Проблема исчезновения любви из политической плоскости обсуждается и в новейших исследованиях. См. Каспэ С. И. «Любовь во время войны». С. 13–61.

«антиутопическом»⁴³⁴. Эта сторона учения Вебера громко сообщает о том, что теоретическое наследие классика наполнено напряжением, сосредоточенным в проблеме социального порядка. А. Ф. Филиппов справедливо отмечает, что «мощь “грубых, материальных интересов”, о которых не устает напоминать Вебер, может быть угрозой порядку»⁴³⁵. Здесь же этот принцип доведен до апогея: рационализированный (но от того не менее грубый!) интерес государства Модерна становится столь острым и односторонним, что *сам становится угрозой порядку*, провоцируя все большее отклонение индивида от собственной ожесточенности. Столкновение интересов государства как источника произвольного насилия и обладающего индивидуальным *ratio* гражданина способно мотивировать всестороннее *своеволие*, приближающее Гоббсово естественное состояние. Таким образом, пытаясь дать ответ на вызовы учения Вебера, Шмитт имеет дело с еще одной ипостасью проблемы социального порядка в немецкой социологии.

Рационализация государственной машины сопровождается ее нейтрализацией — тот, кто «следует идеальному смыслу рациональных правил осуществления порядка государственной власти», действует «без ненависти, а потому и без любви»⁴³⁶, видя в объекте, на который направлено действие, лишь обезличенную переменную, в отношении которой действует стандартная процедура. Подобные установки извлекают братскую любовь из политического контекста — государство как «большое предприятие»⁴³⁷ требует отношения к человеку не как к брату, а как к инструменту или ресурсу. Действующий на этих основаниях социальный порядок обнаруживает себя в определенных социально-политических границах и поддерживается принуждением, предполагающим возможность осуществления насилия. Оба факта подталкивают к социально-

⁴³⁴ *Villa D.* The Legacy of Max Weber in Weimar Political and Social Theory // Weimar Thought: A Contested Legacy / ed. by P. E. Gordon, J. P. McCormick. Princeton, New Jersey, 2013. P. 77.

⁴³⁵ *Филиппов А. Ф.* Политическая социология Макса Вебера. С. 17.

⁴³⁶ *Вебер М.* Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 411.

⁴³⁷ *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) / пер. с нем. Б. М. Скуратова // Политические работы (1895–1919) / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. С. 128.

онтологическому вопрошанию — кто и почему включен в социальный порядок, в котором я себя обнаруживаю? По какой причине я должен защищать его от тех, кто бросает ему вызов извне? В связи с чем я должен мириться с принуждением, делающим социальный порядок возможным? Для государственного образования весьма принципиально, чтобы каждый нашел удовлетворительные ответы на эти вопросы — в противном случае ему отнюдь не гарантировано успешное следование собственным «предметно-прагматическим интересам». Именно с этой целью на флаги поднимаются идеологемы, эксплуатирующие темы любви и братства, однако, как уже было отмечено ранее, в этом случае мы имеем дело лишь с «фарисейски скрываемым отсутствием любви»⁴³⁸ или «подражанием этике»⁴³⁹, когда они используются в апелляциях к моральной правоте. Вопиющий характер недобросовестности данной процедуры подчеркивается тем, что риторическая апелляция к братской любви осуществляется порядками, рациональные правила которых *нейтрализуют* саму ее возможность.

Представленные выше тезисы резко сталкиваются с фрагментом «Промежуточного замечания», посвященным осмыслению современного опыта участия в войне. В нем Вебер признает, что именно война способна производить на свет союзы, практически идентичные тем, что возникают благодаря религиям братского спасения: «Война как реализованная угроза применения насилия вызывает именно в современных политических сообществах пафос и чувство общности, массовую преданность и безусловную готовность к самопожертвованию у сражающихся, а кроме того, сострадание и любовь к страждущим поверх всех ограничений со стороны естественных союзов»⁴⁴⁰. Воюющее политическое сообщество и братство религии спасения представляют собой структурно идентичные феномены — крепчайшие единства, демонстрирующие готовность к заступанию в смерть: «единство выступившего на войну войска воспринимается

⁴³⁸ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 439.

⁴³⁹ Там же. С. 413.

⁴⁴⁰ Там же.

сегодня как единство вплоть до смерти, т. е. как максимальное единство»^{441 442}. Лишь в этом сегменте секуляризованного мира «индивид может верить, что умирает “за” *что-то* (курсив мой — В.Б.)»⁴⁴³. Отметим, что Вебер использует подчеркнуто неопределенную формулировку — самому воюющему нет необходимости рефлексировать над тем, что именно лежит в основе его мотивов: «то, почему и за что он идет на смерть, как правило, становится для него (как и для того, кто погибает по “призванию”) настолько несомненным»⁴⁴⁴, что соответствующие вопросы просто не задаются. Однако они не получают развития и в рассуждении самого Вебера. Причина тому — описанная выше ловушка: честное мирское решение должно воплотиться в малопривлекательном ответе «за сохранение за государством текущего внутреннего и внешнего распределения власти», напоминающем о «пустоте и бессмысленности»⁴⁴⁵ действий современного профессионального политика, а любые варианты, апеллирующие к внемирскому, рискуют быть дисквалифицированы рациональным мышлением, отказывающимся от самой идеи надмирного.

Низовая самообилизация и добровольческий энтузиазм, возникающие во время войн, ведущихся политическими порядками, с одной стороны, являются для Вебера неоспоримыми социологическими фактами⁴⁴⁶, с другой — явлениями,

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² При этом религия братского спасения отказывает политическому вооруженному конфликту в каком-либо сакральном статусе и считает возникающее в связи с ним боевое братство не более чем «отражением технически рафинированной жестокости борьбы, лишенным всякой ценности» (Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 414). Тем самым Вебер частично предвосхищает критику шмиттовского понимания политического Карлом Лёвитом, см. *Лёвит К.* Политический децизионизм.

⁴⁴³ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 413.

⁴⁴⁴ Там же. С. 414.

⁴⁴⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайдено // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 692.

⁴⁴⁶ В другой работе Вебер отмечает, что именно в моменты войн широкие массы населения переживают чувство политического единства: «В великие же моменты, например, в случаях войн, значение национальной мощи проникает и к ним в душу — и тогда оказывается, что национальное государство зиждется на самобытных психологических основах даже в широчайших экономически поработанных слоях нации, а не только у “надстройки”, представляющей собой организацию экономически господствующих классов» (Вебер М.

нарушающими логику рационализованного мира. Вебер не формулирует эту проблему напрямую, но его решение в пользу параллельного рассмотрения государства как бездушного автомата, двигающегося по своей собственной траектории без оглядки на кого-либо и что-либо, и того, за чей флаг некто не без энтузиазма готов отдать жизнь, создает очевидное напряжение. Как возможно столь проблематичное, труднообъяснимое сочетание? Каким образом большое предприятие, сердцем которого является конвейер, производящий произвольное внешнее и внутреннее насилие, становится точкой сборки подлинного единства, степень внутренней ассоциации которого идентична той, что отличает сотериологические братства? Все эти вопросы не проходят мимо Шмитта как одного из самых внимательных и рефлексизирующих читателей Вебера.

Как уже отмечалось ранее, проект политической теологии представляет собой целый пласт теоретического наследия Шмитта и выходит далеко за рамки одноименного произведения 1922 года. Полемическая рецепция учения Вебера, берущая начало в «Политической теологии», получает развитие в более поздних сочинениях Шмитта и образует сложную интеллектуальную работу, характеризующуюся чередующимися сближениями и отдалениями, зачастую образующими неразличимость. В поле зрения Шмитта оба описанных выше социологических факта: становление государственно-правовых порядков, функционирующих как «пустой аппарат»⁴⁴⁷, и готовность политически существующих народов умирать и убивать в условиях военных конфликтов. В обсуждении обоих аспектов Шмитт идет буквально за Вебером: в «Политической теологии» присутствует открытое, хоть и неохотное согласие с веберовским определением современного государства как «большого предприятия»⁴⁴⁸, а готовность к взаимному причинению смерти на уровне сообществ становится

Национальное государство и народнохозяйственная политика / пер. с нем. Б. М. Скуратова // Политические работы (1895–1919) / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М., 2003. С. 31).

⁴⁴⁷ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. С. 114.

⁴⁴⁸ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 58. Более того, «Шмитт согласен с веберовской критикой бюрократии в отношении ее тенденции поработать и деполитизировать человеческие сообщества» (Kökerer С. M. Max Weber and Carl Schmitt on Legitimate Domination: Belief in Legitimacy or Acknowledgement of Legitimacy? P. 6).

ключевым фактором в рамках шмиттовской концептуализации политического⁴⁴⁹. Описываемая Вебером ситуация кристаллизации политического единства в условиях войны — признак существования народа в качестве политической экзистенции⁴⁵⁰. Вместе с тем общая картина, складывающаяся из разбросанных по различным произведениям веймарского периода элементов, выглядит попыткой Шмитта *мыслить с Вебером против самого Вебера*⁴⁵¹. В основе этой стратегии лежит принцип, озвученный немецким юристом с барселонской трибуны: «Все существенные представления духовной сферы человека экзистенциальны, а не нормативны»⁴⁵². В рамках логики веберовского учения готовность человека отдать жизнь во время войны политических порядков не укладывается в систему рациональных правил, действующих в секуляризованном мире, а сам вопрос о ее *смысле* не может быть поставлен на фоне эпистемологических требований эмпирического мышления. Для Шмитта же она образует повод *пересмотреть саму картину мира*, делающую ее столь проблематичной. Это касается и общих положений, связанных со схлопыванием сферы надмирного, и специфически политических — определяющих природу государства.

В отличие от Вебера Шмитт не снимает вопрос о том, *за что* воюющий готов отдать жизнь, и попытка ответа возвращает его к *трансцендентному*, от которого «поспешил» отказаться классик. Шмитт наделяет этой природой⁴⁵³ возвышенное политическое единство, причастность которому делает политически

⁴⁴⁹ Шмитт К. Понятие политического. С. 310, 321, 326.

⁴⁵⁰ Достаточно вспомнить обсуждавшийся ранее фрагмент «Понятия политического», в котором напрямую говорится о необходимости снятия всех внутренних противоречий в военное время (Шмитт К. Понятие политического. С. 324).

⁴⁵¹ Данная формулировка вдохновлена тезисом Шанталь Муфф, объявившей о стремлении «мыслить со Шмиттом против Шмитта» (Mouffe C. On the Political. P. 14). Ученые фиксируют попытки Шмитта использовать положения веберовского учения против их автора, см. McCormick J. P. Transcending Weber's Categories of Modernity? The Early Lukács and Schmitt on the Rationalization Thesis. P. 165.

⁴⁵² Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 51.

⁴⁵³ На это наиболее явным образом указывает следующий фрагмент: «Но даже все активные граждане государства, вместе взятые, не являются в качестве суммы политическим единством народа, но репрезентируют политическое единство, которое возвышается над пространственно объединенным собранием и над моментом собрания» (Шмитт К. Учение о конституции. С. 42–43).

существующий народ способным на *экзистенцию*⁴⁵⁴. Существенность, *значимость*, на которой покоится государственный порядок, не исчезает; единство, честь, братство, любовь к собрату и Родине сохраняют свою принципиальную роль в духовной жизни, потому что именно в этой системе смыслов осознается политическое единство, *экзистенциальный* характер которого подтверждается готовностью отдать за него жизнь. *Неадекватными* становятся не они, а мышление и мировоззрение, в парадигме которых им не обнаруживается места. Настойчивость Вебера в отношении глобального и необратимого характера процессов рационализации и секуляризации превращает важнейшие социальные феномены в аномалии, существование которых рано или поздно должно сойти на нет. Именно этот аспект подразумевается учеными, отмечающими, что подход Вебера представляется Шмитту разочаровывающе «односторонним, неспособным адекватно объяснить существование конкретных, качественных проявлений социальной реальности»⁴⁵⁵.

Исследователи справедливо отмечают, что государство интересует Шмитта не «в формальном, инструментальном плане, а как субстантивное политическое единство»⁴⁵⁶. Шмитт признает, что институты «большого предприятия» — бюрократический нарост, довлеющий над единством народа как центром его политического бытия, но сохраняет надежду на то, что им не удастся окончательно и бесповоротно подменить его собой. Государство может переживать кризис, бюрократизируясь и превращаясь в бездушный автомат, решающий собственные задачи, и очевидно, что подобные условия создают существенные риски для политического единства. Оно может становиться *неактуальным*, забытым, оттененным иными ориентирами. Однако готовность людей умирать и убивать во время войны, с фактом которой соглашается Вебер, с точки зрения Шмитта, дает надежду на то, что именно оно — политическое единство — сохраняет свое

⁴⁵⁴ Шмитт К. Учение о конституции. С. 48–49.

⁴⁵⁵ McCormick J. P. Transcending Weber's Categories of Modernity? The Early Lukács and Schmitt on the Rationalization Thesis. P. 134.

⁴⁵⁶ Magalhães P. T. A Contingent Affinity: Max Weber, Carl Schmitt, and the Challenge of Modern Politics. P. 301.

экзистенциальное значение для человека, даже в том случае, если в мирное время оно перестает быть центром его мысли и действия, а государство переключается на сторонние задачи.

Признавая описанные Вебером тенденции к рационализации и бюрократизации государственной машины, угрожающие единству и порядку, Шмитт иначе интерпретирует отмеченную классиком готовность людей воевать по призыву политических порядков. Отмечая, что война превращает атомизированное *общество* в *общность*, Шмитт связывает возникающее *братство* со способностью народа к политической экзистенции, которая впоследствии мыслится им через призму связи с трансцендентным политическим единством. Шмитт как автор «Учения о конституции» пытается оформить и утвердить ее посредством *принципа репрезентации*, предметная разработка которого (не без учета выводов «Политической теологии») берет начало в работе «Римский католицизм и политическая форма»⁴⁵⁷, часто рассматриваемой в паре с «Политической теологией»⁴⁵⁸.

В «Учении о конституции» Шмитт настаивает на том, что подлинное политическое единство представляет собой высшую, незримую форму бытия⁴⁵⁹, способную явить себя лишь *репрезентативно*. Озвучивая это рассуждение, Шмитт дистанцируется от Вебера: государство обрисовывается им не как бездушная бюрократическая машина, а как институт правления, позволяющий посредством репрезентативных процедур «сделать видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия»⁴⁶⁰.

Шмиттовский способ осмысления политической репрезентации — пример концептуальной аналогии как одного из трех выделенных В. Е. Кондуровым

⁴⁵⁷ Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 60–92.

⁴⁵⁸ Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. С. 479.

⁴⁵⁹ Шмитт подчеркивает, что репрезентируется не «народ в его естественном наличии, а «политическое единство как целое» (Шмитт К. Учение о конституции. С. 52–53).

⁴⁶⁰ Шмитт К. Учение о конституции. С. 48.

слагаемых политической теологии⁴⁶¹. Ключом к его пониманию, как уже было отмечено, является сочинение «Римский католицизм и политическая форма», содержащая ряд прямых выпадов в отношении Вебера. Одним из важнейших аспектов этого произведения становится противопоставление подлинной репрезентации частному представительству, деятельности авторизованного агента. С одной стороны, «век экономического мышления»⁴⁶² наполнен отношениями и практиками, тяготеющими ко второму контексту, и эта ситуация передается Шмиттом с помощью абсолютно «веберовского» тезиса: «Ученый и торговец стали поставщиками или руководящими работниками. Торговец сидит в своем бюро, а ученый — в своем кабинете или лаборатории. Оба, если они действительно современны, *обслуживают предприятие* (курсив мой, — В.Б.). Оба анонимны. Бессмысленно требовать, чтобы они репрезентировали нечто. Они суть либо частные лица, либо экспоненты, но не репрезентанты»⁴⁶³. С другой — эти фигуры и контексты противопоставляются католической церкви, которая даже в секуляризованном мире Модерна, ставшем в сознании горожанина «огромной динамо-машиной»⁴⁶⁴, «хочет быть царственной невестой Христовой; она репрезентирует Христа правящего, господствующего, побеждающего. Ее притязание на славу и честь основывается в высшем смысле на идее репрезентации»⁴⁶⁵. Церковь «каждое мгновение являет собой образ вочеловечения и крестной жертвы Христа, она репрезентирует самого Христа, лично, ставшего в

⁴⁶¹ «Второй из тезисов (тезис концептуальной аналогии) означает утверждение отношений аналогии между государственно-правовыми и теологическими понятиями. Шмитт, говоря об аналогии, имеет в виду факт сходства «системных структур» соответствующих понятий. Принципиально важно то, что речь идет не о переносе “переходе” теологических понятий в политико-правовую область, но об анализе уже имеющегося соответствия между ними. Данное соответствие и представляет собой аналогию» (Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: курс и метод. С. 59).

⁴⁶² Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма. С. 75.

⁴⁶³ Там же. С. 76. Отметим, что к сожалению для Шмитта в этой компании могут оказаться и современные парламентарии, выступающие агентами группировок, возникающих вокруг экономических интересов. Несмотря на то, что современный парламентаризм содержит идею репрезентации на уровне «идеальных и теоретических оснований» (Там же. С. 80), на практике риторика репрезентации используется причастными лишь в качестве обманчивого фасада (Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. С. 113).

⁴⁶⁴ Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма. С. 69

⁴⁶⁵ Там же. С. 86.

исторической действительности человеком Бога»⁴⁶⁶. На фоне подобных эпитетов более чем очевидным представляется источник идейного содержания концепции политической репрезентации, позволяющей «сделать видимым и настоящим некое невидимое (и возвышенное — В.Б.) бытие посредством публично присутствующего бытия»⁴⁶⁷.

Некто способен узреть в католической церкви лишь «чудовищных размеров иерархический аппарат управления», «целибатную бюрократию» (Шмитт приписывает эту точку зрения абстрактному протестанту-«англосаксу», однако веберовский вокабуляр выдает подлинного адресата претензии)⁴⁶⁸, но подобный взгляд будет свидетельствовать лишь о потере способности мыслить сущностное, репрезентативное, носителем «господствующего ныне экономико-технологического мышления»⁴⁶⁹ и демонстрировать «превосходство» католичества⁴⁷⁰. Стоит отметить, что экономико-техническое мировоззрение тесно связывается Шмиттом с протестантизмом через общность установки на господство над природой, следствием которой является исчезновение привязки к родной земле, характерное для протестантских народов, «способных сделать всякую почву полем своего профессионального труда и своей “мирской аскезы”»⁴⁷¹. Попытка *мыслить с Вебером против самого Вебера* продолжается и на этом этапе — Шмитт признает справедливость наблюдений Вебера, но связывает их с протестантским контекстом, отказываясь признавать за ними статус универсальных тенденций.

Католический мир оберегает способность мыслить репрезентацию теологически и тем самым (в соответствии с концептуальным тезисом политической теологии) сохраняет возможность мыслить репрезентацию политически. Церковь стремится к восстановлению параллелизма теологического и политического: «Она желает жить в особой общности с государством, в которой

⁴⁶⁶ Там же. С. 75.

⁴⁶⁷ Шмитт К. Учение о конституции. С. 48.

⁴⁶⁸ Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма. С.60.

⁴⁶⁹ Там же. С. 65.

⁴⁷⁰ Там же. С. 75.

⁴⁷¹ Там же. С. 67.

две репрезентации противостоят одна другой как партнеры»⁴⁷². Шмитт конвертирует это желание в действие: описывая политическое единство народа как заслуживающее репрезентации возвышенное бытие, он использует набор ключевых понятий, значительная часть которых уже знакома нам по католическому контексту: «Такие слова, как величие, высочество, величество, слава, достоинство и честь, пытаются достичь этой особенности возвышенного бытия, которое может быть репрезентировано»⁴⁷³. Таким образом Шмитт конкретизирует то неопределенное «что-то»⁴⁷⁴, за что готов умирать и убивать современный человек, рассматривая в этой роли возвышенное политическое единство, репрезентируемое государством подобно тому, как католическая церковь репрезентирует Христа. Государство не просто следует своим рациональным целям, рекрутируя население для их реализации — оно делает возможным «конкретное проявление высшего вида бытия»⁴⁷⁵ политически существующего народа. Используемая им риторика *братства* в связи с выше сказанным не должна восприниматься как лживая пропаганда, обслуживающая интересы «большого предприятия» — скорее она становится языком адекватного описания «высшего и возвышенного, более интенсивного вида бытия»⁴⁷⁶ народа как политического единства. Государство не растворяется в системе норм и процедур — именно поэтому оно не просто продолжает существовать в условиях чрезвычайного положения, несмотря на отход права «на задний план»⁴⁷⁷, а только громче заявляет о себе как о репрезентанте и защитнике политического единства в режиме прямого правления. Для Вебера как автора «Промежуточного рассмотрения» чрезвычайное положение представлялось бы апофеозом произвольного политического насилия, которому посвящены самые

⁴⁷² Там же. С. 80.

⁴⁷³ Шмитт К. Учение о конституции. С. 48–49.

⁴⁷⁴ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 413.

⁴⁷⁵ Шмитт К. Учение о конституции. С. 49.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 14.

принципиальные фрагменты произведения; для Шмитта оно становится шансом на реабилитацию, восстановление подлинной политической репрезентации⁴⁷⁸.

Нет ли риска в том, что «метафизическая изнанка», позволяющая осмыслить и принять онтологию политического единства как репрезентативно являющего себя возвышенного бытия, ограничивается католицизмом? Возникает соблазн свести рассматриваемую нами дискуссию к межконфессиональному спору между католиком и протестантом, и некоторые авторы ему поддаются⁴⁷⁹. Учитывая то, что «Римский католицизм» содержит множество критических замечаний в адрес Вебера, озвученных Шмиттом именно с католических позиций, преуменьшать роль подобного напряжения было бы некорректно⁴⁸⁰.

Вместе с тем одно из важных высказываний Шмитта позволяет утверждать, что шанс привести в соответствие метафизическое и политическое сохраняется не только у католического мира. Оно обнаруживается в уже упоминавшейся лекции «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций, в которой также неоднократно звучит имя классика. С барселонской трибуны Шмитт напрямую говорит о Вебере как об одном из немецких авторов, поставивших своей эпохе неутешительный диагноз⁴⁸¹. Страх Вебера, Трельча и Ратенау «был оправдан потому, что его истоком было смутное ощущение того, какими последствиями чреват доведенный теперь до конца процесс нейтрализации. Ибо духовная нейтральность, будучи сопряженной с техникой, пришла к духовному Ничто»⁴⁸². Если предположить, что этот диагноз верен, государство перестает быть проводником возвышенного политического

⁴⁷⁸ См. *Бродский В. И.* Политическая онтология Карла Шмитта: тождество и репрезентация как способы самоутверждения политической экзистенции // *Stasis*. 2023. Т. 11. №. 1–2. С. 196–204.

⁴⁷⁹ *Ulmen G. L.* The Sociology of the State: Carl Schmitt and Max Weber // *State, Culture, and Society*. 1985. Vol. 1. №. 2. P. 3–57.

⁴⁸⁰ Нельзя не отметить, что любой читатель дневниковых записей Шмитта согласится с тем, что степень его личной (а не политической и академической) связи с католицизмом не должно преувеличиваться. В одном из исследований эти наблюдения подводятся под строгую, но справедливую черту: «... дневники показывают, что он (Шмитт — В.Б.) был больше одержим сексом и алкоголем, чем интересовался религией» (*Godefroy B.* Carl Schmitt's Political Theology: Legitimizing Authority after Secularization // *Political Theory*. 2024. Vol. 0. №. 0 [forthcoming]. P. 6).

⁴⁸¹ *Шмитт К.* Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 55.

⁴⁸² *Там же.* С. 56.

бытия и опрокидывается в свое инобытие: машину, не способную ни репрезентировать, ни быть репрезентированной⁴⁸³. Так духовное Ничто открывает дорогу Ничто политическому.

Ответ Шмитта на этот вызов таков: пессимистическая позиция Вебера и его коллег не лишена смысла, но соответствующие ей апокалиптические выводы преждевременны⁴⁸⁴. Там, где Вебер (в интерпретации Шмитта) видит Ничто, сам Шмитт видит Нечто: злое, *сатанинское*, но не мертвое и бездуховное⁴⁸⁵. Техника как центральная область современности⁴⁸⁶ обладает собственной «метафизической

⁴⁸³ Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма. С. 77.

⁴⁸⁴ Тот кризис, что осмысливается Вебером как безнадежное и неотвратимое состояние, видится Шмитту преходящим. Позиция Шмитта относительно актуального лучше всего передана словами А. Ф. Филиппова: «... настоящее состояние: имманентизм, техницизм, промышленность и большие города, классовая борьба и безличные экономические законы, — не является определенным и окончательным» (Филиппов А. Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. С. 503–504). При этом Шмитт признает за указанными тенденциями апокалиптический потенциал: «Согласно Шмитту, фигура Антихриста, поскольку она является фактором исторического ускорения, олицетворяет собой силы технологизации, модернизации, универсализации и нейтрализации, которые подрывают политический порядок и служат источником хаоса на земле» (Яркеев А. В. Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка. С. 143).

⁴⁸⁵ Следует отметить, что идея наступления эпохи духовного Ничто, просматривающаяся в «Промежуточном рассмотрении», соседствует в учении Вебера с образом выходящих из своих могил древних богов (растерявших свои чары, но все же богов!) (Вебер М. Наука как призвание и профессия. С. 727), призванным объяснить ожесточенность борьбы безличных сил, характеризующую Модерн, и призывом к ученому искать своего демона в целях дальнейшего послушания (Там же. С. 735), обнаруживающимися в «Науке как призвании и как профессии». В «Политике как призвании и профессии» воспроизводится практически идентичная схема: страсть к тому или иному (в том числе политическому) делу ассоциируется Вебером с самоотдачей «богу или демону» (Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 690). Данные суждения имеют статус полноценных объяснительных моделей. Все это может говорить о том, что Вебер прибегает к мистическим метафорам не только потому, что секуляризированный мир не способен предложить вокабуляр, адекватный описываемый феноменам, но и по причине того, что классик, как и Шмитт, фиксирует некое «упрямство» теолого-метафизического измерения, бытийствующего в новых, не всегда заметных взгляду человека Модерна формах. Вместе с тем эта сторона веберовской мысли выходит за рамки «Промежуточного рассмотрения» и заслуживает самостоятельного исследования.

⁴⁸⁶ Шмиттовская проблематизация гегемонии техники одновременно является проблематизацией веберовского расколдовывания: Вебер подчеркивает, что расколдовывание мира означает тенденцию к укоренению представления о том, что «все делается при помощи технических средств и расчета» (Вебер М. Наука как призвание и профессия. С. 714). Стоит отметить, что Шмитт рассматривает экономику и технику как исторически следующие друг за другом центральные области духовной жизни западно-европейского человечества, в то время как Вебер склонен связывать их воедино как «технично-экономический базис» (Вебер М. Господство. С. 47) современной культуры.

изнанкой» — «*религией техничности*»⁴⁸⁷, содержащей набор представлений о значимом⁴⁸⁸. *Мир не расколдован: «Магическая религиозность переходит в столь же магическую техничность»*⁴⁸⁹. Присутствие врага в теологическом измерении — более позитивная ситуация, чем признание вакуумом самого континуума. Вывод Шмитта состоит в том, что *борьба духа с духом продолжается*, и в ней *снова рождается новый порядок*, восстанавливающий соответствие между метафизическим и государственно-правовым мышлением⁴⁹⁰.

Оптимизм Шмитта длится недолго. Сначала кризис, а затем и распад порядка Веймарской республики приводят Шмитта к признанию факта случившейся катастрофы и поиску причин, способных обусловить подобное развитие событий. Этот аспект шмиттовского учения будет рассмотрен в следующей главе. В «*Политической теологии II*» — последнем крупном произведении, опубликованном Шмиттом при жизни, учёный подводит итоги своей работы над политико-теологическим проектом. Несмотря на то, что уже в подзаголовке сочинения упразднение политической теологии объявляется Шмиттом не более чем «*легендой*», одним из важнейших элементов текста становится рассмотрение пессимистичного сценария, согласно которому в *борьбе духа с духом* проигрывают обе стороны. Послесловие «*Политической теологии II*» отталкивается от формулы «*детеологизация включает в себя деполитизацию*»⁴⁹¹ и пунктирно очерчивает образ будущего, воплотившего в себе апогей обеих тенденций. В этом мире царит чисто

⁴⁸⁷ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 56.

⁴⁸⁸ Дух техничности, приведший к массовой вере антирелигиозного активизма посясторонности, быть может, — дух злой, дьявольский, но — дух, от которого нельзя ни отделаться как от чего-то просто механистического и который нельзя вменить (самой) технике. Быть может, он — нечто ужасное, но сам он не техничен и не машинообразен. Он представляет собой убеждение активистской метафизики, веру в безграничные силы и безграничное господство человека над природой и даже над человеческой *physis*, в «безграничное отодвигание природных пределов», безграничные возможности изменений и счастья в естественном посястороннем пребывании <Dasein> человека (Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 56).

⁴⁸⁹ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 51.

⁴⁹⁰ Ибо жизнь борется не со смертью, а дух — не с бездуховностью. Дух борется против духа, жизнь против жизни, а из силы цельного <integren> знания возникает порядок человеческих вещей. *Ab integro nascitur ordo* (Снова рождается новый порядок, лат.) (Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 57).

⁴⁹¹ Шмитт К. Политическая теология II. С. 203.

мирская наука, движимая «неутолимимым человеческим любопытством»⁴⁹², а не веберовским демоном — так Шмитт будто бы обвиняет самого классика в «контрабанде» смыслов и отсутствии мужества принять выводы собственного учения. Далее Шмитт эксплицитно отходит от позиции, занятой им как автором «Эпохи деполитизаций и нейтрализаций»: будущее человечество, согласно «Политической теологии II», не нуждается в теолого-метафизическом *ничто*. Необходимой предпосылкой самопроизводящегося прогресса, в который оно вовлечено, напротив, является «создание *ничего* (курсив мой — В. Б.) как условия возможности самотворения постоянно Новой мирскости»⁴⁹³. Новый человек не враждебен, но агрессивен — его безудержная тяга к новизне не объявляет старое *врагом*, а лишь игнорирует его или «уничтожает как не представляющую ценность помеху»⁴⁹⁴. Шмитт заканчивает текст вопросом: «какой из тех свобод имманентна наибольшая агрессивность — научной свободе от ценностей, свободе технико-индустриального производства или свободе оценки свободного человеческого потребления?» Ответить на него невозможно, да и не нужно. Новый человек, устраняющий все *наскучившее* как не представляющую ценность помеху, мог бы выразить себя словами Макса Штирнера: «Ничто — вот на чем я построил свое дело»⁴⁹⁵. История идей не знает другой формулировки, которая (пусть и имплицитно), вынесла бы социальному порядку столь однозначный приговор.

Философский тон финальных тезисов «Политической теологии II» не отменяет причастности текста контексту социологии как науки о действительности. Весьма симптоматично, что в одном из своих последних сочинений Шмитт с политико-теологических позиций обсуждает ту версию проблемы социального порядка, что была поставлена еще Фрайером как автором «Революции справа».

⁴⁹² Там же. С. 210.

⁴⁹³ Там же. С. 211.

⁴⁹⁴ Там же. С. 212.

⁴⁹⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность. М., 2019. С. 27. Интересно, что в послевоенных дневниках, написанных во времена заключения, Шмитт делится тем, что давно почивший Штирнер, чтением которого он в тот момент очень увлечен, — «единственный, кто посещает его в тюремной камере» (*Schmitt C. Ex Captivitate Salus. Experiences, 1945–47 / trans. by M. Hannah, ed. by A. Kalyvas, F. Finchelstein. Cambridge, UK and Medford (MA), USA, 2017. P. 65).*

Разумеется, это не означает того, что учение Фрайера как-то вдохновляет «Политическую теологию II». Скорее, речь идет о том, что проблема захватнической экспансии *Gesellschaft* остается актуальной и в послевоенном немецкоязычном социологическом дискурсе. Шмитт развивает ее путем указания на то, что взаимное признание государственного и теологического более невозможно, поскольку «сфера общества и социального охватила и то, и другое, уничтожив различия»⁴⁹⁶. Революционный класс, ставший основной действующей силой и квинтэссенцией общественного, «успешно бросил вызов традиционным “стенам”, то есть исторически сложившимся институтам церкви и государств»⁴⁹⁷. Сторон соответствия структурной аналогии метафизико-теологического и государственного-правового более не существует, поскольку социальное поглотило и растворило в себе оба измерения. Почва для этого вывода заложена Шмиттом еще в «Гаранте конституции», где утверждается, что партии (которые также названы в тексте «социальными величинами») «выдвигают притязание на саму конституцию, т. е. на государственную власть и ее осуществление»⁴⁹⁸. Противостоя как государству, так и церкви⁴⁹⁹, общество уничтожает *самость* и *самостоятельность* обеих «юрисдикций» собственной тотальностью. Порядок, укоренный во взаимной поддержке понятийных структур теологии и юриспруденции, уступает место *беспорядочной борьбе* социальных сил, победитель которой берет в плен *партийного* порядка науку, экономику, искусство и прочие области человеческого существования. Великий интерпретатор Шмитта Эрнст-Вольфранг Бёкенфёрде абсолютно прав, указывая, что успех шмиттовский проект времен Веймара предполагает что, «политическая сфера в целях сохранения политического единства концентрируется в государстве и органах государства и должна оставаться там, а государство должно, так сказать, заявить о своей монополии на

⁴⁹⁶ Шмитт К. Политическая теология II. С. 58.

⁴⁹⁷ Там же. С. 66. «До тех пор религию можно было определять с точки зрения церкви, а политику — с точки зрения государства» (Там же. С. 67).

⁴⁹⁸ Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М., 2013. С. 104.

⁴⁹⁹ Там же. С. 116.

политическое»⁵⁰⁰, однако сам Шмитт как автор «Политической теологии II» признает, что «наступил момент перемен, и устаревший понятийный фасад рухнул, когда государство потеряло монополию на политическое, а другие политические деятели и эффективно борющиеся величины лишили его этой монополии, особенно когда революционный класс, промышленный пролетариат, стал новым эффективным субъектом политического»⁵⁰¹. Такова шмиттовская диалектика единого и многого: государственное (политическое) *единое* уничтожается, подчинясь социальному *многому*⁵⁰², и в итоге уступает место порочному партийному *единому*, имеющему социальное происхождение и стремящемуся к установлению тотальности⁵⁰³. Эта тенденция четко прописывается в «Гаранте конституции» и частично воспроизводится в «Политической теологии II». В своей последней крупной работе вновь отмечает характеризующий современное общество «плюрализм социальных групп»⁵⁰⁴, затем обращая внимание на то, в мире, где политика побеждена обществом, запрещаются войны между государствами, но пропагандируется мировая революция (что должно превратить мировую политику в мировую полицию)⁵⁰⁵. В этом рассуждении выводы «Гаранта конституции» интересным образом переплетаются с проблематикой криминализирующей дисквалификации вражеских режимов, которой посвящена

⁵⁰⁰ Бёкенфёрде Э.-В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. №. 5. №. 89. С. 170–171.

⁵⁰¹ Шмитт К. Политическая теология II. С. 67.

⁵⁰² «... плюрализм обозначает власть многих социальных величин над государственным волеобразованием» (Шмитт К. Гарант конституции. С. 113).

⁵⁰³ Партия всегда представляет собой часть, стремящуюся стать целым (Шикель И., Шмитт К. Беседа о партизанах // Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М., 2007. С.169). Путь к этому может лежать как через прямое насилие, так и через использование механизмов чистой легальности. Совершенно справедлив комментарий А. Ф. Филиппова относительно того, что нацисты (в которых Шмитт видел прямую угрозу порядку) «были многолетними участниками легального политического процесса, а 1933 год стал временем резкого усиления и быстрого перехода в новое состояние, но, кажется, совсем не цезурой» (Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе С. 253). Не так важно, каким путем идет партия — легальным или нелегальным — главное, что в недрах социального всегда зреют силы, стремящиеся заменить государственный порядок *собой*.

⁵⁰⁴ Шмитт К. Политическая теология II. С. 87.

⁵⁰⁵ Там же. С. 205.

значительная часть крупной поздней работы Шмитта «Номос земли»⁵⁰⁶. Так, *агрессивная* экспансия общественного не удовлетворяется покорением государства и претендует на тотальность в общемировом масштабе.

Кратко подведем итоги текущего рассмотрения. Политическая теология — одна из важнейших сторон шмиттовского учения, тесно связанная с иными теоретическими контекстами, но обладающая собственной значимостью и уникальной драматургией. Рассмотрение Шмиттом проблем, образующих ядро политико-теологического проекта, берет начало еще в «Политическом романтизме» (1919) и завершается в «Политической теологии II» (1970). Все они являются элементами единого вопрошания о происхождении, условиях выживания и способах позитивного обновления социального порядка. Разумеется, обратной стороной этого направления исследования становится вопрос о силах, способных приблизить его гибель, и оба аспекта образуют друг с другом тесную связь. В частности, в «Политическом романтизме» Шмитт открыто отказывается признать романтическую дискуссию в качестве источника социального порядка, а впоследствии рассуждает о ее современном парламентском отражении как о факторе, препятствующем производству единой политической воли. Так Шмитт проблематизирует факт проникновения *социальной* салонной практики в политический контекст и обретения ею главенствующей роли в государственной системе. В «Политическом романтизме» также представлена резкая критика *органического* как одного из положительных, но пустых понятий, которыми жонглируют романтики при описании «должного» исторического пути народа и государства. Впоследствии Шмитт возвращается к этому понятию в одной из позднейших работ, ожидаемо связывает его с идеей *Gemeinschaft*, но включает в число соответствующих ему значений собственный вариант (*органическое как непартикулярное*), тяготеющий к логике «Понятия политического».

⁵⁰⁶ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum* / пер с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2008. С. 137–139, 239–240, 475.

Трактат «Диктатура» также подготавливает многие важнейшие рассуждения и выводы «Политической теологии». Здесь впервые выдвигается тезис, согласно которому порядок экзистенциально нуждается в выходе за *собственные рамки* ради *собственного спасения* в условиях столкновения с потенциально губительными угрозами. Эту задачу решает институт комиссарской диктатуры. Не менее важной темой трактата является суверенная диктатура, бросающая вызов действующему порядку в целях установления альтернативного. Этот феномен обладает колоссальным значением для Шмитта, однако присущее ему деструктивное начало не позволяет мыслителю воспринять его однозначно положительно. Впоследствии Шмитт напрямую скажет, что любой предатель (*Hochverräter*) или мятежник (а именно этим статусом наделяет суверенного диктатора действующий порядок) создает «риск прыжка в естественное состояние»⁵⁰⁷. Компромисс найден Шмиттом (уже как автором «Политической теологии») в виде чрезвычайного положения, позволяющего избежать столько радикального разрыва. Исключение — это шанс «найти ресурс для нужных преобразований внутри самого политико-правового порядка»⁵⁰⁸. Суверен, принимающий решение о чрезвычайном положении, принимает решение и о *прекращении* его действия, импликациями которого могут быть обновленные версии правопорядка и поддерживающей его фактической нормальности, выступающей в роли более фундаментального порядка по отношению к правовому. На данном этапе Шмитт пытается ограничиться использованием юридического инструментария, найти нужные ему возможности и пути их реализации во внутренней логике конституционного права⁵⁰⁹. Попытка итальянских авторов Кроче и Сальваторе усмотреть в перспективах суверена

⁵⁰⁷ Schmitt C. Die vollendete Reformation: Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen // Der Staat. 1965. Vol. 4. №. 1. S. 52.

⁵⁰⁸ Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе С. 295.

⁵⁰⁹ Позже оппонент Шмитта Ханс Кельзен обвинит ученого (уже как автора «Гаранта конституции») в подмене юридического рассуждения социологическим. Это замечание А. Ф. Филипповым признается верным в свете того, что Шмитт (как и Ханс Фрайер) обращается к научному знанию как средству преобразования действительности и тому, что содержит в себе «понятия борьбы, а не нейтрального описания» (Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе С. 301). Несмотря на, что эти связываются с более поздним периодом шмиттовского творчества, они вполне актуальны и по отношению к «Политической теологии». Однако это совсем не та версия связи с социальным, что предлагают итальянские авторы.

зависимость от его способности воздействовать на жизненную форму политического сообщества подробно рассмотрена в главе и признана неудачной.

Не менее высокую ценность несет развитие Шмиттом политической теологии как социологии юридических понятий. Краеугольным камнем этого аспекта становится тезис о структурной аналогии между теолого-метафизической и государственно-правовой структурами понятий, принадлежащими одному историческому периоду. Это положение отсылает к поставленной Вебером проблеме заимствования понятий, относящихся к метафизике ушедших эпох, которую Шмитт назовет «контрабандой» смыслов в продолжении «Политической теологии». Для Вебера данная процедура — симптом опустошения теологического измерения, грозящего исчезновением этической унификации мира как таковой. Этот процесс превращает планету в борьбу сил, не ведающих ничего, кроме собственных интересов, что «возвращает» человечество в мир без предсказуемости, без порядка, *без общества*. Шмитт открыто спорит с Вебером, заявляя о продолжении борьбы духа с духом, сохраняющей надежду на восстановление гармонии между теолого-метафизическим и государственно-правовым измерениями, выступающей в качестве наиболее фундаментального основания социального порядка. В «Политической теологии II» Шмитт отходит от этой позиции, полагая, что новое человечество, интересующееся лишь новым, производит ничто как основание собственной возможности. Все это накладывается на завоевание государства и церкви *обществом*, уничтожающим «стены» традиционных институтов. Плюрализм общественных величин не совпадает с политическим плюрализмом друзей и врагов, и несет в себе установку на грядущую унификацию, сопряженную с агрессивным неприятием альтернатив.

ГЛАВА III. ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

§ 1. На пути к политической общности.

Как и в случае с политической теологией, *понятие политического* представляет собой полноценный пласт шмиттовского учения, далеко выходящий за рамки одноименного текста. Если «Политическая теология» — единственное сочинение Шмитта, ставшее первой частью диалогии, то «Понятие политического» продолжается «Теорией партизана», имеющей статус промежуточного замечания (*Zwischenbemerkung*). Целый ряд важнейших работ Шмитта, опубликованных после 1927 года, наследует и развивает основные положения «Понятия политического». Это и «Учение о конституции» (открытое рассмотрению в качестве «юридической ипостаси “Понятия политического”»⁵¹⁰), и «Гарант конституции», и «Номос земли», и другие работы. Выстраивающийся вокруг понятия политического теоретический проект — опыт глубочайшей проработки проблемы порядка, обнаруживающий идейные нити, связывающие исследования Шмитта как со стоящим у ее истоков Томасом Гоббсом, так и с Фердинандом Тённисом, погружающим вопрос о порядке в систему координат, заданную категориями *Gemeinschaft/Gesellschaft*.

«Понятие политического» наиболее известно определением политического как области различения публичного (коллективного) друга и врага, импликацией которого является граница между враждой и прочими формами антагонизма, проходящая по линии принципиальной готовности к физическому убийству⁵¹¹. В этом контексте государство определяется Шмиттом как «основополагающее политическое единство»⁵¹², которому *должна* принадлежать монополия на

⁵¹⁰ Назмутдинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 158.

⁵¹¹ Шмитт К. Понятие политического. С. 301, 304, 308.

⁵¹² Там же. С. 321.

определение врага. Подобная эксклюзивность необходима, но не гарантирована в связи с перспективой перерастания «партийно-политических противоположностей» во «внутригосударственное, а не внегосударственное разделение на группы “друг/враг”»⁵¹³. Народ может отказаться от монополии на различение друга и врага в случае неготовности к рискам, связанным с политическим существованием. Делая подобный выбор, он трансформируется в языковую, культурную и/или хозяйственную общность, принимая защиту более политически сильного народа.

Определяющее значение фактора готовности *умирать и убивать*, характерное для понятия политического, открывает новую страницу шмиттовской мысли. Если ранее все ключевые рассуждения Шмита представляют собой теоретическую работу с формальным/структурным аспектом социальной жизни — конституционными механизмами или учредительными процедурами — то «Понятие политического» *досягается до людей из плоти и крови*, что дает начало новому направлению разговора о порядке. Достаточно отметить, что в «Диктатуре» о народе говорится как об *умозрительной* учредительной власти, от лица которой действует суверенный диктатор, в то время как в «Понятии политического» политически существующий народ — потенциальный или эвентуальный участник вооруженного конфликта, готовый к пролитию крови на поле боя.

«Понятие политического» закрепляет за порядком двойную природу *цели и средства* политического бытия народа. Со ссылкой на Лоренца фон Штейна Шмитт отмечает, что путем борьбы, ведущейся *силой оружия*, защищается сам общественный порядок, выражением которого (в современном государстве) является конституция⁵¹⁴. В планы политического врага далеко не всегда входит геноцид — тотальное физическое уничтожение населения (Шмитт подчеркивает этот тезис уже в «Понятии политического»⁵¹⁵ и затем актуализирует его в поздних

⁵¹³ Там же. С. 307.

⁵¹⁴ Там же. С. 322.

⁵¹⁵ Шмитт К. Понятие политического. С. 312, 331.

работах, связывая с новыми контекстами⁵¹⁶) — чаще его цель состоит в деструкции *способа существования сообщества*⁵¹⁷. Таким образом, ведя политическую вражду, народ может преследовать цель либо защитить избранный им (как политическим единством) социально-политический *порядок*, либо атаковать *вражеский* в связи с высочайшим уровнем неприятия его содержания и/или стремлением освободить от *него* определенные территории и проживающих на них людей. Шмитт подчеркивает это знаменитым тезисом «война — это вообще не цель и даже не содержание политики...»⁵¹⁸. Народ, делающий выбор в пользу политического существования, берет на себя связанные с враждой риски не для того, чтобы попробовать войну на вкус, а исходя из принципиальной готовности силой защищать право на жизнь в соответствии с *собственными*, а не навязанными представлениями о порядке. На этом фоне справедливым и весьма созвучным Шмитту является утверждение отечественного исследователя О. В. Кильдюшова: «Порядок есть телос политического»⁵¹⁹.

Порядок может быть мыслим не только как цель, но и как средство, функционирование которого обеспечивает существование народа в качестве политической экзистенции. Война — тяжелейшее испытание, требующее постоянной подготовки в мирное время. «Порядок есть преодоление своеволия»⁵²⁰, и этот принцип обретает особую актуальность на фоне военных угроз. Будучи проявленным на войне, своеволие способно приблизить гибель народа как политического единства. Уклонение от мобилизационных процедур, дезертирство, предательство — все эти особенно опасные проявления своеволия невозможно *пресечь* посредством применения права военного времени. Только слаженное, эффективное действие порядка, нацеленное на преодоление диссоциирующих и деполитизирующих тенденций в периоды мира, способно исключить подобное

⁵¹⁶ См. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. С. 469.

⁵¹⁷ Norris A. Carl Schmitt on Friends, Enemies and the Political. P. 73.

⁵¹⁸ Шмитт К. Понятие политического. С. 310.

⁵¹⁹ Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 126.

⁵²⁰ Филиппов А. Ф. Политическая социология Макса Вебера. С. 18.

развитие событий. На этапе написания «Понятия политического» Шмитт мыслит достаточно категорично: единственная эксплицитно предложенная им мера есть «внутригосударственное *объявление врагом*»⁵²¹. Спустя год в «Учении о конституции» появляется требование к высокому уровню социальной гомогенности народа, выполнение которого обеспечивает его существование в качестве политического единства, различающего коллективного друга и врага. Рассмотрение гомогенности в качестве одного из необходимых оснований политического бытия народа подразумевает то, что «если она не дана, она может быть создана, произведена как бы ни трактовался этот процесс: как подтверждение, восстановление или первоначальное производство народа из разрозненных индивидов»⁵²². Все это — задачи, стоящие перед порядком. Шмитт осознает, что наличному народу, людям из плоти и крови, необходимо общее переживание вражды, обладающее более высокой интенсивностью, чем любые внутренние диссоциирующие факторы. В противном случае право суверена объявить войну может захлебнуться в трясине *Gesellschaft* — механического единства своекорыстных индивидов и образованных ими групп интересов, едва ли рассматривающих для себя перспективу гибели на поле боя. Трансформация *Gesellschaft* в *Gemeinschaft*, рассмотренное в «Понятии политического» в качестве данности военного времени, все более проблематизируется в последующих текстах. «Учение о конституции» — первое звено в этой цепи. Шмитт осознает, что своеволие угрожает политическому единству народа и рассматривает социальную гомогенность в роли сдерживающего фактора, усиление которого возможно при должной работе порядка.

Ссылка на оппозицию *Gemeinschaft/Gesellschaft*, данная Шмиттом в «Понятии политического» заслуживает отдельного внимания. Оба термина широко распространены в немецкоязычном дискурсе начала XX века, и сам факт их использования автоматически не говорит о связи с Тённисом. Тем не менее, ряд упомянутых ранее свидетельств однозначно говорит о том, что к 1927 году Шмитт

⁵²¹ Шмитт К. Понятие политического. С. 322.

⁵²² Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе С. 287.

уже глубоко погружен в учение классика немецкой социологии и питает к нему предметный интерес⁵²³. Таким образом, обращение к оппозиции *Gemeinschaft/Gesellschaft* в наиболее известном произведении Шмитта не является случайностью и небезосновательно рассматривается учеными как маркер того, что немецкий мыслитель (в роли автора «Понятия политического»), в целом, мыслит в заданной Тённисом системе координат⁵²⁴. Однако перенесение Шмиттом фундаментального различения Тённиса из пространства *чистой социологии* в контексты, более ориентированные на актуальный *опыт* социальной жизни, дает свои плоды. *Gemeinschaft*, мыслимый Тённисом как радикальная альтернатива *Gesellschaft*, теряет подобный статус в учении Шмитта, оставаясь плотью от плоти современного *общества*.

Погружаясь в этот вопрос, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, несмотря на терминологическое сходство, политическую общность Шмитта следует отличать от воспеваемой консервативными революционерами *Volksgemeinschaft*⁵²⁵. Шмитт не грезит абсолютным единством народа, укорененным в общности крови и почвы. Немецкий ученый осознает проблематичность социальной жизни, вызванную ее сложностью и неоднородностью, но едва ли усматривает решение в ностальгической реконструкции общинных практик. Его задача как социолога — зафиксировать способность трансформации *Gesellschaft* в *Gemeinschaft* в условиях войны, а затем понять, что может позволить ей сохраниться в условиях стремительного роста влияния «общественных величин».

Во-вторых, *Gemeinschaft* Тённиса — не миролюбивая родовая община, как может показаться на первый взгляд. Границу между двумя версиями общности создает не факт способности или неспособности к вражде и войне, а *характер* присущей им враждебности. *Gemeinschaft* связывается Тённисом с сущностной

⁵²³ Mastnak T. Hobbes in Kiel, 1938: From Ferdinand Tönnies to Carl Schmitt. P. 19.

⁵²⁴ Hofmann H. Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts. Berlin, 2002. S. 124.

⁵²⁵ См. Bendersky J. W. Carl Schmitt and the Conservative Revolution. P. 27–42.

волей — естественным стремлением к раскрытию наследуемого потенциала. Одним из основных продуктов ее реализации является едва ли не инстинктивное восприятие чужого как «противоестественного, диковинного и порицаемого»⁵²⁶, впитываемое с молоком матери и сохраняющее актуальность на протяжении всей жизни каждого члена общности. Градус враждебности в отношении врага не может быть снижен — общность ощущает чужака как инобытие на уровне физиологии, что делает невозможным его превращение в нейтрального делового партнера (не говоря уже о превращении в друга).

«Если есть общие блага, то есть и общие беды, общие друзья — общие враги»⁵²⁷ — простой принцип, характеризующий форму жизни *Gemeinschaft*. На первый взгляд, он звучит абсолютно в духе Шмитта, однако тезис Тённиса содержит две принципиальные импликации, чуждые учению «Гоббса XX века». Во-первых, вражда не является конституирующим основанием общности — друзья не нуждаются во врагах для того, чтобы осмыслить себя в качестве друзей; их единение — следствие единодушия, *приложением* к которому является общий враг. Для Шмитта первична вражда, так как именно она — источник и причина полноценного единения сообщества, условие трансформации общества в общность. Учитывая то, что два подхода к социальному иллюстрируют Аристотель (*Gemeinschaft*; общностные связи создаются родством и/или *дружбой*) и Гоббс (*Gesellschaft*; общественное рождается из необходимости выжить во *вражде*), Шмитт оправдывает свой статус «Гоббса XX века», не претендуя на преемственность по отношению к Аристотелю.

Во-вторых, Тённис подчеркивает хронический характер враждебности, питаемой общностью к чужаку⁵²⁸. В противоположность вышесказанному, антагонизм, имеющий место в парадигме *Gesellschaft*, намного более изменчив и пластичен. Обладая формой латентной войны всех против всех, в которой хороши любые средства, вражда в обществе открыта ситуативным союзам, временному

⁵²⁶ Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 234.

⁵²⁷ Там же. С. 39.

⁵²⁸ Там же. С. 35.

единению вчерашних врагов. Конкуренция является частным случаем современной *bellum omnium contra omnes*, но представляет собой наиболее яркое и последовательное проявление ее внутренней логики: «... как и все другие формы этой войны (всех против всех — В. Б.), конкуренция заключает в себе и возможность ее завершения. Даже такие враги — хотя они-то, конечно, с наибольшими затруднениями — при известных обстоятельствах сознают свою выгоду в том, чтобы договориться, оставить друг друга в покое или даже объединиться для какой-нибудь общей цели (к примеру, как всего чаще бывает, против общего *противника*)»⁵²⁹. Шмиттовское понимание политической вражды⁵³⁰ содержит схожие установки: несмотря на то, что враг определяется немецким ученым как тот, к чьему физическому убийству оказывается готова противоположная сторона, сама вражда есть лишь форма высочайшей интенсивности диссоциации групп людей, способная возникнуть в любой момент и на любой почве, *прикидываясь* вечным противостоянием. Появление силы, бросающей одновременный экзистенциальный вызов обеим сторонам вражды, может подтолкнуть их к объединению усилий (что, в свою очередь, совершенно не исключает распада подобного союза в будущем). Человечество — неполитический феномен, поскольку у него нет и не может быть врагов на Земле⁵³¹, но неожиданное возникновение инопланетной угрозы могло бы подтолкнуть народы и государства, находящиеся в состоянии вражды (и даже войны), ко всеобщему *политическому* единению.

⁵²⁹ Там же. С. 84.

⁵³⁰ Хорошо известно, что Шмитт различает политическую вражду и экономическую конкуренцию, связывая первую с реальной возможностью войны. Более того, он открыто высказывается против идеи Тённиса использовать метафору войны всех против всех применительно к экономическим взаимоотношениям в гражданском обществе (*Шмитт К. Понятие политического*. С. 343.). Тем не менее логика антагонизма, присущая *Gesellschaft* и находящая свое прямое выражение в конкуренции, ближе описываемой Шмиттом вражде, чем вечная конфронтация своих и чужих, стороной которой является *Gemeinschaft*. Враг общности Тённиса не может появиться из пламени внезапно разгоревшегося конфликта, он *органически* связан с ней как неотъемлемая часть существования.

⁵³¹ *Шмитт К. Понятие политического*. С. 331.

Еще более проблематичная сторона использования Шмиттом концепта *Gemeinschaft* просматривается в обсуждении вопросов внутренней враждебности, образующих важный аспект «Понятия политического». На первый взгляд, предложенная Тённисом модель развития общности едва ли не воспроизводится в наиболее известном сочинении Шмитта, однако это впечатление следует считать обманчивым.

Несмотря на достаточно высокий уровень идеализации «Общность и общество» остается социологическим произведением, разрабатывающим эвристические парадигмы, позволяющие продуктивно осмыслять наблюдаемую социальную реальность. В пользу этого говорит тот факт, что общность описывается Тённисом не только в статике, но и в динамике. Рассуждая о судьбе больших общностей (числу которых, очевидно, принадлежит народ⁵³²), Тённис фиксирует тенденцию к усложнению их структуры за счет отделения меньших, обладающих собственной самостью общностей⁵³³. Так, изначальное целое представляет собой центр, от которого исходят лучи, ведущие к «отпочковавшимся» меньшим сердцевинам. Несмотря на ширяющуюся множественность, единство общности сохраняется: новые центры и возникающие вокруг них группирования обретают природу *частей* по отношению к изначальному ядру, сохраняющему статус *целого*⁵³⁴. Связь между ними поддерживается за счет того, что отделившиеся группы продолжают *репрезентировать* первичную общность путем воспроизводства привычных способов мысли и действия. Тённис фиксирует обратную пропорцию применительно к соотношению сил основного единства и отпочковавшихся от него величин: чем мощнее изначальный центр, тем слабее новые, и наоборот. Усиление малых центров может привести к минимизации влияния основного *целого* на

⁵³² Тённис Ф. Общность и общество. С. 38.

⁵³³ Там же. С. 41–42.

⁵³⁴ Данное рассуждение воспроизводит логику, присущую «Политике» Аристотеля: «Первичным по природе является государство (πόλις) по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» (Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева. М., 2021. С. 7–8).

членов отделяющихся сообществ. Тем не менее, Тённис далек от того, чтобы увидеть в этом перспективу *полного* разрыва: «И все же мы полагаем, что связанное единство не исчезает и сохраняет способность и тенденцию к тому, чтобы как целостное сущее выражаться в связях главного центра с непосредственно происходящими от него побочными»⁵³⁵.

В «Понятии политического» обнаруживается схожая модель. Государство как политическое единство народа — основополагающее, но не безальтернативное единство. Подобно первичной общности Тённиса оно может мыслиться как основное целое, в лоне которого рождаются малые сообщества, обретающие относительную самостоятельность. Вместе с тем в «Понятии политического» целостность усложняющейся структуры характеризуется способностью основополагающего единства инициировать готовность к участию в войне всякого, до кого дотягиваются ее «лучи»: «Благодаря этой власти над физической жизнью людей политическая общность (*politische Gemeinschaft*) возвышается над любой иного рода общностью (*Gemeinschaft*) или обществом (*Gesellschaft*). Тогда внутри общности опять-таки могут существовать подчиненные образования вторично-политического характера со своими собственными или перенесенными на них полномочиями, даже с *jus vitae ac necis*, ограниченными членами более узкой группы»⁵³⁶. Таким образом, Шмитт допускает возникновение множественности и социальной неоднородности в рамках единой политической общности, но вводит требование в виде признания вторичными группированиями эксклюзивного права основополагающего единства определять общего врага на уровне народа.

В предложенной Шмиттом модели действует принцип обратной пропорции, аналогичный тому, что обнаруживается в «Общности и обществе». Однако его внутренняя логика — дедуктивное следствие выведенной Томасом Гоббсом формулы, которую Шмитт признает в качестве *cogito ergo sum* государства, —

⁵³⁵ Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 42.

⁵³⁶ Шмитт К. *Понятие политического*. С. 324.

*protego ergo obligo*⁵³⁷: «Если организованные партии внутри государства в состоянии обеспечить для своих сторонников больше защиты, чем государство, то государство становится, в лучшем случае, придатком этих партий и отдельный гражданин государства знает, кого он должен слушаться»⁵³⁸. Реализация подобной перспективы означает фактический *распад* единого порядка.

Наконец, Шмитт допускает возникновение столь резких противоречий внутри политической общности, что ее социальная ткань полностью разрывается в ходе гражданского конфликта. С одной стороны, это — признак очевидного размежевания с Тённисом, не допускающим возможность полного уничтожения внутренних связей в рамках *Gemeinschaft*, с другой — не менее очевидная адаптация концепта к контексту социологии как науки о действительности и следствие учета Шмиттом опыта гражданского конфликта, данного ему в ощущениях.

Перспектива уничтожения как социальной материи, так и нормативной формы общности создает водораздел между учениями Тённиса и Шмитта. Теория общности классика социологии может быть резюмирована простым положением: «Если люди в общности так или иначе едины, государство в этом смысле им ни к чему»⁵³⁹. Естественное взаимопонимание *гарантирует* как субстанциальное, человеческое единство *Gemeinschaft*, так и беспрекословное принятие общностного порядка как *должного*, не допускающего отклонений. Этот принцип обуславливает тот факт, что «... Тённис не смешивает античную общность граждан политических союзов или средневековых горожан с современным государством»⁵⁴⁰. Последнее является порождением *общества*⁵⁴¹, нуждающегося в искусственных средствах *обеспечения единства и поддержания порядка*.

⁵³⁷ Мыслью — следовательно, существую (основное положение рационализма Рене Декарта); защищаю — следовательно, обязываю (*лат.*).

⁵³⁸ Шмитт К. Понятие политического. С. 329.

⁵³⁹ Филиппов А. Ф. Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения. С. 25.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Тённис Ф. Общность и общество. С. 85.

Рассуждая о различении общности и общества, Шмитт утверждает, что государство как политическое единство рассматривается в учении Тённиса в качестве высшего единства, способного синтезировать оба типа социальности⁵⁴². Уточнение, указывающее на то, что для классика немецкой социологии это соединение скорее является *ожиданием*, чем констатацией факта, спасает Шмитта от обвинения в предвзятости. Сама дихотомия двух концептов видится Шмитту надуманной, поскольку понятие государства (*Staat*) представляется ему «включающим в себя элементы общности»⁵⁴³. Эта позиция имеет право на существование, но несет в себе существенный отход от позиции Тённиса, связывающего генезис современного государства со становлением *общества* своекорыстных индивидов. Другим примером контраста с учением классика становится решение Шмитта связать *Gemeinschaft* с понятием ценности⁵⁴⁴ (*Wert*), встречающимся у Тённиса только в разделе «Теория общества» в качестве очередного маркера *Gesellschaft*⁵⁴⁵.

Интересно, что в отличие от Тённиса, отталкивающегося от пессимистического взгляда на государство как на порождение *общества*, но прослеживающего в нем позитивный *общностный* потенциал⁵⁴⁶, Шмитт осуществляет обратное движение: если в ранних работах государство рассматривается им как институт репрезентации, позволяющий осуществлять волю возвышенного политического единства, то в более поздних — как бездушная механическая конструкция, обреченная на разрушение. В обоих случаях центральной референтной фигурой выступает Томас Гоббс. Уже «Политическая теология» призвана реабилитировать модель, согласно которой суверен мыслится как носитель политической воли, пребывающий вне творимого им же

⁵⁴² Schmitt C. Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen. S. 170.

⁵⁴³ Ibid. S. 171.

⁵⁴⁴ Следует отметить, что Шмитт, как и Тённис, прослеживает в этом концепте специфически экономическое начало (Ibid. S. 177–178).

⁵⁴⁵ Тённис Ф. Общность и общество. С. 64–73.

⁵⁴⁶ Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 436.

правопорядка. Единство суверенной фигуры создает основание для установления репрезентативной связи, ведущей к единому *народу*, а не рассеянному *множеству*. Эта теоретическая механика восходит к логике «Левиафана», согласно которой «... народ как политическое бытие не наблюдаем на улицах города, а умозрителен, будучи мысленно отождествленным с сувереном»⁵⁴⁷, что прекрасно иллюстрирует разработанный Гоббсом фронтиспис. Так, Гоббсово государство первым обнаруживает способность делать «видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия»⁵⁴⁸. «Учение о конституции» раскрывает этот потенциал и напрямую объявляет государственное правление единственным способом репрезентации незримого политического единства. В паре с принципом самотождественности народа, реализующимся благодаря социальной гомогенности, репрезентация должна обеспечить стабильность, действенность и единство народа. На этапе написания «Гаранта конституции» Шмитт фиксирует тенденции ко все большей диссоциации народа на фоне усиливающегося влияния «общественных величин», но сохраняет надежду на государство в лице рейхспрезидента. Какой-либо пафос в отношении государства *полностью* исчезает в двух работах 1930-х годов, посвященных Гоббсу — «Государство как механизм у Гоббса и Декарта» (1936) и «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938).

Сочинения Шмитта о Гоббсе могут выглядеть сугубо историко-философскими рассуждениями, но на самом деле представляют собой завуалированные исследовательские высказывания, принадлежащие социологии как науки о социальной действительности⁵⁴⁹. Хорошо известные выводы более позднего текста, согласно которым Левиафан разбивается о плюрализм косвенных

⁵⁴⁷ Бродский В. И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта. С. 76.

⁵⁴⁸ Шмитт К. Учение о конституции. С. 48.

⁵⁴⁹ В частности, «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» рассматривается учеными как исследование, фиксирующее катастрофичность прихода к власти нацистского режима и пытающееся объяснить генезис подобных процессов (McCormick J. P. Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Against Politics as Technology. P. 277).

инстанций⁵⁵⁰, предваряются важными замечаниями об общей проблематичности его устройства, изложенными в более раннем. В этом рассуждении легко считывается глубокое разочарование в современной государственности, на которую Шмитт рискует сделать ставку как автор произведений Веймарского периода. Шмитт признает, что в учении Гоббса анархия преодолевается предсказуемостью государства, но отмечает, что возникающий порядок покупается ценой абсолютной механизации политического⁵⁵¹. Левиафан — детище индустриальной революции, экспансия которой захватывает все новые области человеческого существования, включая социально-политическую. *Борьба духа с духом* завершается, не успев начаться — Левиафан описывается Гоббсом как одушевленная машина, но его «душа» при ближайшем рассмотрении оказывается очередным элементом механической конструкции. В связи с этим о репрезентативном «лице» суверена справедливо говорить лишь как о *фикции*, скрывающей абсолютную инструментальность возникшей конструкции⁵⁵². Ранее Шмитт утверждает, что машина не может *ни репрезентировать, ни быть репрезентированной*, упоминая государство, обретающее характер Левиафана⁵⁵³. В работе 1936 года о Гоббсе и Декарте этот диагноз ставится вновь и признается *смертельным*.

Механизация государства сопровождается фундаментальными трансформациями правовых структур: «Право становится позитивным законом, законность становится легальностью, легальность — позитивистским способом функционирования государственной машины». Закон столь же инструментален, что и издающий его Левиафан. Ранее проблема *пластичности* конституционного права, возникающая в связи с позитивистским подходом к государственному устройству, глубоко исследуется Шмиттом в работе «Легальность и легитимность»⁵⁵⁴. Один из основных выводов этого текста состоит в том, что

⁵⁵⁰ *Schmitt K.* Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. С. 207.

⁵⁵¹ *Schmitt C.* Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes. S. 627.

⁵⁵² *Ibid.* S. 629.

⁵⁵³ *Schmitt K.* Римский католицизм и политическая форма. С. 77.

⁵⁵⁴ Проблематика, впервые исследованная Шмиттом в этом произведении, не отпускает его и впоследствии. Об этом свидетельствуют не только опубликованные тексты, но и дневниковые

системы чистой легальности позволяют провести через легальные процедуры любые инициативы, в том числе, *уничтожающие* действующий государственный порядок⁵⁵⁵. Враг государства в его текущей форме «может вполне законно закрыть за собой ту дверь легальности, через которую вошел сам, а своего партийно-политического противника, который потом начинает стучать сапогами в эту дверь, может объявить подлым преступником»⁵⁵⁶. Подобное начинание — начало пути расчленения социального тела народа и взятия в плен *партийного* порядка того, что от него остается. Так, машинизированное государство оказывается не просто неспособным противостоять разрушению политического единства народа, но и само открывает дорогу потенциальному разрушителю.

В «Левиафане в учении о государстве Томаса Гоббса» Шмитт описывает изобретенное «философом из Малсбери» государство как сочетающее в себе черты человека, зверя, (смертного) Бога и гигантской машины⁵⁵⁷. Написанное несколькими годами ранее «Государство как механизм у Гоббса и Декарта» подсказывает, что лишь образ машины несет в себе подлинную сущность Левиафана, в то время как остальные метафоры служат не более чем маркерами его *смертности*. В работе 1936 года политико-теологический аспект представлен указанием на то, что каббалическая традиция рисует Левиафана зверем, *умерщвленной* плотью которого питаются праведники в тысячелетнем царстве Божиим, в чем Шмитт ожидаемо считывает источник коммунистических грез о бесклассовом и безгосударственном обществе⁵⁵⁸.

В будущем Шмитт предъявит еще более резкие претензии выбору морского чудовища в качестве главного символа государственного порядка. В работе

записи. Так, в 1947 году Шмитт пишет в «Глоссарии», что центральная проблема современной эпохи связана не с антитезой естественное право – позитивное право, а с антитезой легальность – легитимность (*Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen aus den Jahren 1947 bis 1958. Berlin, 2015. S. 48*).

⁵⁵⁵ См. Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе.

⁵⁵⁶ Шмитт К. Легальность и легитимность. С. 68.

⁵⁵⁷ Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. С. 260.

⁵⁵⁸ *Schmitt C. Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes. S. 626.*

«Завершенная реформация» (1965) Шмитт отмечает производимое этим решением прямое нарушение библейской логики: в священных текстах образы Левиафана и Бегемота символизируют стихии моря и суши, но не добро и зло; Гоббс же связывает Левиафана с миром и порядком, а Бегемота — с ужасами гражданской войны, что закрепляет за морем (враждебной человеку стихии) положительный статус, а за сушей (подлинным домом рода человеческого) — негативный⁵⁵⁹. Наконец, образ Левиафана признается Шмиттом столь монструозным и отталкивающим, что впору задуматься — а пытался ли вообще Гоббс кого-то вокруг него объединить?⁵⁶⁰.

«Государство как механизм у Гоббса и Декарта» завершается указанием на то, что смертность бога-Левиафана означает неизбежность поломки гигантской машины и уничтожения государства посредством мятежа или гражданской войны⁵⁶¹. Таким образом, Шмитт делает вывод, что государству нечего противопоставить усиливающейся внутренней диссоциации народа, а его покорение обществом представляет собой естественное развитие событий в силу инструментальной природы Левиафана. Если Тённис признает за государством значительные «перспективы как морально-политического единства»⁵⁶² (реализация которых должна сблизить *Gesellschaft* с идеалами общности), то Шмитт периода 1930-х, напротив, усматривает в нем не более чем желанный технический ресурс, интенсифицирующий диссоциирующую борьбу между общественными величинами и демонстрирующий абсолютную неспособность обеспечить единство народа в силу отсутствия репрезентативного потенциала. Так, Гоббсово решение Гоббсовой проблемы признается Шмиттом терпящим крах.

⁵⁵⁹ *Schmitt C. Die vollendete Reformation: Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen. S. 54.*

⁵⁶⁰ *Ibid. S. 53–54.*

⁵⁶¹ *Schmitt C. Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes. S. 632.*

⁵⁶² *Филиппов. А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 436.*

Публикацию рассмотренных произведений о Гоббсе предваряет выход работы «О трех видах юридического мышления» (1934)⁵⁶³. Уже этот текст несет в себе размежевание с учением «философа из Малсбери», которое можно трактовать как разочарование Шмитта в своем собственном более раннем проекте. Теоретическую ось работы образует трехчастное деление «нормативизм — децизионизм — мышление о конкретном порядке». Каждый из этих контекстов предполагает особое видение происхождения, природы и принципов работы права. Гоббс причастен триаде юридических позиций как архитектор и наиболее яркий представитель децизионизма. Данный тип мышления о праве знаком нам по «Политической теологии», на страницах которой Шмитт сам встает на эту позицию, утверждая, что «каждый порядок покоится на некотором решении»⁵⁶⁴. В тексте 1934 года Шмитт воспроизводит этот принцип уже как наблюдатель и критик, вкладывая его в уста Гоббса — *решение* установить порядок и безопасность государственного состояния вместо *не-порядка* войны всех против всех превращает субъекта решения в суверена и наделяет все его последующие приказы силой закона⁵⁶⁵. Реконструкция продолжается рассуждением, в котором Гоббс предстает радикальным *разрушителем* естественных порядков: «В нем (децизионизме Гоббса — В. Б.) проявляется великий *Левиафан*, проглатывающий все остальные порядки. Он устраняет или релятивирует сохранившиеся ленно-правовые, сословные и церковные сообщества, иерархические ступени и благоприобретенные права, устраняет любое опирающееся на подобные до-государственные порядки право на сопротивление, монополизирует право в государственном законодателе и пытается сконструировать государственный порядок из индивида, — т. е. с точки зрения порядка — из некой *tabula rasa*, из ничто порядка и сообщества»⁵⁶⁶. Основная

⁵⁶³ Шмитт К. О трех видах юридического мышления. С. 306–355.

⁵⁶⁴ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 12.

⁵⁶⁵ Шмитт К. О трех видах юридического мышления. С. 325–326.

⁵⁶⁶ Там же. С. 335–336. Отметим, что интерпретация Шмитта не находит поддержки в современных исследованиях: «Тем не менее, поскольку общественный договор, конституирующий государство, он (Гоббс — В. Б.) *не считал* историческим событием, он *не писал* о том, что вместе с вступлением в государство эти естественные связи между людьми разрушаются. *Не считал и не писал* — вопреки мнению последующих комментаторов и

претензия Шмитта заключается в том, что именно становление искусственного порядка, берущего начало в суверенном решении, дает начало вырождению права в позитивистский функционализм «буржуазно-индивидуалистического общества»⁵⁶⁷, обеспечивающий механическое единство *Gesellschaft*. Таким образом, Шмитт признает, что его ранняя опора на Гоббса несовместима с идеей трансформации *Gesellschaft* в *Gemeinschaft*, поскольку децизионизм производит лишь хрупкое искусственное единство, неспособное *экзистенциально* различать друга и врага. Столкновение с полноценным экзистенциальным вызовом скорее приведет его к распаду, чем к стремительному самоорганизующемуся единению.

Мышление о конкретных порядках предлагается Шмиттом как более продуктивная и актуальная альтернатива децизионизму. Суть этого подхода состоит в том, что целое порядка предшествует любому отдельно взятому правилу или функции, а также не сводится к простой сумме принадлежащим ему норм. Порядок обладает своей собственной правовой субстанцией, производимой социальными отношениями. Обращает на себя внимание тот факт, что действующий в подобной парадигме законодатель всегда *ограничен* естественными рамками, заданными честью и духом сообщества. Интересно, что в роли мыслителя, стоящего у истоков подобного мышления, Шмитт видит Аристотеля⁵⁶⁸ — автора представлений о природе социального, которые станут для Тённиса основой концепта *Gemeinschaft*. Шмитт признает, что стабильный порядок не может опираться *только* на волю государства — он нуждается в фундаменте в виде системы институтов. Гоббс перестает быть надежным попутчиком на этом пути, вследствие чего Шмитт обращает внимание на Аристотеля. Разумеется, это не первая важная встреча Шмитта с античной философией. Попытка интегрировать древнегреческое различение двух типов войны — *stasis* и *polemos* — впервые предпринимается в

критиков!» (Филлипов А. Ф. Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения. С. 28).

⁵⁶⁷ Там же. С. 336.

⁵⁶⁸ Там же. С. 335.

1932 году в рамках переиздания «Понятие политического». Следующий параграф диссертации будет посвящен анализу причин, делающих ее неудачной.

Шмитт завершает статью «О трех видах юридического мышления» указанием на то, что «государство как особая линия порядка внутри политического единства уже не обладает монополией на политическое, но лишь является органом вождя движения»⁵⁶⁹. В этом тезисе можно усмотреть попытку осмыслить основания и природу нового порядка, но не менее важную сторону высказывания образует признание краха проекта, берущего начало в «Понятии политического».

§ 2. Политическая общность в системе координат *stasis/polemos*⁵⁷⁰

В «Понятии политического» Шмитт предпринимает попытку дать исследуемому концепту универсальное, вневременное определение. В связи с этим он считает возможным осуществить органичное включение античных установок в собственную парадигму мышления о политическом. Проблематичность этого решения особенно громко заявляет о себе во фрагменте, в котором Шмитт обращается к античной дихотомии *stasis/polemos* как к историческому примеру, подчеркивающему разграничение между частной и публичной враждой.

Одним из важнейших положений «Понятия политического» является указание на то, что стороной политической вражды является публичный (*hostis*), а не частный враг (*inimicus*)⁵⁷¹. Помимо концептуального уточнения это различие необходимо Шмитту для того, чтобы подчеркнуть, что в библейской заповеди о любви к врагам (Мф 5:44) речь идет лишь о частном враге. Вражда с *inimicus* разворачивается в сфере приватного — в этих границах уместно говорить о любви,

⁵⁶⁹ Там же. С. 355.

⁵⁷⁰ Результаты, полученные в настоящем параграфе, опубликованы: Бродский В. И. Война во время любви: размышление над статьей С. И. Каспэ в свете различения частной и публичной вражды в учении Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. №. 3. С. 147–171.

⁵⁷¹ Шмитт К. Понятие политического. С. 304. В своих работах Шмитт преимущественно пользуется латинскими терминами, но в «Понятии политического» указывает и на их греческие аналоги — *πολέμιος* (публичный враг) и *ἐχθρός* (частный враг).

мотивированном ею примирении, забвении обид. Публичный враг, *hostis* — источник «бытийственного отрицания чужого бытия»⁵⁷², возлюбить его (для противоположной стороны) значит открыть дорогу собственному уничтожению в качестве политической экзистенции. В связи с этим «идея любить врагов своего народа и поддерживать их против своего народа»⁵⁷³ представляется Шмитту полным абсурдом.

В издании 1932, а затем и 1933 года Шмитт добавляет указание на то, что различению частного и публичного врага соответствуют два типа войны — *stasis* и *polemos*⁵⁷⁴. *Stasis* — внутренняя распря («возмущение, восстание, бунт, гражданская война») — вспыхивает в рамках одного народа; Шмитт, обращаясь к Платону, называет ее «самоистреблением»⁵⁷⁵. Таковы баталии между эллинами — даже в период вражды друг с другом они остаются *близкими, своими* — в случае же войн между греками и варварами справедливо говорить о *polemos* — вражде с чуждым политическим бытием⁵⁷⁶. В условиях эвентуального или потенциального *stasis* стороны являются частными врагами, вследствие чего к ним может быть обращено напоминание о необходимости любви друг к другу.

Обращение Шмитта к Платону нуждается в глубокой проверке на соответствие правилам, установленным самим немецким мыслителем. На возможное присутствие противоречий в осуществленном Шмиттом различении *stasis* и *polemos* впервые обращает внимание Жак Деррида⁵⁷⁷. Граница между

⁵⁷² Там же. С. 308.

⁵⁷³ Там же. С. 304.

⁵⁷⁴ Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Synoptische Darstellung der Texte. Berlin, 2018. S. 86–87.

⁵⁷⁵ Шмитт К. Понятие политического. С. 304.

⁵⁷⁶ Платон. Государство. С. 222–223.

⁵⁷⁷ Derrida J. The Politics of Friendship. P. 119. Впоследствии вопрос об убедительности шмиттовского различения частной и публичной вражды ставится еще в нескольких заслуживающих внимания работах. В одном из текстов (Dusenbury D. L. Carl Schmitt on Hostis and Inimicus: A Veneer for Bloody-Mindedness // Ratio Juris. 2015. Vol. 28. № 3. P. 431–439) указывается на то, что Шмитт некорректно ассоциирует римское понятие *inimicus* исключительно с частным врагом (в частности, приводится цитата Цицерона, где данный термин используется применительно к противнику на поле боя) (Ibid. P. 437). В этом же тексте отмечается, что Шмитт допускает неточность, ссылаясь на Помпония: *hostis* в сочинении Помпония противопоставляется не *inimicus*, а другим терминам — *latro* (разбойник) и *praedo* (пират) — не лишенным

частной и публичной враждой столь важна для Шмитта, что любая ее проблематичность, согласно французскому автору, способна привести к коллапсу «шмиттеанского дискурса»⁵⁷⁸. Столь решительный вердикт Деррида — повод присмотреться к указанной границе повнимательнее.

Идея частной вражды отсылает к фигуре, в отношении которой испытывается личная неприязнь⁵⁷⁹. Подобный антагонизм допускает огромное количество форм «частной конкуренции»⁵⁸⁰: от борьбы за сердце любимого человека до конфликта между деятелями искусства, стоящими на противоположных творческих позициях. Стремление Шмитта отделить подобные противоречия, актуальные лишь для двух фигур, от столкновения с «борющейся совокупностью людей»⁵⁸¹ — коллективным Другим — справедливо и последовательно. Но насколько справедливым на этом фоне является обращение к платоновскому *stasis* как к примеру частной вражды? Для Платона воюющие греки действительно остаются своими, но могут ли они оставаться таковыми для Шмитта на фоне того, что антагонизм между их группированиями достигает той самой точки кипения, допускающей возможность (и действительность) взаимного причинения смерти, превращающей вражду в политическую?

Итальянский мыслитель Джорджо Агамбен, развивающий многие положения учения Шмитта, указывает на то, что *stasis* представляет собой амбивалентный феномен, который невозможно герметично локализовать в сфере частного. В

политического значения (Ibid. P. 438). В другом источнике отстаивается идея того, Шмитт искажает христианскую мораль в своей попытке связать ее с платоновским различием греков и варваров как своих и чужих по природе (и потому заслуживающих разного отношения) (Durden W. S. Public and Private Responsibility: Christianity and Politics in Carl Schmitt's The Concept of the Political // Christianity & Literature. 2011. Vol. 60. № 4. P. 575–576). В настоящей работе вопрос о теологической и этимологической состоятельности шмиттовского аргумента оставлен за скобками, автор сосредотачивается на вопросе о корректности использования Шмиттом платоновского примера, исходя из внутренней логики его собственного учения.

⁵⁷⁸ Derrida J. The Politics of Friendship. P. 188.

⁵⁷⁹ Баишков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. С. 109; Durden W. S. Public and Private Responsibility: Christianity and Politics in Carl Schmitt's The Concept of the Political. P. 568.

⁵⁸⁰ Kennedy E. Hostis not Inimicus: Toward a Theory of the Public in the Work of Carl Schmitt // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. 1997. Vol. 10. № 1. P. 44.

⁵⁸¹ Шмитт К. Понятие политического. С. 304.

условиях *stasis* дом (сфера частной жизни, семья или домохозяйство) и полис неразличимы, граница между ними стирается: родной брат (наиболее близкий, свой, сторона частных отношений) оказывается неотличим от врага (*polemios*, наиболее чуждого)⁵⁸². Семейная ссора и сегодня способна разделять отцов и детей, братьев и сестер, в соответствии с линией политического фронта. На этом фоне любить становится некого — вместо *близкого*, которого можно прощать и с которым можно искать примирения несмотря ни на что, обнаруживается представитель вражеского политического единства, аватар *hostis*, любовь к которому невозможна.

Просматривается несколько способов работы с проблемным фрагментом «Понятия политического». Один из них берет начало в работе Жака Деррида. Французский мыслитель указывает на то, что в платоновской логике различения *stasis* и *polemos* присутствует важное звено, не находящее прямых аналогов в шмиттовском подходе к проблеме⁵⁸³. Согласно Деррида, едва ли не центральную роль в платоновском рассуждении играет *phusis* — общая эллинская природа, создающая *естественную* социально-политическую границу греческого мира. Варвары, обладая чуждым естеством, являются врагами эллинов *по природе*. В условиях *stasis* естественное родство греков сохраняется, несмотря на вооруженное противостояние. *Stasis* — своего рода заболевание⁵⁸⁴, помутнение, на фоне которого греки забывают о естественной для себя дружбе. Болезни способны причинять неудобства и наносить серьезный ущерб организму, но чаще всего оказываются временным обстоятельством, далеким от того, чтобы обуславливать фатальный исход.

Предложенная Деррида интерпретация *stasis* абсолютно идентична одной из центральных линий «Общности и общества» Тённиса. Отличие состоит лишь в используемом вокабуляре. Греческий *phusis* — триединство общности крови (*Blut*),

⁵⁸² Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2. С. 22–23.

⁵⁸³ Derrida J. The Politics of Friendship. P. 91.

⁵⁸⁴ Подробнее о этом значении термина *stasis* см. Vardoulakis D. *Stasis: Beyond Political Theology?* // Cultural Critique. 2009. Vol. Fall 2009. № 73. P. 130–131.

места (*Ort*) и духа (*Geist*); синтез родства, соседства и дружбы — трех описанных Тённисом базовых форм *Gemeinschaft*. Основополагающей стороной единой эллинской природы является то же естественное взаимопонимание или единодушие, что вкладывается Тённисом в понятие *Eintracht*. Важная для понимания *stasis* метафора болезни или помутнения, обнаруживает полный аналог в рассуждении классика немецкой социологии о природе враждебности, развертывающейся в рамках единой общности⁵⁸⁵.

Деррида прослеживает в *phusis* характерный для любого этноцентризма «дискурс рождения и природы»⁵⁸⁶, согласно которому политическое сообщество создается и удерживается естественным родством. Описывая афинский политический опыт, российский исследователь С. Ермаков отмечает в нем «известный натурализм», в рамках которого огромным политическим значением наделяется «общность происхождения, рождение от одной матери-земли»⁵⁸⁷. В вердикте Ермакова, согласно которому данный дискурс, «хотя и не являясь в Афинах по-настоящему ксенофобским, будучи экстраполированным на сегодняшние условия, был бы прочитан как достаточно расистский»⁵⁸⁸, можно уловить частичное созвучие предложенному Жаком Деррида прочтению Платона. Несмотря на то, что античное понимание *phusis* не сводится к этому аспекту, необходимо оценить роль фактора общности происхождения в учении Шмитта.

Вопрос о степени шмиттовского национализма является дискуссионным, и одна из теряющих сегодня актуальность исследовательских позиций связывает Шмитта с наиболее радикальными формами этой политической программы⁵⁸⁹. Тем

⁵⁸⁵ Тённис Ф. *Общность и общество*. С. 35.

⁵⁸⁶ Derrida J. *The Politics of Friendship*. P. 91.

⁵⁸⁷ Ермаков С. *Апокалиптическое народничество, Или чем опасен Агамбен // Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 142–143.*

⁵⁸⁸ Там же. С. 143.

⁵⁸⁹ Успешная попытка выделить относящиеся к этому «лагерю» тексты предпринята Бендерски (*Bendersky J. W. Carl Schmitt and the Conservative Revolution*). Все они подвергаются им резкой критике. Актуальные исследования также подчеркнуто дистанцируются от позиции, приписывающей Шмитту радикально националистические взгляды, см. *Hodrick C. From Neoreaction to Alt-Right: A Schmittian Perspective // Telos. 2022. Vol. Spring 2022. №. 198. P. 98.*

не менее признать Шмитта мыслителем, отстаивающим абсолютный приоритет национального и не допускающим возникновения конфликтов, способных ослабить национальные связи до степени формирования альтернативных политических единств, значит (вероятно, безосновательно) обвинить Шмитта в противоречии самому себе. В этом случае политическое оказывалось бы своего рода надстройкой над национальным, а политические границы были бы строго детерминированы этно-языковыми. Один из важнейших тезисов Шмитта, указывающий на то, что любой конфликт (экономический, религиозный, морально-нравственный) может перерасти в политический⁵⁹⁰, делает подобное рассуждение невозможным. Политическая вражда способна возникать на фоне любых противоречий, и ничто не мешает ей разделять народы изнутри, превращать вчерашних друзей в полноценных политических врагов.

В настоящей работе уже отмечалось, что в учении Шмитта присутствует концепт *самотождественности* (тождества народа с самими собой как с политическим единством), рассматриваемый немецким мыслителем как связанное с внутренней *гомогенностью* условие существования политического сообщества⁵⁹¹. Рассуждая о природе гомогенности, Шмитт рассматривает национальный фактор⁵⁹², но не говорит о нем как о единственно возможном⁵⁹³. «Большевистская политика советской республики попыталась заменить национальную гомогенность на гомогенность одного *класса* — пролетариата»⁵⁹⁴, и эту попытку едва ли можно признать совсем неудачной. Не менее важно, что

⁵⁹⁰ Шмитт К. Понятие политического. С. 312.

⁵⁹¹ Шмитт К. Учение о конституции. С. 56–57.

⁵⁹² Там же. С. 78.

⁵⁹³ На этом фоне более убежденным националистом, чем Шмитт, представляется даже Макс Вебер. Последний отказывает классовой идентичности в политическом статусе, прослеживая более значительный политический потенциал в «таких переменных как раса, этничность и национальность» (*Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 43*). Для Шмитта же классовый антагонизм — одно из возможных оснований политической ассоциации и диссоциации. Тесная связь национального и политического, отличающая подход Вебера, ярко являет себя в сочинении «Между двумя законами», см. Вебер М. Между двумя законами / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 112–116.

⁵⁹⁴ Шмитт К. Учение о конституции. С. 82.

максимально гомогенный народ может существовать в качестве этнической, языковой, культурной, *но не политической общности*, в том случае, если он теряет волю к различению общего врага и принимает защиту политически более сильного народа⁵⁹⁵. Исходя из вышесказанного, шмиттовскую самоидентификацию справедливо определить как максимальную (и действенную) консолидацию сообщества в отношении общего врага, способную возникать на *любой* почве.

Итак, национальная гомогенность не создает никакой априорной политической дружбы или вражды в шмиттовском контексте. Не гарантирует она и политического бытия как такового — гомогенное, но безвольное сообщество существует вне категорий дружбы и вражды. В иных обстоятельствах национальная гомогенность всегда может перестать быть политически значимым фактором на фоне превалирования антагонизма, укорененного в иных основаниях (например, классового). Во втором случае линии политической дружбы и вражды могут значительно расходиться с границами этнических, языковых и культурных ареалов. В учении Шмитта нет эквивалента *phusis*, естественным образом создающей *polemos* (войну) между греками и варварами и *stasis* (распря между друзьями) внутри эллинского мира.

В одном из фрагментов «Понятия политического» Шмитт отмечает, что «в соответствии с немецким чувством языка (и подобно многим другим языкам) “друг” изначально есть только соплеменник», но затем добавляет, что другом становится и тот, кто «“сделан родичем” через супружество, общую присягу, усыновление или тому подобные учреждения»⁵⁹⁶. Даже если представить, что *искусственное родство* возникает всякий раз, когда общность становится стороной политической вражды (так как общая готовность к войне может быть рассмотрена в качестве неформальной взаимной присяги), едва ли можно утверждать, что им производятся какие-либо стабильные социальные узы. Учитывая то, что любое противоречие среди «родичей» способно вновь достичь уровня полноценной

⁵⁹⁵ Шмитт К. Понятие политического. С. 328–329.

⁵⁹⁶ Там же. С. 383.

вражды, уничтожающей единство, использование Шмиттом метафоры «родства» по отношению к собственной версии политической «дружбы» представляется обесценивающим оба понятия.

Итак, Шмитт не может органично вписать платоновский пример в ткань своего учения — греческие политии, реализующие различные политические проекты и вступающие в открытый вооруженный конфликт, следуя логике самого Шмитта, должны быть признаны публичными, а не частными врагами⁵⁹⁷. Античный концепт *stasis* как распри между друзьями соответствует идее преходящей враждебности в рамках единой общности, не нарушающей ее единство. Неспособность Шмитта избежать серьезных противоречий при использовании платоновского различения — еще один аргумент в пользу того, что попытки немецкого автора интегрировать концепт *Gemeinschaft* в собственное учение сталкиваются с существенными теоретическими затруднениями.

Описанная выше форма *stasis* представляет собой вооруженную борьбу между политиями, принадлежащими единому эллинскому культурному пространству. Несмотря на то, что такие полисы, как, например, Афины и Спарта реализуют альтернативные друг по отношению к другу порядки, конфликт между ними остается распрей между *друзьями*, свидетельствующей о том, что «Эллада <...> больна»⁵⁹⁸. Вместе с тем понятие *stasis* исторически применяется как в

⁵⁹⁷ На первый взгляд, аргументом в пользу признания частного (приватного) характера вражды между греческими политиями, могло бы служить следующее утверждение, описывающее ряд мотивов, лежавших в основании подобных баталлий: «В Древней Греции некто мог воевать за добычу — рабов, золото или богатство — или, чтобы восполнить нехватку предметов домохозяйственной необходимости (*domestic necessities*) — древесины, железа или зерна — или, чтобы обеспечить поставки подобных ресурсов» (*Manicas P. T. War, Stasis, and Greek Political Thought // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. №. 4. P. 679*). Однако, данный аргумент был бы валиден в рамках подхода Ханны Арендт, где все приватное, связанное с природной необходимостью, строго отделяется от публичного/политического (*Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. Бибухина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с. 41–51*), но не в рамках подхода Шмитта, допускающего перерождение экономической борьбы в политическую вражду в том случае, если на ее фоне возникает коллективное вооруженное противостояние.

⁵⁹⁸ Платон. Государство. С. 223.

отношении межполисных, так и внутриполисных конфликтов⁵⁹⁹, и Шмитт открыто принимает подобный дуализм⁶⁰⁰. Во втором случае речь идет о мятеже или восстании. В таком значении *stasis*, встречается, например, в английском переводе «Истории» Фукидида, выполненным Томасом Гоббсом. Аналогом греческого термина в английском тексте служит «мятеж» (*sedition*)⁶⁰¹. Подобная форма *stasis* осмысляется в учении Шмитта: «Конфликты между внутренними акторами — дворцовые интриги, восстания недовольных — были (для Шмитта – В. Б.) не более чем вопросом общественного порядка и классифицировались в качестве “волнений” (*disturbances*), с которыми должна разбираться полиция»⁶⁰². Рассмотрение *stasis* как основания для полицейской акции, направленной против возмутителя спокойствия (мятежника), закрепляет за источником волнений статус *преступника*, а не врага. Ничего общего с фигурой, которой можно простить прегрешение в связи с продолжающейся *дружбой*, преступник не имеет. Напротив, объявить вне закона — значит дать добро на *ликвидацию*, допускающую использование особо жестоких средств. В поздних Шмитт проблематизирует феномен *криминализации* вражеских политических режимов, характеризующийся переформатированием межгосударственной войны в массивную полицейскую акцию. В этих условиях война становится «не более чем карательной акцией, обретает *пунитивный* характер», а враг лишается «какого бы то ни было правового статуса и всякого рода противоправные действия в его отношении (разбой и мародерство)» становятся обычной практикой⁶⁰³. Тревога по поводу ожесточения характера боевых действий связывает «Понятие политического» и послевоенные произведения Шмитта. В 1927 году Шмитт выражает ее в связи с перспективой распространения войн, ведущихся от лица человечества: «Такие войны — это войны, по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они,

⁵⁹⁹ Каспэ С. И. Глобальный стасис как партийная система // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. №. 2. С. 105.

⁶⁰⁰ «... *stasis* также означает (политические) *беспорядки*, движение, восстание и гражданскую войну» (Шмунт К. Политическая теология II. С. 200).

⁶⁰¹ Vardoulakis D. Stasis: Beyond Political Theology? P. 128.

⁶⁰² Arditi B. On the Political: Schmitt contra Schmitt. P. 16.

⁶⁰³ Шмунт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. С. 137.

выходя за пределы политического, должны одновременно умять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое надо не только отразить, но и *окончательно уничтожить* (курсив мой — В. Б.), то есть он перестает быть всего лишь врагом, подлежащим водворению обратно в свои границы»⁶⁰⁴. В «Номосе земли» идентичное целеполагание становится следствием объявления врага преступником, однако два описанных контекста (ведение войны от лица человечества и криминализация вражеского режима) не противоречат друг другу — новейшая история знает примеры сочетания обеих риторик. Таким образом, *stasis* как мятеж или возмущение спокойствия в описании Шмитта максимально далек от ссоры между близкими, способной быть вычеркнутой из истории (именно таково оригинальное греческое значение термина «амнистия»⁶⁰⁵) на фоне восстановившейся дружбы. Напротив, степень ожесточения подобного конфликта такова, что немецкий мыслитель предостерегает современное человечество от использования в *polemos* карательных стратегий и средств, характерных для *stasis*. Поскольку данное направление мысли Шмитта выходит за рамки темы настоящего исследования, автор позволяет себе ограничиться указанием на то, что немецкий ученый усматривает во более широко распространяющейся практике взаимной криминализации субъектов международной политики признаки радикальной трансформации глобального порядка. «По существу речь идет о дрящемся междуособном состоянии, о состоянии неразличимости войны и мира»⁶⁰⁶ — вот наилучшая характеристика формирующегося (бес)порядка в пространстве мировой политики⁶⁰⁷.

⁶⁰⁴ Шмитт К. Понятие политического. С. 312.

⁶⁰⁵ Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Пер. с фр., предисл., и примеч. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 56.

⁶⁰⁶ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. С. 161.

⁶⁰⁷ Согласно данному взгляду, становление глобальной гражданской войны уничтожает привычную парадигму международных конфликтов и ожесточает интернациональные конфликты. Однако многозначность понятия *stasis* дает основания и для альтернативной интерпретации. В работе С. И. Каспэ глобальный стасис интерпретируется в духе Платона — как межполитийное противостояние, вписанное в систему ограничений (см. Каспэ С. И. Глобальный стасис как партийная система).

Stasis как внутреннее вооружённое восстание становится одной из тем «Теории партизана». В этом контексте мы вновь имеем дело с феноменом взаимной криминализации: «Революционный борец объявляет врага преступником, а все понятия врага о праве, законе и чести — идеологическим обманом»; «... приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника»⁶⁰⁸. Обе стороны внутреннего конфликта ведут войну на уничтожение: действующий порядок выживает ценой *ликвидации* угрозы в виде бросающего ему вызов мятежника, в то время как последний получает возможность установить свой собственный только путем тотального демонтажа политического режима и физического устранения его ключевых фигур. Угрожающий порядку источник волнений мыслит себя политической фигурой, поскольку рассматривает свои подрывные действия как путь к установлению нового порядка. При этом действующий порядок квалифицирует его как преступника, с которым не принято вести переговоры. В действительности грань между двумя статусами представляется мерцающей⁶⁰⁹, зависящей от случая, масштаба и стороны, осуществляющей интерпретацию⁶¹⁰. Не исключено, что речь идет о разных фазах, через которые проходит одно и то же социальное явление. Зачинщик «хулиганских» волнений (мятежник), рассматриваемый государством как объект *уголовного* преследования, нередко мнит себя его *политическим* врагом и в случае обретения доступа к людским ресурсам и оружейным складам

⁶⁰⁸ Шмунт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 49–50.

⁶⁰⁹ Стоит отметить, что различение преступника и публичного врага (*hostis*) становится важной теоретической задачей лишь для позднего Шмитта (прежде всего, как автора «Номоса земли»). В ранних произведениях эти понятия в значительной степени смешиваются: в «Понятии политического» указывается на то, объявление кого-то внутренним *hostis*'ом — одновременно значит его объявление вне закона (при помощи инструментов юстиции) (Шмунт К. Понятие политического. С. 322), в «Диктатуре» встречается идентичный тезис, подчеркивающий, что объявленный вне закона бунтовщик одновременно «становится “чужеземцем” (*hostis*)» (Шмунт К. Диктатура. С. 197).

⁶¹⁰ Зависимость признаваемого статуса группы от «лагеря», изнутри которого осуществляется оценка, обнаруживает интересную историческую иллюстрацию в одном из шмиттовских текстов: «... в то время как буржуазные защитники священного права частной собственности еще видели в большевиках банду стоящих вне закона преступников, католики уже вели с ними деловые переговоры» (Шмунт К. Римский католицизм и политическая форма. С. 61).

обеспечивает данную претензию серьезными основаниями. Дальнейшее развитие событий способно вылиться в реалии гражданской войны, которые, вероятно, будут охарактеризованы государством в качестве контр- или антитеррористической операции (нацеленной на уничтожение *преступных* элементов), что едва ли изменит действительное положение дел, в рамках которого имеет место эвентуальное вооруженное столкновение двух борющихся совокупностей — политических врагов, поддерживающих собственные порядки на контролируемых территориях. Несмотря на возможный спор о преступном или политическом статусе группировки, бесспорным остается тот факт, что она не может быть охарактеризована в качестве частного врага.

Итак, *stasis* в значении «внутриполисной» вражды не может служить иллюстрацией частной вражды. Обращение Шмитта к платоновскому различению остается проблематичным и под этим углом зрения. Вместе с тем отмеченная амбивалентность статуса инициатора *stasis*, о которой сообщает «Теория партизана», открывает широкое пространство для осмысления основного предмета этого произведения в категориях, связанных с проблемой социального порядка.

§ 3. Теория партизана и проблема (бес)порядка⁶¹¹

Карл Шмитт известен как автор одной из самых значимых попыток проведения границы между *политическим* и прочими областями человеческого существования. Однако знаменитое рассуждение о *возможности взаимного причинения смерти* как о критерии, отделяющем политическое и экономическое, этическое и эстетическое обращает на себя столь пристальное внимание, что в его тени рискует остаться еще одна граница, представляющаяся не менее важным

⁶¹¹ Результаты, полученные в настоящем параграфе, опубликованы: *Бродский В. И.* Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. №. 2. С. 308–334.

интеллектуальным открытием Шмитта — граница между политическим и *криминальным*, обладающая огромным значением для социальной науки.

Один из контекстов, которому принадлежит шмиттовское исследование границы между политическим и криминальным, напрямую связан с проблематикой социального порядка. Речь идет об исследовании феномена иррегулярных воинских формирований, осуществленном Шмиттом на страницах «Теории партизана». Главный герой указанного произведения — автохтонный партизан, стремящийся подорвать оккупационный порядок, попытку установления и поддержания которого осуществляет интервент на занятых территориях. Криминализация партизана, осуществляемая оккупантом — хорошо известный факт, подчеркнутый самим Шмиттом⁶¹². Однако партизанское движение должно быть рассмотрено и как потенциально проблематичное явление для социального порядка, поддерживаемого институтами государственной власти, в интересах которой партизан действует на оккупированных территориях. Интенсивная политическая вовлеченность партизана способствует решению важнейших боевых задач и тем самым приближает победу над внешним врагом, что является основанием для его поддержки и героизации. Вместе с тем эта же характеристика партизанского движения способна стать основанием и причиной резких политических требований в отношении регулярности, что может быть воспринято как угроза социальному порядку и встречено повторной криминализацией. Данное рассуждение автора развивает исследовательскую позицию, согласно которой за строгим определением партизана, предложенном в «Теории партизана» скрывается «хамелеон»⁶¹³, чья иррегулярность может быть интерпретирована и как маркер героического риска, и как угроза государственной безопасности в зависимости от колебаний партизанской активности. Указанная интерпретация берет начало в исследовании

⁶¹² Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 50, 56.

⁶¹³ Gasché R. The Partisan and the Philosopher. P. 12.

Гаше⁶¹⁴, развивается в работе Шульцке⁶¹⁵ и становится важной частью теоретической базы, на которую опирается данный раздел диссертации. Проблема партизана, которая по собственному признанию Шмитта, прежде всего, является проблемой взаимодействия воинской регулярности и иррегулярности⁶¹⁶, принадлежит теоретическому контексту социологии как науки о социальном порядке, так как проливает свет на ранее неисследованные «серые зоны», обнаруживающиеся на его границе.

Несмотря на то, что основной линией «Теории партизана» является рассмотрение автохтонного партизана, борющегося с внешним агрессором, произведение содержит и целый ряд положений, имеющих отношение к партизану повстанческого типа, борющегося с действующим политическим режимом — революционера или борца за независимость⁶¹⁷. Исследование этой стороны шмиттовского произведения позволяет развить тезис о «мерцающем» характере границы между политическим и криминальным в условиях начальной фазы гражданской войны и зафиксировать ситуацию неразличимости политического и криминального, возникающую в условиях гражданского конфликта. Генезис подобной ситуации связан с политизацией используемых в рамках гражданского конфликта средств осуществления насилия и взаимной, обоюдной криминализацией участников противостояния.

Основным результатом «Теории партизана» является определение четырех критериев, схватывающих сущность изучаемого феномена (иррегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической вовлеченности, теллурический характер)⁶¹⁸. Несмотря на то, что выделенные Шмиттом характеристики обобщают опыт, способный показаться архаичным на фоне реалий

⁶¹⁴ Ibid.

⁶¹⁵ *Schulzke M.* Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War // *Journal of International Political Theory*. P. 345–364.

⁶¹⁶ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 106.

⁶¹⁷ Там же. С. 114–117.

⁶¹⁸ Там же. С. 38.

современной войны⁶¹⁹, шмиттовское учение о партизанах остается надежным инструментом социальной науки. Во-первых, исследователи отмечают, что шмиттовский партизан представляет собой «концептуальную модель», полное соответствие которой едва ли образует хотя бы одна современная иррегулярная сила⁶²⁰. В связи с этим есть смысл предположить, что Шмитт предлагает читателю теоретическую конструкцию, способную выступить в роли отправной точки анализа любого социального феномена, связанного с военизированной иррегулярностью. Во-вторых, сам Шмитт открыто признает, что сформулированные им критерии представляют собой не «окончательное решение необъятной проблемы партизана», а ее «предварительный исток», и потому открыты будущим коррективам⁶²¹. Многие факторы, основным из которых является влияние технического прогресса, способны обуславливать серьезные преобразования характера партизанской борьбы, требующие актуализации содержания введенных Шмиттом критериев. Ниже будет представлена реконструкция четырех существенных характеристик партизанства в свете наиболее релевантных фоновых изменений.

Первую строку в шмиттовском списке критериев занимает уже упомянутая во введении иррегулярность. Несмотря на то, что Шмитт достаточно развернуто описывает различные проявления иррегулярности, ни в «Теории партизана», ни в беседе по мотивам этого произведения, мы не встречаем четко сформулированного определения данного понятия, в результате чего возникает необходимость в его уточнении. Габриэлла Сломп справедливо замечает, что понятие «иррегулярность»

⁶¹⁹ Партизан, описываемый Шмиттом — теллурическая фигура, тесно связанная с родной землей и мобилизуемая в условиях сухопутной оккупации, осуществляемой интервентом (*Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 108–109; *Дмитриев. Т. А.* Теория партизана вчера и сегодня. С. 205). В «Номосе Земли» Шмитт справедливо указывает на то, что этот институт оказывается все менее представленным в условиях современной войны, в рамках которых все более возрастает роль воздушных средств (*Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. С. 473). Оккупант приносит с собой новый порядок, становящийся главной мишенью партизана (*Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 43–44, 46). Авиационные бомбардировки и ударные БПЛА ничего подобного не производят, оставляя лишь разрушения.

⁶²⁰ *Schulzke M.* Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War. P. 346.

⁶²¹ *Шикель И., Шмитт К.* Беседа о партизанах. С. 148–149.

обретает смысл и значение только на контрасте с институтом регулярных армий⁶²². Указание британской исследовательницы объяснимо — в «Теории партизана» мы действительно сталкиваемся с целой серией противопоставлений воинской регулярности и иррегулярности⁶²³. Вместе с тем необходимо обратить более пристальное внимание на то, в каком именно значении Шмитт рассуждает о регулярности на страницах текста. Особенности использования понятия в ряде контекстов «Теории партизана» явно говорят в пользу того, что содержание концепта не сводится исключительно к милитарному аспекту и требует более широкого осмысления в категориях социального порядка.

Отсутствие формы и знаков отличия, диверсионные методы вооруженной борьбы и прочие конкретные проявления партизанской иррегулярности имеет смысл противопоставлять соответствующим антиподам, присущим армейской регулярности. Вместе с тем все это является *следствием* то, что «легальность является неотразимым функциональным модусом всякой современной, государственной армии»⁶²⁴, на фоне чего смыслообразующей характеристикой иррегулярности становится *нелегальность*, пребывание вне системы правового порядка. Эта характеристика актуальна как для автохтонного партизана, стремящегося подорвать оккупационный порядок при помощи диверсий и нападений «исподтишка», так и для партизана повстанческого типа (революционера или сепаратиста). Текущую иррегулярность стороны гражданского конфликта легитимизирует стремление к «осуществлению новой регулярности собственными силами»⁶²⁵, и в данном контексте речь идет не столько о будущей трансформации партизанского движения в регулярные войска, сколько о цели построения *нового порядка* на пепелище старого (первое является лишь следствием последнего). «Тот, кто берется определять, кто является врагом, притязает на

⁶²² *Slomp G.* The Theory of the Partisan: Carl Schmitt's Neglected Legacy. P. 506.

⁶²³ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 26, 42, 59–60.

⁶²⁴ *Там же.* С. 130.

⁶²⁵ *Там же.* С. 117

собственную, новую легальность»⁶²⁶ — это утверждение Шмитта подразумевает, что объявляющий действующий политический режим вражеским партизан-революционер одновременно является носителем проекта нового общественного порядка. Стремление к освобождению контролируемой врагом территории путем вооруженной борьбы с целью установления на ней собственного порядка делает революционера политической фигурой в своих собственных глазах. В данной работе уже не раз отмечалось, что «порядок есть телос политического»⁶²⁷, и именно в этом смысле следует понимать регулярность, являющуюся целевой причиной политической борьбы партизана-революционера или борца за независимость.

Уточненное понимание регулярности может поспособствовать прояснению феномена иррегулярности. Шмитт фиксирует пребывание партизана вне легальности, однако данная проблема не является сугубо правовой. «Ключевые понятия современности являются понятиями порядка: “государство”, “право”, “конституция”, “суверенитет” и даже “политика” содержательно, на уровне семантики, и структурно, как определенный тип дискурса, несут в себе аспект упорядоченного социального действия»⁶²⁸, и используемый Шмиттом концепт легальности, разумеется, органично встраивается в данный список. Иррегулярный боец является фигурой, сознательно ставящей себя вне порядка — именно поэтому он делит рассматриваемую характеристику с пиратом или бандитом⁶²⁹. Преступник пренебрегает нормами и требованиями действующего порядка, ориентируясь лишь

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 126.

⁶²⁸ Там же.

⁶²⁹ Не следует полагать, что, ставя себя вне действующего социального порядка (и даже стремясь уничтожить его), иррегулярный боец становится фигурой, абсолютно чуждой порядку как таковому. Как справедливо утверждает О.В. Кильдюшов, «невозможно представить политическое сообщество или социальную группу, не имеющих никаких более или менее отчетливых структур порядка, даже если в качестве их цели заявляется их разрушение» (Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. С. 126). Ни партизан, ни бандит не являются исключениями из этого правила — например, деятельность криминальных группировок вписана в систему неформальных, но действенных правил. При этом важно подчеркнуть, что присущий этим сообществам порядок является внешним и альтернативным по отношению к социальному порядку, поддерживаемому институтами государственной власти.

на свой собственный. Весь боевой путь первого являет собой аналогичное *самоисключение*: иррегулярный боец повстанческого типа занимает это положение, стремясь уничтожить действующий социальный порядок, представляющийся ему несправедливым; автохтонный партизан, борющийся с интервентом — преследуя цель подорвать порядок, попытку установления которого осуществляют оккупационные власти⁶³⁰. Последний при этом пребывает и вне порядка, действующего на его Родине, борющейся с внешним агрессором: формирование отряда осуществляется в обход установленных мобилизационных процедур; внутренняя иерархия группы не вписана в строгую систему воинских званий; на принадлежащих движению бойцов не распространяются формальные правила, действующие в отношении солдат и офицеров регулярных сил. Именно поэтому партизан позволяет себе использовать методы и средства, недоступные для солдат регулярной армии, пренебрегает ношением формы и использованием знаков различия.

На данном этапе необходимо зафиксировать, что борющаяся с интервентом регулярность, способна повысить свои шансы на успех в борьбе с внешним врагом, оказывая поддержку самоорганизующемуся партизанскому движению. Однако этим путем она возвращает нечто неподдающееся прямому контролю при помощи средств, эффективно действующих в отношении легальных соединений⁶³¹. Тем

⁶³⁰ Цели подобной направленности партизанской борьбы могут быть хорошо переданы при помощи директивы, адресованной прусскими властями *ландштурму* (являющемуся одним из исторических примеров борющейся с внешним врагом иррегулярности): «Стремление врага восстановить общественный порядок также должно было беспрекословно пресекаться, поскольку установление им такого порядка облегчало бы врагу ведение боевых действий» (Дмитриев. Т. А. Теория партизана вчера и сегодня. С. 242). Помимо сугубо военных перспектив эффективное поддержание покоя и порядка способно повысить лояльность местного населения в отношении оккупанта. Стремление пресечь подобное развитие событий (представляющееся катастрофическим для судьбы народа и государства) также может мотивировать партизанскую активность.

⁶³¹ Интересно, что силы, заинтересованные в стабильности действующего социального порядка, способны распознавать соответствующие угрозы, сопровождающие поощрение партизанской активности. Так, во время франко-прусской войны «привилегированные слои прусского общества встретили публикацию эдикта (призывающего к созданию народного ополчения — *ландштурма* — В.Б.) достаточно неприязненно, увидев в нем угрозу династическим интересам, с одной стороны, и проповедь анархии и беззакония, с другой» (Дмитриев. Т. А. Теория партизана вчера и сегодня. С. 242). Данная «неприязнь», очевидно,

самым регулярность создает для себя риски, актуальные как для будущего мирного времени, так и для периода боевых действий (например, в том случае, если партизан продолжает вооруженную борьбу на фоне исходящих от регулярности инициатив, связанных с переходом к мирному урегулированию). Риски при этом являются обоюдными: в связи с отсутствием гарантий, на которые могут рассчитывать бойцы регулярных армий, автохтонный партизан должен быть готов не только к столкновению с самыми жестокими репрессиями со стороны оккупанта, но и с любой реакцией со стороны регулярности, в интересах которой он воюет. Последняя не имеет перед ним никаких формальных обязательств, аналогичных обязательствам перед солдатами и офицерами, действующих в легальном поле. Не будет большим преувеличением отметить, что автохтонный партизан вообще *не существует* с юридической точки зрения, и признание его заслуг зависит исключительно от политической воли, стоящей за действующим порядком.

Второй критерий — повышенная мобильность — едва ли требует развернутых комментариев. Данная особенность — еще одна характеристика, которую иррегулярный боец делит с преступником. Партизанские отряды способны быстро менять место дислокации, осуществлять молниеносные вылазки. В этом отношении партизан не отличим от налетчика, действующего в виде малочисленной мобильной группы и мгновенно растворяющегося среди рядовых граждан. Пространство партизанской активности может быть чрезвычайно широким в связи с высокой скоростью перемещения и отсутствием точек постоянного расположения. Шмитт делает акцент на моторизации, являющейся одно из ключевых причин высокой мобильности иррегулярных соединений, и отмечает возможность структурной трансформации партизанских движений на фоне все большего усиления данной тенденции. К этому вопросу следует вернуться при обсуждении четвертого критерия, связанного с теллурическим характером партизанской борьбы.

сопряжена с заботой о сохранении действовавшего общественного порядка, бенефициарами которого были представители знати.

Третий критерий, выделенный Шмиттом — интенсивность политической вовлеченности партизана. Образующая его характеристика состоит в том, что партизан целиком и полностью отдает себя вооруженной борьбе, заступая в смерть значительно дальше и охотнее в сравнении с бойцом регулярной армии⁶³². Партизаном движет «личное, экзистенциально окрашенное неприятие факта оккупации родной страны»⁶³³, а не процедурная механика действующего порядка. Столь мощная мотивация и преданность общему делу борьбы с врагом делают партизанское движение монолитным политическим единством, крепость социальных связей внутри которого немислима для «современного либерального государства»⁶³⁴ и не только либерального. В связи с этим именно автохтонный партизан представляет самое приближенное к классической версии *Gemeinschaft* социальное явление из всех тех, что были описаны и осмыслены Шмиттом.

Важно отметить, что самостоятельное решение о противостоянии врагу наделяет автохтонное партизанское движение параллельной по отношению к действующей регулярности политической субъектностью. Обстоятельства внешней агрессии могут подталкивать регулярность к поощрению и стимуляции партизанской активности, но обратной стороной подобной стратегии является появление «актера, угрожающего монополии государства на политическое»⁶³⁵ и отличающегося несоизмеримо более высокой степенью социальной сплоченности. Поскольку именно потеря этого эксклюзивного права означает для Шмитта уничтожение единого народа, оборачивающееся возникновением новых политических тел, реализующих собственные порядки, поддержка партизанского движения представляет собой чрезвычайную меру, призванную спасти государство

⁶³² Бродский В. И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта. С. 94.

⁶³³ Дмитриев. Т. А. Теория партизана вчера и сегодня. С. 205. Данное замечание относится к автохтонному партизану, но и партизан-революционер может приписывать оккупационный характер действующему политическому режиму.

⁶³⁴ Slomp G. The Theory of the Partisan: Carl Schmitt's Neglected Legacy. P. 505.

⁶³⁵ Ibid.

в момент экзистенциальной опасности, но потенциально создающую ту же самую перспективу.

Четвертый критерий, на котором заостряет внимание Шмитт — теллурический характер партизанской активности. Шмиттовский партизан — плоть от плоти Родины, его тактическим преимуществом является использование географических особенностей ее местности, понимание специфики локальной инфраструктуры. Он легко смешивается с гражданским населением, затрудняя преследование. Автохтонность и стремление «защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика»⁶³⁶ наделяют партизана оборонительной природой. Однако оборонительный характер партизанства лишь на первый взгляд целиком и полностью соответствует интересам регулярности. Учитывая предыдущую характеристику (повышенную интенсивность политической вовлеченности, тотальную погруженность во вражду с интервентом), есть смысл предположить, что партизан может враждебно отнестись к любым мирным инициативам со стороны регулярности, усмотрев в них предательское отступничество. На фоне отступлений или локальных поражений регулярных войск, партизан, сохраняя свою оборонительную природу, может занять (и сделать публичной) политическую позицию, согласно которой действующая регулярность защищает Родину недостаточно рьяно или компетентно. Как справедливо отмечает О. В. Кильдюшов, «эвристически различение друга и врага — эффективный, хотя и небезопасный способ проверки наличия самого социального порядка»⁶³⁷. Эвентуальное различение друга и врага, данное в опыте борьбы с внешней силой — самая серьезная проверка порядка на прочность. Любая, даже дискурсивная, конфронтация с параллельно борющейся иррегулярностью способна стать для порядка серьезнейшим дестабилизирующим вызовом в и без того экстремальных условиях вооруженного конфликта.

⁶³⁶ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 48.

⁶³⁷ Кильдюшов О. В. Война и социальный порядок: ultima ratio или conditio humana? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко). С. 20.

Другая интересующая Шмитта фигура — революционер-интернационалист — жертвует оборонительным характером в пользу глобальных амбиций, в связи с чем «становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности» и «лишается всего, за что он поднимался на борьбу и в чем был укоренен теллурический характер, легитимность его партизанской иррегулярности»⁶³⁸. Вместе с тем, партизан, выступающий в роли локального революционера (или борца за независимость), может, как уже было отмечено ранее, объявить действующий политический режим оккупационным (а также антинародным, марионеточным и т. д.) и сопроводить свою агрессию освободительным пафосом.

Технический аспект способен внести коррективы в сочетание характеристик, вынесенных Шмиттом в критерии принадлежности к партизанству. Как справедливо замечает Шульцке, критерии мобильности и теллурического характера сталкиваются друг с другом: последний создает пространственные ограничения, сдерживающие возможности первого⁶³⁹. Перспектива подобного сдерживания зависит от степени развития средств мобильности — значительный технологический скачок способен ослабить теллурический критерий или наполнить его новым содержанием. Шмитт признает факт подобной детерминации: «В той мере, в какой партизан моторизируется, он утрачивает почву, и растет его зависимость от индустриально-технических средств, в которых он нуждается для своей борьбы. <...> Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, как будто бы тем самым растворяются во всепобеждающем техническом аспекте»⁶⁴⁰. Расширение пространства иррегулярной вооруженной борьбы, обеспечивающееся стремительным развитием технических средств мобильности, приводит к трансформации самой сути партизанского движения. Из локально-оборонительного оно трансформируется во

⁶³⁸ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 115.

⁶³⁹ *Schulzke M.* Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War. P. 346.

⁶⁴⁰ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 117.

всемирно-агрессивное и, бросая вызов традиционным политическим порядкам, подрывает парадигмальные основания человеческого сосуществования, делающие возможными мир, спокойствие и безопасность. Границы замиренных⁶⁴¹ пространств стираются в глобальной гражданской войне⁶⁴², реализующей *абсолютную вражду* и не ведающей «никакого оберегания»⁶⁴³.

«Война пронизывает всю социальную ткань современного мира. Она часто являет себя в качестве знакомого конфликта между политическими образованиями, как классическими, так и современными, не обязательно являющимися государствами. Различные движения, организации и вооруженные группировки способны вести длительные и полномасштабные боевые действия как друг против друга, так и против международно-признанных государств»⁶⁴⁴ — данная характеристика современной войны и ее роли в общественной жизни проливает свет на все более широкую представленность иррегулярных сил в актуальном контексте. Подобные формирования все реже соответствуют автохтонному типу партизана, вокруг которого в значительной степени выстраивается «Теория партизана», но сохраняют связь со шмиттовским произведением, воплощая в себе предвосхищенные Шмиттом тенденции, связанные с ослаблением теллурической привязки на фоне глобальных возможностей, возникающих на фоне стремительного развития средств мобильности. Общей характеристикой автохтонного партизана и его современных сверхмобильных наследников остается иррегулярность — пребывание вне систем норм и процедур, предполагаемых конвенциональными социальными порядками. Более того, самого Шмитта, осознающего возможные будущие трансформации, партизан интересует, прежде

⁶⁴¹ Автор находит уместным использование прилагательного, встречающегося в русском переводе работы Бёкенфёрде: «... государство — это единство, замиренное внутри себя, и именно потому — политическое единство, охватывающее также и само политическое» (*Бёкенфёрде Э.-В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву. С. 160).

⁶⁴² *Kochi T.* The Partisan: Carl Schmitt and Terrorism // *Law and Critique*. 2006. Vol. 17. №. 3. P. 292.

⁶⁴³ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 82.

⁶⁴⁴ *Filippov A. F., Kildyoshev O.* Political theology and international justice // *Russian Sociological Review*. 2023. Vol. 22. No. 4. P. 8.

всего, как носитель иррегулярности: «... проблема партизана есть проблема отношения регулярной и иррегулярной борьбы»⁶⁴⁵. Именно на этой черте, создающей «мерцание» границы между криминальным и политическим необходимо сосредоточить особое внимание.

Исследуя феномен партизанских движений, Шмитт неоднократно обращается к проблеме, связанной с возможностью партизана опуститься «в Неполитическое»⁶⁴⁶, раствориться в сфере криминала и бандитизма. Подобная перспектива всегда сопровождает партизанскую активность по причине изначальной близости партизанства и криминала, возникающей на фоне отмеченных выше общих характеристик. Грань между партизанской и преступной деятельностью представляется одновременно чрезвычайно важной и невероятно тонкой. Исследуя этот аспект, Шмитт обращается к аналогии, в рамках которой указывает на схожие (с точки зрения связи с регулярностью) различия между пиратом и корсаром (приватиром, капером)⁶⁴⁷. Шмитт признает ограниченный потенциал данной параллели, объясняющийся принадлежностью партизана и корсара разным стихиям — суши и морю, соответственно. Теллурический характер автохтонного партизана XIX–XX веков не позволяет охарактеризовать его как «сухопутного корсара» — подобное словосочетание неизбежно упускает такие важные стороны партизанской активности как маскировка, смешение с гражданским населением, диверсионные методы ведения борьбы, использования особенностей местности. Тем не менее, «тип его (корсара — В.Б.) иррегулярности как-то связан с регулярностью», в связи с чем «корсара морской войны и партизана сухопутной войны можно сравнивать между собой»⁶⁴⁸ в качестве фигур, сохраняющих политический статус, несмотря на реализуемые ими де-факто криминальные практики. Зафиксировав то, что иррегулярное удерживается в

⁶⁴⁵ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 106.

⁶⁴⁶ Там же. С. 117.

⁶⁴⁷ Там же. С. 108–109

⁶⁴⁸ Там же.

политическом благодаря определенной связи с регулярностью, позволим себе развить одобренное Шмиттом сравнение.

Пират являет собой пример абсолютной иррегулярности — он ставит себя в положение «врага рода человеческого»⁶⁴⁹ и чужд любому флагу, кроме черного. Как само пиратство, так и действия, направленные *против* него, не обладают политическим характером⁶⁵⁰. Корсар обладает связью с регулярностью, так как «снабжен “патентом” государственного правительства»⁶⁵¹ (на фоне чего имеет право ходить под флагом своей страны⁶⁵²), и потому не является морским разбойником. Столь принципиальное противопоставление на деле нередко оборачивается фактической неразличимостью: корсар, имея пиратские привычки, склонен превышать прописанные в патенте полномочия⁶⁵³, а его судьба открыта совершенно противоположным сценариям: «Часто лишь случай решал, закончит ли такой корсар жизнь королевским вельможей, высокопоставленным сановником или приговоренным к повешенью пиратом»⁶⁵⁴. Криминализация корсара — следствие отзыва признания со стороны государственной регулярности, зачастую связанного с независимыми от самого корсара причинами: «... собственное правительство хладнокровно жертвовало ими, когда они становились неудобными или когда это диктовалось соображениями внешнеполитического порядка»⁶⁵⁵. С другой стороны,

⁶⁴⁹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. С. 43.

⁶⁵⁰ Schmitt C. *Der Begriff der Piraterie // Positionen und Begriffe, im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles 1923–1939*. Berlin, 2015. S. 275.

⁶⁵¹ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 108.

⁶⁵² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. С. 597.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Там же. С. 596–597

⁶⁵⁵ Там же. С. 596. Наиболее ярко данный тезис Шмитта может быть проиллюстрирован судьбой Уолтера Рэли — английского мореплавателя и фаворита королевы Елизаветы I. Рэли принял участие в ряде крупных корсарских акций, в частности, в захвате и разграблении знаменитого португальского каррака «*Madre de Deus*» (Гаврилов С. Н. Справедливая война руками частного: «Приватизация» военных действий на море в Англии в 1585–1603 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №. 3. С. 52). В течение жизни Рэли несколько раз чередовал морские авантюры с периодами заключения в Тауэре и закончил жизнь на виселице, будучи обвиненным в пиратстве. Основанием для обвинения стала атака испанского гарнизона в Венесуэле, которая была признана преступной королем Яковом I на фоне переговоров о браке своего сына с испанской инфантой (Копелев Д. Н. Раздел океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013. С. 634).

откровенно пиратские, никем и ничем не санкционированные акции могли получить «корсарский» статус постфактум — таков случай сэра Фрэнсиса Дрейка⁶⁵⁶. Таким образом, одна и та же активность может быть квалифицирована и в качестве пиратской, и в качестве корсарской, в зависимости от характера связи с регулярностью, определяемого самой регулярностью. Отметим, что корсар представляется более легальной фигурой, чем партизан — государственный патент включает первого в легальное поле, подчиняет его деятельность системе призового права, в то время как последний скорее является объектом легитимации⁶⁵⁷, дискурсивного признания и поощрения со стороны регулярности. Партизан может быть прославлен как герой, но при этом остаться юридически несуществующей фигурой. Вместе с тем включение корсара в систему правового порядка не гарантирует его полноценную интеграцию в социальный порядок. «Регулярное может стать институционализированной профессией, иррегулярное не может»⁶⁵⁸, и до тех пор, пока даже обладающий государственным патентом корсар не превратится в кадрового морского офицера (что не всегда просто, так как «для хорошего кадрового офицера униформа — это нечто большее, чем костюм»⁶⁵⁹, а именно — особая честь и культура, плохо сочетающаяся с криминальным бэкграундом), он останется чуждой порядку фигурой, открытой использованию в качестве разменной монеты в рамках внешне- и внутреннеполитических интриг.

Политический статус партизана также требует связи с существующей или проектируемой регулярностью⁶⁶⁰. Теллурический партизан, борющийся с интервентом, сохраняет связь с Отечеством, воюя в интересах государства,

⁶⁵⁶ *Read A. Pirates and Privateers in Elizabethan England // The Laws of Yesterday's Wars / Ed. by S. White. Leiden and Boston, 2021. P. 181.*

⁶⁵⁷ «Мы напоминали о том, что партизан нуждается в *легитимации* (курсив мой — В.Б.), если он хочет держаться в сфере политического и не хочет скатиться в сферу криминального» (*Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 127*).

⁶⁵⁸ *Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 126*

⁶⁵⁹ *Там же.*

⁶⁶⁰ «С расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличного регулярного или осуществление новой регулярности собственными силами» (*Там же. С. 117*).

утратившего контроль над оккупированными территориями. При этом своим подходом к ведению вооруженной борьбы партизан едва ли отличается от преступника: первый, как и последний «нападает из-за угла, выбирая для этого самый подходящий момент с тем, чтобы застать врага врасплох и нанести ему наибольший ущерб», использует такие методы как «внезапные налеты, диверсии», устраивает акции устрашения⁶⁶¹. Феноменологически деяния автохтонного партизана представляют собой чистый бандитизм, что делает его неотличимым от представителя криминалитета. На этом фоне можно предположить, что наиболее ценным кадром, способным успешно реализовывать «внезапные налеты» и прочие описанные выше операции, будет вчерашний налетчик, обладатель криминального опыта. Порядок может использовать силу, ранее угрожавшую ему самому, в борьбе против внешнего агрессора, политического врага, тем самым обуславливая «мерцание» границы между криминальным и политическим и превращая преступника в эффективный инструмент внешнего противостояния. Успех подобных диверсий (связанных с колоссальными рисками и способных существенно повлиять на дальнейший ход конфликта) открывает дорогу к героизации иррегулярного бойца, его превращению в важный политический символ. С другой стороны, противник воспринимает партизана именно как преступника, злостного нарушителя спокойствия, бросающего вызов порядку, который он стремится установить или поддерживать⁶⁶². Оккупант заинтересован в нормализации жизни на занятых территориях — подобные условия позволяют ему наладить тыловую работу, эффективно организовывать дальнейшие наступательные операции. Инструментом установления необходимого оккупанту порядка становится система правил (разоружение, комендантский час и т. д.), саботируемых партизаном с целью создания хаоса в рядах интервента. Диверсии и акции устрашения сеют панику среди вражеских войск и коллаборационистов⁶⁶³,

⁶⁶¹ *Дмитриев. Т. А.* Теория партизана вчера и сегодня. С. 209.

⁶⁶² *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического С. 43–44, 56.

⁶⁶³ Данная задача соответствует логике, описанной А. Ф Филипповым: «Стремление расшатать солидарность противника не только на фронте, но и в тылу — важнейшая часть военно-

делают тыл неотличимым от фронта, вносят существенный разлад в процессы, от которых напрямую зависят не только тактические, но и стратегические перспективы военной кампании⁶⁶⁴. Тень «нападающего из-за угла» партизана — проекция гоббсовского естественного состояния, источник перманентной экзистенциальной опасности, ощущать которую должен каждый комбатант-интервент и местный коллаборационист. Ответом на подобные шаги партизана становятся жесткие полицейские акции, воплощающие принцип «с партизанами борются только партизанским способом»⁶⁶⁵. Таким образом, интенсивность политической вовлеченности теллурического партизана (воплощающая в регулярной готовности принять смертельные риски, предполагаемые партизанской борьбой) прямо пропорциональна степени его криминализации оккупационным порядком.

Партизану-революционеру удерживаться в политическом позволяет правило «с расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному»⁶⁶⁶. В этом случае политическая природа движения изначально укоренена в отношении к проектируемой, а не действующей регулярности. Интересно, что партизан в этом контексте несет в себе черты суверенного диктатора⁶⁶⁷: подобно тому, как последний легитимизирует свою деструктивную акцию, ссылаясь на *будущую* конституцию, первый приговаривает акторов действующего режима, ориентируясь на порядок, который он *только стремится установить*. Имея в своем арсенале огромный набор нелегальных средств, иррегулярный боец повстанческого типа стремится уничтожить действующий

политической стратегии» (Филиттов А. Ф. Долгое ненастье. К философии гражданской войны С. 37).

⁶⁶⁴ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 108.

⁶⁶⁵ Там же. С. 109.

⁶⁶⁶ Там же. С. 117.

⁶⁶⁷ «Суверенная же диктатура весь существующий порядок рассматривает как состояние, которое должно быть устранено ее акцией. Она не *приостанавливает* действующую конституцию в силу основанного на ней и, стало быть конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией. Таким образом, она ссылается не на действующую конституцию, а на ту, которую надлежит ввести» (Шмитт К. Диктатура. С. 158).

порядок с целью установления альтернативного⁶⁶⁸. Подобная интенция позволяет повстанцу сохранять политический статус в своих собственных глазах и потенциально обрести его в глазах заинтересованного третьего — внешней регулярности, заинтересованной в обретении политического друга по итогам гражданского конфликта. Третья сторона способна предоставлять партизану различные ресурсы, самым ценным из которых становится политическое признание⁶⁶⁹, усиливающее легитимность партизана за счет установления связи не только с будущей, но и наличествующей регулярностью.

Отметим, что с точки зрения действующего порядка ни публичные амбиции иррегулярного бойца, ни факт его признания со стороны внешних акторов, не отменяют его статуса мятежника⁶⁷⁰ — не-политического нарушителя покоя, производимого порядком. Строгая, объективная граница между политическим и криминальным в этом контексте вновь отсутствует — сам иррегулярный боец и его возможный внешний покровитель могут определять цели вооруженной борьбы как политические, воплощающие стремление к установлению более справедливого социального порядка (что автоматически наделяет соответствующим статусом и самого бойца), в то время как действующий порядок не может не ответить на это криминализацией мятежного движения⁶⁷¹, риторическая сторона которой вероятно

⁶⁶⁸ Интересно, что данное рассуждение Шмитта соответствует духу знаменитого тезиса М. Бакунина «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем творческая страсть!» (*Бакунин М. А. Реакция в Германии (Очерк француза)* // Бакунин М. А. Избранные труды. М., 2010. С. 73). Данная параллель примечательна тем, что во многих работах Шмитта Бакунин раскрывается как «один из главных идейных антагонистов» (*Яркеев А. В. Политическая теология: генезис концепта*. С. 8) немецкого мыслителя.

⁶⁶⁹ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 116.

⁶⁷⁰ Шмитт эксплицитно подчеркивает уголовный, не-политический статус мятежника «...разбойники, пираты и мятежники— это не враги, не *justi hostes*, но объекты уголовного преследования и обезвреживания» (*Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. С. 187).

⁶⁷¹ Целью вооруженной борьбы повстанца едва ли является чистая деструкция, сеяние хаоса ради самого хаоса. Инициированный им гражданский конфликт скорее следует рассмотреть как конкуренцию социальных порядков — действующего и проектируемого: «Когда мы говорим о гражданской войне, мы отнюдь не представляем себе полный распад социальных связей. Скорее нам представляются партии, движения, наконец, отдельные территории, которые

будет состоять в сведении его подлинным мотивов к персональной корысти главарей (что, с точки зрения Шмитта, является основным маркером принадлежности криминальному⁶⁷²). В случае сценария поддержки со стороны «заинтересованного третьего» меры по нейтрализации «мятежа» могут быть объявлены внешней регулярностью беспорядочно жестокими, на фоне чего за границей политического в ее глазах окажется уже действующий порядок, реагирующий на внутренний вызов⁶⁷³. Итальянский мыслитель Джорджо Агамбен, рассматривает *stasis*, гражданский конфликт, как «политическую парадигму, единую городу и знаменующую становление политическим неполитического (*oikos*) и становление неполитическим политического (*polis*)»⁶⁷⁴, порог неразличимости между семейным и гражданским. На фоне отмеченной выше взаимной криминализации сторон гражданского конфликта, сопровождающейся политизацией криминальных средств осуществления насилия, имеет смысл предположить, что внутреннее столкновение регулярного и иррегулярного может быть рассмотрено также и как ситуация неразличимости политического и криминального.

Возвращаясь к фигуре теллурического партизана, следует отметить, что подобное движение напрямую ассоциируется с самостоятельной инициативой

противопоставляют себя целому или соревнуются в борьбе за целое, желая утвердить свое господство или преобладание в тех же границах» (Филлипов А. Ф. Долгое ненастье. К философии гражданской войны С. 37). Тем временем для государственного порядка в данном контексте действует лишь одно простое правило: «Тот, кто проявляет нелояльность государству, не подчиняется его законам, фактически выходит из договора» (Там же). Политические амбиции повстанца, его претензии на установление и поддержание альтернативного порядка полностью игнорируются государством, воспринимающим революционера как чуждую, враждебную собственному политическому телу раковую клетку, борьба с которой должна вестись на уничтожение.

⁶⁷² «... его (партизана — В.Б.) необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение» (Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 27).

⁶⁷³ Криминализация действующей регулярности осуществляется и самим партизаном-повстанцем (что одновременно становится основанием его героизации: «революционное взрывное воздействие криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится подлинным героем войны» (Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 50).

⁶⁷⁴ Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. *Homo Sacer*, II, 2. С. 31.

местного населения, добровольным выбором в пользу вооруженной борьбы за родной край и кров. Тем не менее, как справедливо замечает Шульцке, партизанская борьба может также инициироваться и поощряться регулярностью, реализующей ряд собственных интересов в рамках подобной поддержки⁶⁷⁵. Шульцке отмечает, что регулярность заинтересована в партизане как в «по-настоящему ожесточенном акторе» (бойце, способном применять неконвенциональные методы ведения войны, в ситуации столкновения с прямой экзистенциальной угрозой), а также как в мифологизированной фигуре, образ которой способен мотивировать население в подобных обстоятельствах⁶⁷⁶. Абсолютная автономность партизана — одна из составляющих создаваемой мифологической конструкции⁶⁷⁷. В действительности партизан нуждается в перманентной ресурсной поддержке со стороны государственной регулярности. В противном случае движение абсолютно нежизнеспособно даже в условиях высочайшей мотивации бойцов. Шульцке не раскрывает содержание подобной помощи, но в «Теории партизана» Шмитт указывает «оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты»⁶⁷⁸ как элементы ресурсной поддержки со стороны заинтересованного третьего, и очевидно, что поддержка со стороны собственного правительства, едва ли решительно отличается от этого списка. Таким образом, регулярность инициирует возникновение иррегулярной силы как особенно эффективной, обладающей определенной степенью автономии боевой единицы, но одновременно стремится установить над ней контроль, управляя доступом к жизненно важным ресурсам.

Поощрение иррегулярности несет в себе значительные риски для регулярности, от которой оно исходит. Во-первых, воспеваемая в партизанском мифе способность населения к боевой самоорганизации в будущем может быть

⁶⁷⁵ *Schulzke M.* Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War. P. 353.

⁶⁷⁶ *Ibid.*

⁶⁷⁷ *Ibid.* P. 348.

⁶⁷⁸ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 116.

использована революционными силами⁶⁷⁹. Во-вторых, партизан способен не просто поверить в собственную автономию, но и начать на нее *претендовать*, отказываясь от сугубо оборонительных функций в пользу новых самостоятельно определяемых задач. Пресечь подобное развитие событий — непростая задача, поскольку привычные механизмы регуляции неэффективны в отношении нелегальных соединений. Перекрытие доступа к жизненно важным ресурсам — потенциально результативная мера, но только в том случае, если иррегулярными силами не накоплен их значительный объем. В случае проявления нелояльности регулярность разрывает связь с партизаном, отказывая ему в легитимности, в связи с чем партизан лишается политического статуса, приобретая криминальный⁶⁸⁰. Интересно, что сам партизан, претендуя на автономию, способен ставить перед собой новые политические цели, стать источником требований в отношении регулярности. Тем не менее, ожидаемой реакцией со стороны регулярности станет восприятие этой инициативы как угрозы в отношении поддерживаемого ею порядка, в особенности, если партизан не торопится сложить оружие. В этих условиях партизан сохраняет внутреннюю политическую вовлеченность, но криминализируется регулярностью — «хамелеон» окрашивается разными цветами в зависимости от того, изнутри или снаружи дается оценка.

В условиях исчезновения экзистенциальной угрозы партизан должен либо интегрироваться в социально-правой порядок (стать частью регулярности, перекодируя себя в соответствии с ее требованиями), либо исчезнуть в качестве военизированной силы⁶⁸¹. Любые попытки сохранения автономности будут

⁶⁷⁹ *Schulzke M. Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War. P. 353.*

⁶⁸⁰ *Ibid. P. 356.*

⁶⁸¹ Хорошим примером, иллюстрирующим логику Шмитта является история двух еврейских подпольных организаций, действовавших на территории Палестины в период Британского мандата — «Иргун» и «ЛЕХИ». Теллурический аспект был характерен для сионистских боевых групп в контексте их дискурсивной самолегитимации — британская администрация рассматривалась ими как оккупант (*Heller J. The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949. London and New York, 2012. P. 117*), незаконно занимающий родную землю еврейского народа. Организация «ЛЕХИ», также известная как «банда Штерна» (что ярко указывает на криминальный имидж группы) ответственна за несколько покушений на британских чиновников, а недостаток денежных средств, необходимых для проведения операций, группировка восполняла путем ограблений банков (*Brenner Y. S. The 'Stern Gang' 1940–1948 // Palestine and*

расценены регулярностью как вызов в свой адрес, в особенности, если эта тенденция сопровождается ростом политических амбиций партизана, разворачивающего свою политическую вовлеченность в противоположную сторону — от защиты границ Родины к ее внутренним проблемам (или же вопрос защиты Отечества остается актуальным, но становится причиной разногласий с регулярностью). Подобный разворот воспринимается партизаном как продолжение борьбы на политическом фронте, но стоит ему разрыва с регулярностью. Последняя интерпретирует этот акт как переход в Неполитическое и запускает механизмы уголовного преследования. Вчерашний герой-защитник объявляется опасным преступником.

Со времен трактата «Диктатура» Шмитт рассуждает о мерах по спасению порядка, выходящих за его собственные рамки. Исследование проблемы партизана может быть рассмотрено как звено в этой цепочке. Поддержка

Israel in the 19th and 20th centuries / Ed. by S. Kedouri, S. G. Haim. London and New York, 2013. P. 117, 121). «ЛЕХИ» имела политическую программу и искала *заинтересованного третьего* в лице СССР (Ibid. P. 116–118, 133). Уже после объявления независимости Государства Израиль члены организации «ЛЕХИ» осуществили убийство посланника ООН, что повлекло за собой жесткую реакцию израильских властей: «“Шин-Бет” (также известная как “Шабак” общая служба внутренней безопасности Государства Израиль — В.Б.) во главе с Иссером Харелем арестовала членов группировки, избавив только возникшее государство от проблемы раскола специальных служб» (Манин Я. В., Климашина А. Е. Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты // Национальная безопасность / nota bene. 2023. №. 2. С. 11), на фоне чего организация (криминализованный уже британскими властями) прекратила свое существование. Организация «Иргун» осуществила самый известный акт насилия в истории подмандатной Палестины — взрыв в гостинице «Царь Давид» (Yahel I. The Ability to Unite: The Jewish Resistance Movement in Mandatory Palestine. Israel Affairs. 2018. Vol. 24. №. 2. P. 327). Отмечается, что «“Иргун” вел партизанскую кампанию (*guerilla campaign*), в ходе которой члены организации закидывали здания бомбами, взрывали мосты, перекрывали дороги, совершали набеги на военные базы, крали оружие, а также убивали и ранили солдат и полицейских» (Zadka S. Propaganda and Guerilla: The Case of the Jewish Armed Struggle against the British in Palestine // Revue Européenne des Études Hébraïques. 1996. №. 1. P. 100). Интересно, что по данным ФБР «Иргун» поддерживал связь с «Национальным преступным синдикатом», возглавляемым известным американским гангстером Мейером Лански, и, вероятно получал от него оружие (Левин Я. А. Влияние деколонизации на деятельность федерального бюро расследований // Вестник БГУ. 2019. Т. 39. №1. С. 83). Несмотря на обращающую на себя внимание связь с преступным миром «Иргун» полноценно интегрировался в регулярные войска как «многофункциональная военная группировка специального назначения, — войска специального назначения или силы специальных операций, <...> подразделение ЦАХАЛ» (Манин Я. В., Климашина А. Е. Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты. С. 11), реализовав один из двух описанных Шмиттом сценариев.

самоорганизующегося партизанского движения на временно оставленных территориях — действенная мера, обладающая стратегическим потенциалом. Однако подобная помощь возвращает и укрепляет политического актора, самостоятельно различающего друга и врага, устанавливающего собственную систему правил для личного состава и накапливающего уникальный боевой опыт с каждой новой операцией. Как его интеграция в регулярные войска, так и разоружение (а именно таковы два описанных Шмиттом сценария взаимодействия государства и партизана по итогам восстановления контроля над ранее утраченными территориями) представляются весьма затруднительными при таких вводных данных. Партизан, привыкший препятствовать налаживанию мирной жизни, несет в себе вызов для любого порядка — в том числе того, чье восстановление он приближал, рискуя собственной жизнью.

Краеугольным камнем теоретического проекта, старт которому дает «Понятие политического», является фактор политического единства. Шмитт полагает, что подлинное единство реализуется в виде естественного взаимного притяжения индивидов и групп, готовых дать коллективный ответ на военный вызов, брошенный политическим врагом. В более поздних текстах немецкий ученый уделяет все больше внимания проблеме внутренней диссоциации народа (сопряженной с усилением роли общественных величин), демонстрируя все меньше уверенности в интегрирующих способностях государства. Эти тенденции не могут не поставить под вопрос отмеченный в «Понятии политического» механизм трансформации *Gesellschaft* в *Gemeinschaft* в масштабах народа. В «Теории партизана» в роли борющейся *общности* рассматривается партизанское движение — меньшее по численности, но движимое общим чувством экзистенциального неприятия присутствия врага на родной земле, а не мобилизационными предписаниями. Беспрекословная готовность сообща идти на особо высокие риски характеризует самоорганизующееся партизанское движение как отличающееся особой крепостью межличностных связей и высочайшим уровнем лояльности внутреннему порядку. Эта сторона рассматриваемого феномена оправдывает его сравнение с *Gemeinschaft* Тённиса.

Любое важное открытие Шмитта — медаль, обладающая двумя сторонами. Подобно тому как диктатура превращается из средства защиты порядка в способ его низложения, воинская иррегулярность трансформируется из теллурически-оборонительной во всемирно-агрессивную. Для позднего Шмитта характерна пессимистичная идея деструктивного торжества техники. В «Теории партизана» она проявляется в виде признания того, что техника настолько расширяет пространство мобильности иррегулярного бойца, что его миссия защитника родной земли уходит в прошлое, уступая место роли орудия мировой революции. Партии, ведущие революционную борьбу, оказываются способными интегрировать своих членов намного сильнее, чем государства⁶⁸², и становятся не менее, а может и более заметными игроками на мировой арене. Если Тённис связывает (частичное) воссоздание *Gemeinschaft* с единым мировым государством, то для позднего Шмитта, напротив, характерно признание стремительного усиления *партийных общностей*, вытесняющих государства из политического измерения и уничтожающих границы между «замыренными» пространствами⁶⁸³. Подобные тенденции создают ситуацию неразличимости войны и мира как в общемировом масштабе, так и «на местах». Поскольку формулой порядка для Шмитта является Гоббсово *protego ergo oblige*, признание им факта становления новой политической парадигмы, исключающей гарантии мира, означает одновременное признание уничтожения самой возможности социального порядка в его привычном понимании.

⁶⁸² Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. С. 27–28.

⁶⁸³ *Gesellschaft* — глобальное явление, преодолевающее национальные границы (Тённис Ф. Общность и общество. С. 83). Именно поэтому его синтез с *Gemeinschaft* обретает в глазах Тённиса соответствующие масштабы (Филлипов А. Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. С. 436). Но если у Тённиса он осуществляется через мировое государство, то у Шмитта его воплощают *партии*, оспаривающие государственную монополию на политическое и обладающие *глобальными* амбициями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной науке широко представлена исследовательская позиция, согласно которой Карл Шмитт не может быть признан автором целостного, систематичного и непротиворечивого учения⁶⁸⁴. С этой точкой зрения сложно не согласиться. Вместе с тем пестрота подходов и выводов, характеризующая шмиттовское теоретическое наследие, не отменяет его глубокую укорененность в нескольких центральных проблемах, к которым немецкий ученый сохраняет стабильный интерес. Исторические и биографические обстоятельства, изменения политического климата, новые публикации и полемические вызовы подталкивают Шмитта к поиску новых решений, но всякий раз актуализируют и обостряют характерные для его типа мышления вопросы.

Подлинная научная работа немислима вне глубокого экзистенциального переживания — именно поэтому великий Макс Вебер видит в ней разновидность *служения демону*⁶⁸⁵. Стоит признать, что редакторы посвященного Шмитту оксфордского сборника выбирают удачное название вступительной статьи, называя Шмитта «фанатиком порядка»⁶⁸⁶. На своем научном пути немецкий автор меняет академические амплуа, мимикрирует под разных кумиров, сужает и расширяет масштабы исследуемого предмета, присягает на верность разным политическим силам. Но одно остается неизменным — на протяжении всех 60 лет, что длится его научная работа, Карл Шмитт остается *одержим* проблемой социального порядка.

Гоббсов вопрос справедливо считается основанием и квинтэссенцией социологии. Однако развитие социальной науки обуславливает уточнение и обновление его формулировки. Если классическая версия фокусируется на самой возможности генезиса — «как возможен социальный порядок, если дано

⁶⁸⁴ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. С. 190.

⁶⁸⁵ Вебер М. Наука как призвание и профессия. С. 735.

⁶⁸⁶ Meierhenrich J., Simons O. «A Fanatic of Order in an Epoch of Confusing Turmoil»: The Political, Legal, and Cultural Thought of Carl Schmitt. P. 3.

множество своекорыстных индивидов?», — то современная проблематизирует «враждебность, своекорыстие, относительную непредсказуемость как характеристику поведения внутри отношения»⁶⁸⁷, инициирует поиск способов сохранения и воспроизводства порядка в условиях хрупкости социального. Одним из авторов второго варианта проблемы следует признать немецкого социолога Фердинанда Тённиса, сделавшего описанное выше социальное отношение основой концепта *Gesellschaft*.

Карл Шмитт — внимательный читатель «Общности и общества». Признавая значительный вклад, внесенный этим сочинением в немецкую социальную науку, он не может не воспринять его выводы как вызов собственным идеалам. Обобщая ключевые работы Шмитта, можно заключить, что его представления о *должном* связаны с народом как дееспособной и готовой к решительным действиям политической общностью. Несмотря на утверждения некоторых авторитетных ученых, ничего «почвенного» или «укорененного» в шмиттовском понимании политического нет⁶⁸⁸. Скорее наоборот — подчеркиваемая Шмиттом возможность перерастания *любого* конфликта в полноценную политическую вражду (в том числе того, что возникает в социально-политических границах единого народа) говорит о принципиальной *неукорененности* политического. Одним словом, Шмитт желает единства и порядка, но осознает, что обеспечение подобной формы существования народа — *задача*, перманентно стоящая перед ним самим как политическим единством. Рассуждая в этом ключе, Шмитт выступает в роли ученого, действующего в поле социологии как науки о социальной *действительности*: на протяжении всего Веймарского периода он наблюдает и осмысляет диссоциирующие тенденции, создающие угрозу распада порядка; нацистский период оборачивается завуалированным признанием факта случившейся

⁶⁸⁷ Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая). С. 162.

⁶⁸⁸ «Теории Шмитта рассматривали политику как явление “укорененное”, “почвенное”, “органическое”» (Дугин А. Г. Карл Шмитт: 5 уроков для России. С. 76). Подобные характеристики относятся к *Gemeinschaft*, которой не угрожают внутренние конфликты и перспективы распада единого порядка. Политическая общность Шмитта этому образу не соответствует. В отличие от «почвенных» общин проблема социального порядка стоит перед ней весьма остро.

социально-политической катастрофы и поиском ее первопричин; послевоенный — фиксацией выхода проблемы порядка на глобальный уровень.

На протяжении более чем полувека Шмитт подбирает ключи к проблеме порядка. Автором диссертации было выделено два контекста, в которых разворачивается этот процесс. Теоретическое пространство, возникающее вокруг «Политической теологии» — область поиска *формальных* решений. Здесь Шмитт обращается к инструментам конституционного права, исследует репрезентативные возможности, которые несут в себе органы государственной власти. В «Понятии политического» и произведениях, развивающих положения этого текста, на первый план выходит *материальная* или *субстанциальная* сторона проблемы, поскольку именно *людям*, а не формальным структурам приходится умирать на войне. Оба контекста не раз вступают во взаимодействие и дополняют друг друга. Наиболее заметными точками их пересечения являются «Учение о конституции» и «Политическая теология II». Если первая встреча несет в себе позитивные ожидания, связанные с обнаружением формулы стабильного порядка, то вторая, напротив, представляет собой акт признания провала всех предпринятых ранее попыток обеспечить порядок надежной опорой.

Оттолкнувшись от критики романтизма, Шмитт связывает происхождение и поддержание порядка с решением. Первым этапом на этом пути становится трактат «Диктатура», в котором Шмитт впервые озвучивает идею того, что порядок нуждается в средствах спасения, выходящих за его собственные рамки. В роли подобного инструмента рассматривается институт комиссарской диктатуры, функционирование которого предполагает возложение чрезвычайных полномочий на антикризисного назначенца, но завершается полным восстановлением действующего порядка. Альтернативой ему становится суверенная диктатура, устанавливающая новый порядок от лица народа как бесформенной учреждающей власти. Созидательное начало в действиях суверенного диктатора оказывается сопряженным с деструктивным, что не может вызвать одобрение Шмитта. Опубликованная годом позже «Политическая теология» содержит программу,

несущую в себе компромисс: суверен принимает решение о чрезвычайном положении, что дает начало существенным преобразованиям действующего порядка, но не предполагает полного разрыва с его конституционными основаниями. Поскольку в условиях чрезвычайного положения суверен правит без посредничества инстанций, входящих в систему правопорядка, исключение создает прямую политическую репрезентацию, в рамках которой единство репрезентанта служит источником единства репрезентируемого. В дальнейшем этот принцип станет частью проекта «Учения о конституции» в качестве одного из двух фундаментальных оснований политического бытия народа.

Согласно Шмитту, подлинная репрезентация отличается от представительства тем, что устанавливает связь с трансцендентным, возвышенным, *незримым*⁶⁸⁹. Эта характеристика говорит о том, политическая репрезентация может быть рассмотрена как сторона концептуальной аналогии, вторым элементом которой является религиозная репрезентация. Первая оказывается под угрозой в условиях отказа от веры в надмирное, делающей осмысленной вторую. Вместе с тем Шмитт не спешит соглашаться с Вебером, провозглашающим наступление эпохи абсолютной рационализации, характеризующейся превращением государства в бездушный конвейер насилия⁶⁹⁰. Для Шмитта (как автора прочитанной в 1929 году речи «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций») торжество техники не *уничтожает* теолого-метафизическое измерение человеческого существования, а *заполняет* его в качестве «религии техничности», в *борьбе* с которой еще может победить дух, поддерживающий политическую репрезентацию и производимый ею социальный порядок⁶⁹¹.

«Понятие политического» наиболее известно определением политического как области различения публичного друга и врага. В роли последнего рассматривается коллективная сущность, степень размежевания с которой

⁶⁸⁹ Шмитт К. Учение о конституции. С. 48.

⁶⁹⁰ Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. С. 412, 439.

⁶⁹¹ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 56–57.

достигает столь высокого уровня, что стороны оказывается готовыми к взаимному *физическому убийству*. Именно поэтому политическое единство рассматривается Шмиттом, как *реальное*, а не формальное или декларируемое — только в этом случае появляется возможность дать ответ на *экзистенциальный* вызов. Связывая «Понятие политического» и «Политическую теологию» можно заключить, что «суверенитет — это и суверенитет народа с его самостоятельным определением врага и друга, и способность правителя объявить чрезвычайное положение»⁶⁹². Эта формула представляется верной, но требующей выполнения ряда условий. Война — исключительный случай, однако решение суверена о *таком* исключении не несет в себе гарантий его реализации. Будучи принятым в полном соответствии с *юридической* логикой существования государства, оно может разбиться о *социальные* реалии, состоящие в разобщенности и равнодушии к происходящему, а в худшем случае — в массовой склонности к предательству. Именно поэтому о социальном порядке в контексте «Понятия политического» справедливо говорить и как о цели политического существования народа, и как о средстве, делающим его возможным. В первом случае он выступает в роли воплощения способа бытия народа, которое политическая общность готова защищать от нападков врагов, во втором — в качестве системы норм, действие которой нацелено на пресечение диссоциирующих и деполитизирующих тенденций.

«Понятие политического» допускает распад политического единства на несколько враждующих сообществ, что, с одной стороны, еще раз подчеркивает важность интегрирующих задач, стоящих перед государством, с другой — подчеркивает тот факт, что сообщество в понимании Шмитта несет в себе черты *Gesellschaft* Тённиса, а именно — хрупкость и склонность к распаду на фоне обострения внутренней враждебности. Несмотря на то, что Шмитт делает механизм трансформации *Gesellschaft* в *Gemeinschaft* важным элементом «Понятия политического», осмысляемой им версии политической *общности* не хватает *внутренних* источников единения, входящих в структуру оригинального концепта.

⁶⁹² Филиппов А. Ф. Легальность и легитимность в исторической перспективе С. 288.

В связи с этим *дружба* (о которой в работах Шмитта говорится *очень* мало) предстает в учении «Гоббса XX века» не более, чем приложением к *вражде*. Проблематичность использования Шмиттом концепта *Gemeinschaft* косвенно доказывается его неспособностью органично вписать в свое учение античное различие двух типов войны — *stasis* и *polemos*.

«Учение о конституции» — программный текст Шмитта, несущий в себе попытку синтезировать результаты более ранних произведений. Формулой стабильного порядка здесь выступает сочетание принципов репрезентации и тождества. Первый аккумулирует рассуждения Шмитта о единоличном репрезентативном правлении, представленные в «Диктатуре», «Политической теологии», «Духовно-историческом состоянии современного парламентаризма» и «Римском католицизме». Второй — манифестирует требования к однородности и единству социального тела народа, являющиеся импликациями «Понятия политического». В более поздних текстах Шмитт фиксирует растущее влияние общественных величин (сопряженное с процессами диссоциации и дезинтеграции народа) и демонстрирует все большее разочарование в репрезентативных способностях государства. Важным этапом на этом пути становится критика Гоббса, которая лишь на первый взгляд имеет историко-философский характер. Левиафан, который в глазах Шмитта периода 1930-х годов становится не более чем бездушной машиной, создает фикцию вместо *реального* единства народа. Право, источником которой является сконструированная Гоббсом государственность, неизбежно трансформируется в пластичную и *податливую* легальность. Эти рассуждения предваряет малоизвестный, но крайне важный текст 1933 года о тотальном государстве, в котором Шмитт рассуждает о превращении Веймарской республики в арену борьбы «тотальных партий», подчиняющих себе человеческие жизни «от колыбели до могилы» и провоцирующих все большее расщепление политического единства народа⁶⁹³. Легальные процедуры — *лишь инструменты в их борьбе друг с другом и государством*. В 1931 году Шмитт еще возлагает надежды

⁶⁹³ Schmitt C. Die Weiterentwicklung des totalen Staates in Deutschland // Positionen und Begriffe, im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles 1923–1939. Berlin, 2014. S. 214

на фигуру рейхспрезидента, без которой порядок уже уступил бы место абсолютному хаосу⁶⁹⁴. Более поздняя работа о Гоббсе и Декарте (1936) завершается выводом о том, что Левиафан не может избежать гибели в огне мятежа или гражданской войны⁶⁹⁵.

«Теория партизана» продолжает «Понятие политического» в жанре промежуточного замечания. Проблема партизана определяется Шмиттом как проблема столкновения регулярности и иррегулярности, *порядка* и *беспорядка*. Партизан — фигура, несущая в себе Гоббсово естественное состояние, так как его прямая задача состоит в уничтожении (оккупационного) порядка, создании ситуации перманентной экзистенциальной опасности для интервента и местного коллаборациониста. Автохтонный партизан преследует *оборонительные* цели, связанные с освобождением родной земли от захватчика-иноземца. Пространство его активности ограничивается оккупированными территориями. Вместе с тем Шмитт отмечает, что стремительное развитие средств мобильности сводит на нет теллурическую суть партизана и превращает его в боевика-революционера, агрессивность которого обретает *всеобъемлющий*, глобальный масштаб. Во-первых, революционные партии осмыслиют ведущуюся ими борьбу в парадигме мировой революции, намереваясь превратить в горячую точку весь мир. Монополия государства на политическое слабеет и уничтожается на фоне регулярных атак, характер которых уже невозможно определить ни как однозначно внешний, ни как однозначно внутренний. Система сосуществования «замиренных» пространств уступает место всеобщей гражданской войне, создающей ситуацию неразличимости войны и мира⁶⁹⁶, в условиях которой становится невозможным дальнейшее применение формулы порядка *protego ergo oblige*. Во-вторых, революционные партии выступают субъектами *абсолютной вражды*, целью которой является тотальное уничтожение *абсолютного зла*, к которому относится

⁶⁹⁴ Ibid. S. 216.

⁶⁹⁵ Schmitt C. Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes. S. 632.

⁶⁹⁶ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. С. 161.

все то, что располагается по ту сторону баррикад. Само понятие «враг», несущее в себе элемент признания, перестает быть уместным на фоне подобного целеполагания. Радикальное ожесточение вражды препятствует замирению и напоминает о другой работе Шмитта, в которой *ценность* (безусловно являющаяся важным элементом мировоззрения и словаря революционера) связывается с установкой на уничтожение не-ценного, а война всех против всех, сторонами которой являются носители ценностей, объявляется более радикальной и уничтожительной, чем классическая (Гоббсова) версия⁶⁹⁷. Данную характеристику оправданно связать со всеобщим *stasis*, степень интенсивности и агрессивности которого превращает мир и порядок в бесконечно отодвигающийся горизонт.

«Политическая теология II» — последняя крупная работа, опубликованная Шмиттом при жизни. Несмотря на то, что название текста говорит о его подчиненности политико-теологической проблематике, произведение 1970 года завершает сразу несколько линий рассуждений, проходящих сквозь творчество Шмитта, включая основные сюжеты «Понятия политического». Два пространства работы немецкого ученого с проблемой социального порядка (центрами которых являются «Понятие политического» и «Политическая теология») пересекаются в «Политической теологии II», дополняя пессимистичные выводы друг друга.

Политико-теологический спор с Максом Вебером, длящийся почти полвека, завершается для Шмитта признанием поражения. Если в «Эпохе деполитизаций и нейтрализаций» Шмитт относит Вебера к группе немецких интеллектуалов, *ошибочно* объявивших о наступлении духовного *ничто*, в условиях которого уничтожается сама возможность порядка⁶⁹⁸, то в «Политической теологии II» он сам встает на эти позиции, утверждая, что именно *ничто* образует необходимую предпосылку производства *нового* ради самой новизны, в которое все сильнее вовлекается современное человечество. Не способная быть удовлетворенной

⁶⁹⁷ Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. S. 28, 39. Также см. Schmitt C. Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen. S. 176.

⁶⁹⁸ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. С. 55–56.

жажда нового создает еще одно измерение глобальной агрессивности. Старое *упраздняется* как «не представляющее ценность помеху»⁶⁹⁹. Научно-техническая свобода от ценностей, будучи локомотивом прогресса, переживает столь интенсивную радикализацию, что сама становится высшей ценностью, оправдывающей радикальную деструкцию не-ценного⁷⁰⁰.

Эффективно борющиеся величины лишают государство монополии на политическое. Общество уничтожает политическое единство и поддерживаемый им порядок руками *партий*. Греческое понятие *stasis* парадоксальным образом означает и покой, и движение (беспокойство, *беспорядки*). Со ссылкой на «*Thesaurus Linguae Graecae*» Шмитт указывает на то, что именно *образование партий и фракций* прокладывает мост между этими состояниями. Пессимистичный тон «Политической теологии II» намекает на то, что дорога, лежащая через этот мост, — с односторонним движением. Формула единства и порядка, которую Шмитт пронес через оба своих проекта — *protego ergo oblige* — *защищаю, следовательно, обязываю*. Заключительное высказывание Шмитта снимает двойственность контекстов «Политической теологии» и «Понятия политического» посредством учреждения единой *стасиологии*. Ее формула звучит совсем иначе:

Единое (*to Hen*) — всегда восстает (*stasiatson*) — против самого себя (*pros heutatou*)⁷⁰¹.

⁶⁹⁹ Шмитт К. Политическая теология II. С. 212.

⁷⁰⁰ Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. S. 47.

⁷⁰¹ Цит. по: Шмитт К. Политическая теология II. С. 199.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники на русском языке

1. Шикель И., Шмитт К. Беседа о партизане // Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. – С. 146–178.
2. Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. – С. 27–220.
3. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. – 327 с.
4. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. – С. 93–170.
5. Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 300 с.
6. Шмитт К. Легальность и легитимность / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. П. Шурбелева, А. Ф. Филиппова под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: «Владимир Даль», 2024. – 316 С.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum* / пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 670 с.
8. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. – С. 306–355.
9. Шмитт К. Политическая теология II. Легенда об упразднении любой политической теологии / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2024. – 215 С.
10. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. – С. 5–59.

11. *Шмитт К.* Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2015. – 460 с.
12. *Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. – С. 281–356.
13. *Шмитт К.* Римский католицизм и политическая форма / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. – С. 60–92.
14. *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. – 301 с.
15. *Шмитт К.* Учение о конституции (фрагмент) // Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Изд. Дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. – С. 33–236.
16. *Шмитт К.* Эпоха деполитизаций и нейтрализаций / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – №. 2. – С. 48–58.
17. *Шмитт К., Филиппов А. Ф.* Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.) // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 76–92.

II. Источники на иностранном языке

18. *Schmitt C.* Der Begriff der Piraterie // Positionen und Begriffe, im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles 1923–1939. Berlin: Duncker & Humblot, 2014. – S. 274–277.
19. *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. Synoptische Darstellung der Texte. Berlin: Duncker & Humblot, 2018. – 332 S.
20. *Schmitt C.* Der Gegensatz von Gemeinschaft und Gesellschaft als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen // Estudios Juridico-Sociales. Homenaje à Profesor Luis Legaz y Lacambra. Zaragoza: Universidad Santiago de Compostela, 1960. – S.165–176.
21. *Schmitt C.* Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. – 1936/37. – Vol. 30. – S. 622–632.
22. *Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte. Berlin: Duncker & Humblot, 2011. – 92 S.

23. *Schmitt C.* Die vollendete Reformation: Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen // Der Staat. – 1965. – Vol. 4. – №. 1. – S. 51–69.
24. *Schmitt C.* Die Weiterentwicklung des totalen Staates in Deutschland // Positionen und Begriffe, im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles 1923–1939. Berlin: Duncker & Humblot, 2014. – S. 211–216.
25. *Schmitt C.* Ex Captivitate Salus. Experiences, 1945–47 / trans. by M. Hannah, ed. by A. Kalyvas, F. Finchelstein. Cambridge, UK and Medford (MA), USA, 2017: Polity Press. – 94 p.
26. *Schmitt C.* Glossarium. Aufzeichnungen aus den Jahren 1947 bis 1958. Berlin: Duncker & Humblot, 2015. – 557 S.
27. *Schmitt C.* Staat, Bewegung, Volk: die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg: Hanseatische Verlags-Anstalt, 1933. – 46 S.
28. *Schmitt C.* Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. – 96 S.
29. *Schmitt C., Koselleck R.* Der Briefwechsel 1953-1983 und weitere Materialien. Berlin: Suhrkamp, 2019. – 459 S.
30. *Schmitt C.* Die andere Hegel-Linie: Hans Freyer zum 70. Geburtstag // Christ und Welt. – 1967. – Vol. 10. – № 2. – S. 265–294.
31. *Schmitt C.* Politische Romantik. Zweite Aufl. München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1925. – 234 S.

III. Книги на русском языке

32. *Агамбен Дж.* Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с ит. М. Велижева, О. Дубицкой, И. Левиной, П. Соколова. М.: Европа, 2011. – 148 с.
33. *Агамбен Дж.* Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с итал. Д. Фарафоновой, Е. Смагиной под ред. Д. Раскова, А. Погребняка, Д. Фрафоновой. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 552 с.
34. *Агамбен Дж.* Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Номо Sacer, II, 2 / Пер. с итал. С. Ермакова. СПб.: «Владимир Даль», 2021. – 188 с.
35. *Антоновский А. Ю.* Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ–РАН, 2007. – 135 с.

36. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. Бибихина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.*
37. *Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева. М.: АСТ, 2021. – 384 с.*
38. *Баишков В. В. Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. СПб.: «Владимир Даль», 2022. – 314 с.*
39. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995. – 322 с.*
40. *Вебер М. Господство / пер. с нем. А. Н. Беляева, А. Ю. Антоновского, А. В. Михайловского, М. И. Левиной, Л. Г. Ионина // Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 4 / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 542 с.*
41. *Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. З. Замчук и др. СПб.: Питер, 2007. – 334 с.*
42. *Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищанское преодоление платонизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 584 с.*
43. *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. и лат. Н. Федорова, А. Гутермана под ред. А. В. Соколова // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. – 731, [1] с., 1 л. ил.*
44. *Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 528 с.*
45. *Каспэ С. И. Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданского просвещения, 2016. – 216 с.*
46. *Копелев Д. Н. Раздел океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013 – 736 с.*
47. *Кортес Х. Д. Речь о диктатуре / пер. с исп. А. В. Марья. СПб.: «Владимир Даль», 2023. – 193 с.*
48. *Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Пер. с фр., предисл., и примеч. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 490 с.*

49. *Луман Н.* Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос», 2007. – 360 с.
50. *Меринг Р.* Карл Шмитт. Взлет и падение / пер. с нем. И. Иванкиной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. – 776 с.
51. *Платон.* Государство / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М.: АСТ, 2017. – 448 С.
52. *Руссо Ж-Ж.* Об Общественном договоре или Принципы политического права / пер. с франц. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова // Руссо Ж-Ж. Трактаты / Подготовили В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. М.: Наука, 1969. – с. 151–256.
53. *Таубес Я.* Ad Carl Schmitt. Сопряжение противостремительного / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2021. – 187 с.
54. *Тённис Ф.* Общность и общество / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 450, [1] с.
55. *Фрайер Х.* Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2008. – 144 С.
56. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
57. *Штурнер М.* Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2019. – 457 с.

IV. Книги на иностранных языках

58. *Anter A.* Max Weber und die Staatsrechtslehre. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. – 240 S.
59. *Becker W.* Briefe an Carl Schmitt / Hrsg. und mit Anm. vers. von P. Tommissen. Berlin: Duncker und Humblot, 1998. – 124 S.
60. *Croce M., Salvatore A.* Carl Schmitt's Institutional Theory: The Political Power of Normality. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2022. – 158 p.
61. *Croce M., Salvatore A.* The Legal Theory of Carl Schmitt. London: Routledge, 2013. – 213 p.
62. *Derrida J.* The Politics of Friendship / Tr. by George Collins. London and New York: Verso, 2005. – 308 p.

63. *Gessner D.* People's Community 1933-1945. On the Emergence and Meaning of a Political Buzzword. Wiesbaden: Springer, 2024. – 201 p.
64. *Heidegger M.* Seminare Hegel — Schelling. Band 86 / ed. Peter Trawny // Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt am Mainz: Vittorio Klostermann, 2011. – 95 S.
65. *Heller J.* The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949. London and New York: Routledge, 2012. – 388 p.
66. *Herrero M.* The Political Discourse of Carl Schmitt: A Mystic of Order. London and Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. – 279 p.
67. *Hofmann H.* Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts. Berlin: Duncker & Humblot, 2002. – 285 S.
68. *Kalyvas A.* Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. New York: Cambridge University Press, 2008. – 326 p.
69. *McCormick J. P.* Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Against Politics as Technology. New York: Cambridge University Press, 1997. – 352 p.
70. *Mouffe C.* On the Political. New York: Routledge, 2005. – 144 p.
71. *Muller J. Z.* The Other God that Failed: Hans Freyer and the Deradicalization of German Conservatism. Princeton: Princeton University Press, 1987. – 450 p.
72. *Parsons T.* The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. New York: Free Press, 1949 [1937]. – 506 p.
73. *Peterson E.* Der Monotheismus als Politisches Problem; ein Beitrag zur Geschichte der Politischen Theologie im Imperium Romanum. Leipzig: Jacob Hegner, 1935. – 158 S.
74. *Rasch W.* Carl Schmitt: State and Society. London and New York: Rowman & Littlefield, 2019. – 199 p.
75. *Schupmann B. A.* Carl Schmitt's State and Constitutional Theory: A Critical Analysis. New York: Oxford University Press, 2017. – 240 p.
76. *Slomp G.* Carl Schmitt and the Politics of Hostility, Violence and Terror. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 182 p.

V. Научные статьи на русском языке

77. *Баишков В. В.* От Кьеркегора к Шмитту: к политико-теологической актуальности повторения // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20. – №. 1. – С. 25–49.
78. *Бёкенфёрде Э-В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Философско-литературный журнал «Логос». – 2012. – Т. 89. – №. 5. – С. 158–177.
79. *Быховский Б. Э.* Карл Шмитт. (Монографический обзор) // Вестник Коммунистической академии. – 1935. – № 7. – С. 44–53.
80. *Вебер М.* Между двумя законами / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 3. – С. 112–116.
81. *Гаврилов С. Н.* Справедливая война руками частного: «Приватизация» военных действий на море в Англии в 1585–1603 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №. 3. – С. 49–56.
82. *Головин Н. А.* Социология Н. Лумана — этап развития общей теории социальных систем // Социологические исследования. – 2014. – №. 2. – С. 95–106.
83. *Дмитриев Т. А.* Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11. – №. 3. – С. 26–40.
84. *Дугин А. Г.* Карл Шмитт: 5 уроков для России // Философия права. – 2000. – №. 2. – С. 76–81.
85. *Женин И. А.* Понятие «народ» в концепциях «консервативной революции» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 18 (61). – С. 175–186.
86. *Зиммель Г.* Как возможно общество? / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологический журнал. 1994. – №. 2. – С. 102–114.
87. *Каспэ С. И.* «Любовь во время войны». Против автономии политического // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – №. 1. – С. 13–61.
88. *Каспэ С. И.* Глобальный стасис как партийная система // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – №. 2. – С. 97–130.

89. *Каспэ С. И.* Не по Шмитту: политическая теология современных войн // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – №. 5 (123). – С. 96-107.
90. *Кильдюшов О. В.* Война и социальный порядок: ultima ratio или conditio humana? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2016. – Т. 80. – №. 1. – С. 6–32.
91. *Кильдюшов О. В.* Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23. – №. 1. – С. 9–25.
92. *Кильдюшов О. В.* Макс Вебер и политическая теология Фридриха Наумана // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – №. 4. – С. 657–669.
93. *Кильдюшов О. В.* Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15. – №. 3. – С. 122–149.
94. *Кильдюшов О. В.* Социология религии как теория социального порядка (к выходу по-русски исследования Макса Вебера «Конфуцианство и даосизм») // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2016. – Т. 83. – №4. – С. 188–198.
95. *Кильдюшов О. В.* Спасутся не все: границы политического сообщества как социально-онтологическая предпосылка // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – №. 3. – С. 90–106.
96. *Кондуров В. Е.* Основания действительности правопорядка и проблема юстициабельности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – №. 5. – С. 63-91.
97. *Кондуров В. Е.* Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 49–78.
98. *Кондуров В. Е.* Политическая теология международного права: грани и границы метода // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20. – №. 1. – С. 50-71.
99. *Кондуров В. Е.* Тотальное государство в учении Карла Шмитта // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2017. – Т. 12. – №. 2. – С. 155–160.

100. *Корбут А. М.* Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. – 2013. – № 1–2. – С. 9–26.
101. *Киселев М.* Карл Шмитт в СССР // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 276–309.
102. *Мальцев К. Г., Зайцева Е. А.* К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «Социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта) часть 2: децизионизм К. Шмитта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – №. 4 (44). – С. 103–114.
103. *Левин Я. А.* Влияние деколонизации на деятельность федерального бюро расследований // Вестник БГУ. – 2019. – Т. 39. – №1. – С. 81–85.
104. *Лёвит К.* Политический децизионизм / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Философско-литературный журнал «Логос». – 2012. – Т. 89. – №5. – С. 115–142.
105. *Малинкин А. Н.* О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса // Социологический журнал. – 1998. – №. 3–4. – С. 221–226.
106. *Манин Я. В., Климашина А. Е.* Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты // Национальная безопасность / nota bene. – 2023. – №. 2. – С. 1–19.
107. *Марей А. В.* «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф // Слово.ру: Балтийский акцент. – Т. 11. – №. 3. – С. 8–24.
108. *Мерзенина А. С.* Политизация теологии и теологизация политики: диалог Яна Ассмана и Карла Шмитта // Социология власти. – 2024. – Т. 36. – №. 1. – С. 78–117.
109. *Михайловский А. В.* Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. – 2008. – №. 9. – С. 158–171.
110. *Михайловский А. В.* Вернер Зомбарт как критик техники // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23. – № 2. – С. 260–282.
111. *Михайловский А. В.* Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. – 2011. – №. 3. – С. 62–72.
112. *Назмутдинов Б. В.* Двойное зеркало романтизма // Философско-литературный журнал «Логос». – 2016. – Т. 26. – № 1. – С. 149–153.

113. Назмутдинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 1. – С. 150–165.

114. Попов Д. В. Апофатический и катафатический пути советской политической теологии // Социология власти. – 2022. – Т. 34. – №. 2. – С. 44-71.

115. Семиглазов Г. С. Преодоление политико-теологической логики в анархизме Густава Ландауэра // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2024. – Т. 114. – №. 3. – С. 24–28.

116. Тенбрук Ф. Главный труд Макса Вебера / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 76–121.

117. Третьяк А. Р., Тинус Н. Н. Политическая логика «Multitudo» в работах Гоббса и Спинозы // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2019. – Т. 95. – №. 4. – С. 6–24.

118. Фетисов М. С. Политическая теология и секуляризация. О настойчивости одного понятия // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – №3. – С. 30–55.

119. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 113–122.

120. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – №3. – С. 102–112.

121. Филиппов А. Ф. Долгое ненастье. К философии гражданской войны // Вестник Европы. – 2022. – Т. 59. – С. 31–39.

122. Филиппов А. Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – №. 2. – С. 41–52.

123. Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть первая) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2002. – №. 1. – С. 146–169.

124. Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть вторая) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2002. – №. 2. – С. 97–117.

125. Филиппов А. Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – №. 1. – С. 51–70.

126. *Филиппов А. Ф.* Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – №1. – С. 96–116.
127. *Фрайер Х.* Социология как наука о действительности: логическое основоположение системы социологии / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20. – №. 2. – С. 290–299.
128. *Фукуяма Ф.* Конец истории // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
129. *Юрлова М. Д.* Политический романтизм сто лет спустя: взгляд из прошлого в настоящее // Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. – № 3. – С. 181–189.
130. *Яркеев А. В.* Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23. – №1. – С. 135–159.
131. *Яркеев А. В.* К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – №. 2. – С. 189–213.
132. *Яркеев А. В.* Политический миф в учении Карла Шмитта // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19. – №. 2. – С. 10–23.
133. *Яркеев А. В.* Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2022. – Т. 16. – №2. – С. 5–13.

VI. Научные статьи на иностранных языках

134. *Adair-Toteff C.* Ferdinand Tonnies: Utopian Visionary // Sociological Theory. – 1995. – Vol. 13. – №. 1. – P. 58–65.
135. *Arditi B.* On the Political: Schmitt contra Schmitt // Telos. – 2008. – Vol. Spring 2008. – №. 142. – P. 7–28.
136. *Bates D.* Political Theology and the Nazi State: Carl Schmitt's Concept of the Institution // Modern Intellectual History. – 2006. – Vol. 3. – № 3. – P. 415–442.
137. *Bendersky J. W.* Carl Schmitt and the Conservative Revolution // Telos. – 1987. – Vol. 1987. – №. 72. – P. 27–42.
138. *Croce M., Salvatore A.* After Exception: Carl Schmitt's Legal Institutionalism and the Repudiation of Exceptionalism // Ratio Juris. – 2016. – Vol. 29. – № 3. – P. 410–426.

139. *Croce M., Salvatore A.* Beyond Emergency Politics: Carl Schmitt's Substantive Constitutionalism // *Philosophy & Social Criticism*. – 2024. – Vol. 50. – №. 6. – P. 929–947.
140. *Croce M., Salvatore A.* Little Room for Exceptions: on Misunderstanding Carl Schmitt // *History of European Ideas*. – 2021. – Vol. 47. – №. 7. – P. 1169–1183.
141. *Croce M., Salvatore A.* The Plight of the Exception: why Carl Schmitt bid Farewell to Hobbes // *History of European Ideas*. – 2023. – Vol. 49. – №. 7. – P. 1105–1119.
142. *Derrida J.* Politics of Friendship // *American Imago*. – 1993. – Vol. 50. – №. 3. – P. 353–391.
143. *Duke G.* Carl Schmitt's Political Romanticism and the Foundations of Law // *Oxford Journal of Law and Religion*. – 2020. – Vol. 9. – №. 3. – P. 413–434.
144. *Durden W. S.* Public and Private Responsibility: Christianity and Politics in Carl Schmitt's *The Concept of the Political* // *Christianity & Literature*. – 2011. – Vol. 60. – №. 4. – P. 561–579.
145. *Dusenbury D. L.* Carl Schmitt on Hostis and Inimicus: A Veneer for Bloody-Mindedness // *Ratio Juris*. – 2015. – Vol. 28. – №. 3. – P. 431–439.
146. *Filippov A. F., Kildyoshev O.* Political theology and international justice // *Russian Sociological Review*. – 2023. – Vol. 22. – No. 4. – P. 7–12.
147. *Freyer H.* Ferdinand Tönnies Und Seine Stellung in Der Deutschen Soziologie // *Weltwirtschaftliches Archiv*. – 1936. – Vol. 44. – S. 1–9.
148. *Gasché R.* The Partisan and the Philosopher // *CR: The New Centennial Review*. – 2004. – Vol. 4. – №. 3. – P. 9–34.
149. *Godefroy B.* Carl Schmitt's Political Theology: Legitimizing Authority after Secularization // *Political Theory*. – 2024. – Vol. 0. – №. 0 (Forthcoming). – P. 1–27.
150. *Hodrick C.* From Neoreaction to Alt-Right: A Schmittian Perspective // *Telos*. – 2022. – Vol. Spring 2022. – №. 198. – P. 90–112.
151. *Inglis D.* Cosmopolitan Sociology and the Classical Canon: Ferdinand Tönnies and the Emergence of Global *Gesellschaft* // *The British Journal of Sociology*. – 2009. – Vol. 60. – №. 4. – P. 813–832.
152. *Kennedy E.* Hostis not Inimicus: Toward a Theory of the Public in the Work of Carl Schmitt // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. – 1997. – Vol. 10. – №. 1. – P. 35–47.

153. *Kökerer C. M.* Max Weber and Carl Schmitt on Legitimate Domination: Belief in Legitimacy or Acknowledgement of Legitimacy? // *Critical Sociology*. – 2024. – Vol. 0. – №. 0 (Forthcoming). – P. 1–16.
154. *Kochi T.* The Partisan: Carl Schmitt and Terrorism // *Law and Critique*. – 2006. – Vol. 17. – No. 3. – P. 267–295.
155. *Le Coat N.* Ironies of Representation: The Legislator in Rousseau, Robespierre, and Volney // *Neophilologus*. – Vol. 73. – №. 3. – P. 358–372.
156. *Magalhães P. T.* A Contingent Affinity: Max Weber, Carl Schmitt, and the Challenge of Modern Politics // *Journal of the History of Ideas*. – 2016. – Vol. 77. – №. 2. – P. 283–304.
157. *Manicas P. T.* War, Stasis, and Greek Political Thought // *Comparative Studies in Society and History*. – 1982. – Vol. 24. – №. 4. – P. 673–688.
158. *Mareta D.* Carl Schmitt as a reader of Juan Donoso Cortés: the Concept of Dictatorship as Counterrevolution from 1848 to 1921 // *History of European Ideas*. – 2024. – Vol. 0. – № 0 (Forthcoming). – P. 1–21.
159. *Mastnak T.* Hobbes in Kiel, 1938: From Ferdinand Tönnies to Carl Schmitt // *History of European Ideas*. – 2015. – Vol. 41. – №. 7. – P. 966–991.
160. *McCormick J. P.* The Dilemmas of Dictatorship: Carl Schmitt and Constitutional Emergency Powers // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. – 1997. – Vol. 10. – №. 1. – P. 163–187.
161. *McCormick J. P.* Transcending Weber's Categories of Modernity? The Early Lukács and Schmitt on the Rationalization Thesis // *New German Critique*. – 1998. – №. 75. – P. 133–177.
162. *Mitzman A.* Tönnies and German Society, 1887–1914: From Cultural Pessimism to Celebration of the *Volksgemeinschaft* // *Journal of the History of Ideas*. – 1971. – Vol. 32. – №. 4. – P. 507–524.
163. *Muller J.* Carl Schmitt, Hans Freyer and the Radical Conservative Critique of Liberal Democracy in the Weimar Republic // *History of Political Thought*. – 1991. – Vol. 12. – №. 4. – P. 695–715.
164. *Norris A.* Carl Schmitt on Friends, Enemies and the Political // *Telos*. – 1998. – Vol. Summer 1998. – №. 112. – P. 68–88.
165. *Orsi R.* On the Concept of Volk in Carl Schmitt // *History of European Ideas*. – 2023. – Vol. 49. – №. 4. – P. 692–707.

166. *Patch W. L.* Carl Schmitt, Rousseau, and the French Revolution // *Telos*. – 2024. – Vol. Fall 2024. – №. 208. – P. 43–64.
167. *Pan D.* Myth and the Sovereignty of the People in Carl Schmitt's *The Crisis of Parliamentary Democracy* // *Telos*. – 2024. – Vol. Fall 2024. – №. 208. – P. 87–100.
168. *Pankakoski T.* Political Strata and the Flows of History: Hans Freyer's Conservatism in Light of its Metaphors // *Global Intellectual History*. – 2021. – Vol. 6. – №. 5. – P. 690–711.
169. *Popov D.* Katechon: On the Political and Theological Foundations of International Justice // *Russian Sociological Review*. – 2023. – Vol. 22. – №. 4. – P. 13–25.
170. *Rasch W.* Locating the political: Schmitt, Mouffe, Luhmann, and the Possibility of Pluralism // *International Review of Sociology*. – 1997. – Vol. 7. – №. 1. – P. 103–115.
171. *Scholz L.* Begegnungen im Vorraum der Macht. Carl Schmitt und Niklas Luhmann // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. – 2011. – Vol. 59. – №. 3. – S. 359–368.
172. *Schulzke M.* Carl Schmitt and the Mythological Dimensions of Partisan War // *Journal of International Political Theory*. – 2016. – Vol. 12. – №. 3. – P. 345–364.
173. *Slomp G.* The Theory of the Partisan: Carl Schmitt's Neglected Legacy // *History of Political Thought*. – 2005. – Vol. 26. – №. 3. – P. 502–519.
174. *Thornhill C.* Niklas Luhmann, Carl Schmitt and the Modern Form of the Political // *European Journal of Social Theory*. – 2007. – Vol. 10. – №. 4. – P. 499–522.
175. *Thomsen J. A.* Carl Schmitt – The Hobbesian of the 20th Century? // *Social Thought & Research*. – 1997. – Vol. 20. – №. 1/2. – P. 5–28.
176. *Tönnies F.* Demokratie und Parlamentarismus // *Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft*. Jahrgang 51. München: Duncker & Humblot, 1927. S. 173–216.
177. *Ulmen G. L.* The Sociology of the State: Carl Schmitt and Max Weber // *State, Culture, and Society*. – 1985. – Vol. 1. – №. 2. – P. 3–57.
178. *Vardoulakis D.* Stasis: Beyond Political Theology? // *Cultural Critique*. – 2009. – Vol. Fall 2009. – №. 73. – P. 125–147.
179. *Yahel I.* The Ability to Unite: The Jewish Resistance Movement in Mandatory Palestine. – *Israel Affairs*. – 2018. – Vol. 24. – №. 2. – P. 318–331.

180. *Zadka S.* Propaganda and Guerilla: The Case of the Jewish Armed Struggle against the British in Palestine // *Revue Européenne des Études Hébraïques*. – 1996. – №. 1. – P. 100–116.

VII. Диссертационные исследования

181. *Гаранов Е. Н.* Государственно-правовая теория Карла Шмитта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2007. – 197 с.

182. *Кондуров В. Е.* Политическая теология Карла Шмитта. Теоретико-правовое исследование. дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2021. – 442 с.

183. *Росси Е. А.* Человек и общество в социальной философии К. Шмитта: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. – 163 с.

184. *Лапшин К. Н.* Учение о государстве в трудах Карла Шмитта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Краснодарский университет МВД РФ. Краснодар, 2012. – 193 с.

185. *Юрлова М. Д.* Концептуализация политического субъекта в консенсусных и диссенсусных моделях демократии: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Сев. (Арктический) федеральный университет. Архангельск, 2013. – 140 с.

VIII. Сборники, статьи в сборниках, главы в монографиях на русском языке

186. *Бакунин М. А.* Реакция в Германии (Очерк француза) // Бакунин М. А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 51–73.

187. *Вебер М.* Введение / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм пер. с нем. О. В. Кильдюшова. – СПб.: «Владимир Даль», 2017. – С. 23–68.

188. Вебер М. Наука как призвание и профессия / пер с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденоко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.

189. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика / пер. с нем. Б. М. Скуратова // Политические работы (1895–1919) / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. – С. 7–39.

190. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) / пер. с нем. Б. М. Скуратова // Политические работы (1895–1919) / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. – С. 107–299.

191. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденоко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.

192. Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм пер. с нем. О. В. Кильдюшова. – СПб.: «Владимир Даль», 2017. – С. 399–445.

193. Дмитриев Т. А. Теория партизана вчера и сегодня // Шмитт К. Теория партизана / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. – С. 203–300.

194. Ермаков С. Апокалиптическое народничество, Или чем опасен Агамбен // Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021. – С. 127–188.

195. Кильдюшов О. В. Завершение легенды: Карл Шмитт в конце 1960-х годов // Шмитт К. Политическая теология II / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб.: «Владимир Даль», 2024. – С. 5–42.

196. Кильдюшов О. В. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. – С. 7–26.

197. Кильдюшов О. В. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. – С. 7–32.

198. Михайловский А. В. Политическая теология Карла Шмитта // Взаимодействие духовного и светского образования в России на примере

Московской духовной академии / под ред. И. Д. Шленова. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2015. – С. 168–205.

199. *Попов Д. В.* Полиция как континуум возможностей в биополитической модели государственного управления // Актуальные проблемы полицейского права. Материалы международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 54-59.

200. *Филиппов А. Ф.* Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения // Сад ученых наслаждений: сборник трудов ИГИТИ к юбилею профессора И. М. Савельевой / отв. ред. Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриев, Н. В. Самутина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 23–40.

201. *Филиппов А. Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта // Шмитт К. Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. – С. 433–551.

202. *Филиппов А. Ф.* Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем., заключит. статья и сост. А. Ф. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – С. 259–314.

203. *Филиппов А. Ф.* Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2006. – С. 5–100.

204. *Филиппов А. Ф.* Легальность и легитимность в исторической перспективе // Шмитт К. Легальность и легитимность / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. П. Шурбелева, А. Ф. Филиппова под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: «Владимир Даль», 2024. – С. 324–316.

205. *Филиппов А. Ф.* Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С. 386–446.

206. *Филиппов А. Ф.* Политическая социология Макса Вебера // Социология права в Германии: Сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Алферова. М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. правоведения, 2008. – С. 11–23.

207. *Филиппов А. Ф.* Политический романтизм Карла Шмитта // Шмитт К. Политический романтизм / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2015. – С. 317–380.

208. *Филиппов А. Ф.* Политологические взгляды Карла Шмитта и их влияние на современную политическую науку // Философские основания теории

международных отношений. Вып. 1: Сб. обзоров / под ред. В. И. Шамшурина. М.: ИНИОН, 1987. – С. 59–94.

209. *Филиппов А. Ф.* Техника диктатуры: к логике политической социологии // Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. – С. 277–322.

210. *Филиппов А. Ф.* Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма // Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2008. – С. 99–143.

211. *Штраус Л.* Замечания к «Понятию политического Карла Шмитта» / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. А. В. Михайловского. М.: Издательская группа «Скимень», 2012. – С. 109–142.

IX. Сборники, статьи в сборниках, главы в монографиях на иностранных языках

212. *Brenner Y. S.* The ‘Stern Gang’ 1940–1948 // Palestine and Israel in the 19th and 20th centuries / Ed. by S. Kedouri, S. G. Haim. London and New York: Routledge, 2013. – P. 114–143.

213. *Hirsch M.* Täuschung und Enttäuschung. Staat und Politik bei Niklas Luhmann und Carl Schmitt // Die Staaten der Weltgesellschaft. Niklas Luhmanns Staatsverständnis / Hrsg. von Neves M., Voigt R. Baden-Baden: Nomos, 2007. – S. 19–45.

214. *Kelly D.* Carl Schmitt’s Political Theory of Dictatorship // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 217–244.

215. *Marder M.* The Question of Political Existence: Hegel, Heidegger, Schmitt // On Hegel's Philosophy of Right. The 1934-35 Seminar and Interpretative Essays / ed. by P. Trawny, M. Sá Cavalcante Schuback, and M. Marder. New York: Bloomsbury Academic, 2014. – P. 37–48.

216. *Mehring R.* Carl Schmitt and the Politics of Identity // Key Thinkers of the Radical Right / Ed. by M. Sedgwick, trans. by D. Steuer. New York: Oxford University Press, 2019. – P. 36–53.

217. *Meierhenrich J., Simons O.* «A Fanatic of Order in an Epoch of Confusing Turmoil»: The Political, Legal, and Cultural Thought of Carl Schmitt // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 3–70.

218. *Rasch W.* Carl Schmitt's Defense of Democracy // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 312–337.

219. *Read A.* Pirates and Privateers in Elizabethan England // The Laws of Yesterday's Wars / Ed. by S. White. Leiden and Boston: Brill, 2021. – P. 171–186.

220. *Villa D.* The Legacy of Max Weber in Weimar Political and Social Theory // Weimar Thought: A Contested Legacy / Ed. by P. E. Gordon, J. P. McCormick. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2013. – P. 73–97.

221. *Wirtz T.* Entscheidung. Niklas Luhmann und Carl Schmitt // Widerstände der Systemtheorie: kulturtheoretische Analysen zum Werk von Niklas Luhmann / Hrsg. von A. Koschorke und C. Vismann. Berlin: Akademie Verlag, 1999. – S. 175–197.

Х. Научные статьи автора

222. *Бродский В. И.* Военная иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24. – №. 2. – С. 308–334.

223. *Бродский В. И.* Война во время любви: размышление над статьей С. И. Каспэ в свете различения частной и публичной вражды в учении Карла Шмитта // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22. – №. 3. – С. 147–171.

224. *Бродский В. И.* Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. – 2022. – Т. 34. – №. 3–4. – С. 72–101.

225. *Бродский В. И.* Политическая онтология Карла Шмитта: тождество и репрезентация как способы самоутверждения политической экзистенции // Stasis. – 2023. – Т. 11. – №. 1–2. – С. 174–216.

226. *Бродский В. И.* Политическая теология как призвание и профессия: Макс Вебер и Карл Шмитт // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 13–47.